

русский отдел

рейнхард

Гелен

отдел
«Восток»

тайные операции
западных спецслужб
против СССР

рейнхард

Гелен

**отдел
«Восток»**

тайные операции
западных спецслужб
против СССР

Москва
алгоритм
2011

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8
Г 31

Гелен Р.

Г 31 Отдел «Восток». Тайные операции западных спецслужб против СССР. – М.: Алгоритм, 2011. – 240 с.

ISBN 978-5-4320-0052-1

Рейнхард Гелен в годы Второй мировой войны был руководителем германской разведки на Восточном фронте. После немецкой капитуляции Гелен, как специалист по СССР, был привлечен к работе американскими спецслужбами, на деньги которых он создал «Организацию Гелена», которая позже получила название Федеральной разведывательной службы Германии (BND).

В своей книге Р. Гелен рассказывает о тайных операциях германских спецслужб в СССР со времен Второй мировой войны до конца 1960-х гг. и об участии ЦРУ в действиях, направленных против нашей страны. Работу германской и американской разведок Гелен показывает в контексте общей политики Запада по отношению к России.

**УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8**

© Гелен Р. (Gehlen R.), наследники, 2011

© ООО «Алгоритм-Издат», 2011

© Чернявский В., Чупров Ю.,
перевод с нем., 2011

ISBN 978-5-4320-0052-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Райнхард Гелен — легенда разведки Третьего рейха и «американский шпион номер один».

Вскоре после окончания войны на военной базе рядом с Вашингтоном приземлился самолет, доставивший особо секретного пассажира. На американскую землю ступил один из самых ценных кадров побежденного врага — легенда разведки нацистской Германии генерал-лейтенант Райнхард Гелен (1902—1979).

Когда Гелен еще служил фюреру, в декабре 1944 года в звании генерал-майора он был назначен главой германской разведки на Восточном фронте. Сбором разведывательной информации против Советского Союза Гелен занимался и раньше в составе немецкого Генштаба, в тесном контакте с Вальтером Шелленбергом.

В марте 1945 года, понимая, что эпоха Третьего рейха близится к концу, Гелен с небольшой группой приближенных офицеров сделал микрофильмы собранных материалов и спрятал их в австрийских Альпах.

22 мая 1945 года в Баварии генерал-лейтенант вермахта Гелен сдался 7-й армии генерала Паттона и немедленно попросил организовать ему встречу с американской контрразведкой. Гелен предложил США свой аппарат, агентурную сеть и собранные материалы в обмен на свободу.

Пока Советский Союз бесплодно требовал экстрадиции Гелена и передачи его материалов, в Пентагоне стороны быстро достигли взаимопонимания. Материалы Гелена и его сеть были признаны исключительно ценными, а все его условия — приняты. По сведениям журнала *Der Spiegel* от 22 сентября 1954 года, Гелен восстановил свой разведывательный аппарат, составленный исключительно из немецких кадров, а финансировать его стала американская контрразведка. С Геленом непосредственно общался Аллен Даллес.

В результате договоренности между американцами и Геленом сотни офицеров вермахта и СС были освобождены из лагерей для пленных и перевезены в штаб Гелена в горном массиве Шпессарт в Центральной Германии — так образовался костяк организации из 350 офицеров, отобранных лично Геленом. Когда кадровый состав организации Гелена, или Геленорг, как она сокращенно называлась, достиг трех тысяч человек, штаб переехал в строго охраняемое место рядом с Мюнхеном, где Геленорг существовала под неброской вывеской «Организация индустриального развития Южной Германии». В начале 1950-х годов Геленорг насчитывала уже четыре тысячи офицеров. Агентурная сеть Гелена охватывала огромную территорию от Кореи до Каира и от Сибири до Сантьяго-де-Чили. В апреле 1956 года Геленорг была официально интегрирована в структуру госорганов, став основой Федеральной разведывательной службы Западной Германии, которую возглавил, естественно, Гелен. С этого поста он ушел в отставку только в 1968 году.

* * *

К началу 1950-х о деятельности Геленорг знали в Германии. Но американская публика впервые услышала о Гелене только в 1954 году со страниц газеты *The Washington Post* (номер от 9 сентября), представившей его как «американского шпиона номер один»: «Имя Гелена никогда не производилось в Конгрессе во время дебатов по ассигнованиям,

при этом он расходует 6 миллионов долларов в год, выделяемых ему Министерством финансов США. Тысячи агентов разных национальностей состоят у него в штате вместе с элитой контрразведывательного корпуса старой германской армии. <...> Центральное разведывательное управление и Пентагон, похоже, доверяют этому германскому генерал-лейтенанту в отставке больше, чем любому государственному деятелю союзников».

Генерал-лейтенант гитлеровской разведки Гелен имел такой успех у руководства США, ибо Соединенные Штаты и Британия на тот момент строили новые планы в отношении Советского Союза. В мае 1945 года президент Трумэн был убежден, что следующим врагом Америки будет Советский Союз. Однако США не обладали агентурной сетью в Восточной Европе. Поэтому им был нужен Гелен со своей организацией. Геленорг в течение многих лет оставалась единственной возможностью для ЦРУ «видеть» и «слышать», что происходило в советском блоке.

Рассекреченные документы подтверждают, в частности, что уже летом-осенью 1945-го США, в рамках секретных антисоветских программ Pastime и Kibitz (1945—1956 годы), организовали на территории американской оккупационной зоны в Германии — это почти вся Западная Германия и 45% территории Западного Берлина — сеть немецкой агентуры для работы против СССР. Та сеть включала и разведчиков-немцев «гитлеровской формации», и представителей примерно 20 национальностей из числа бывшей гитлеровской агентуры в Советском Союзе.

В СССР в 1945—1970-х годах работало минимум 10 тысяч разведчиков, которые прежде подчинялись Третьему рейху, а с 1945-го — американцам. Причем 60% этой агентуры занимало в разные годы руководящие должности низшего и среднего звена на заводах, транспорте, в сфере науки и культуры, СМИ, в парторганизациях.

Для Гелена сотрудничество с Соединенными Штатами против Советского Союза, разгромившего его державу,

представлялось ему наиболее эффективным способом продолжить борьбу. Когда СССР едва-едва начал восстанавливаться, Гелен посылал в Вашингтон сообщения о неминуемой атаке Советского Союза. В 1948 году он почти убедил США в том, что СССР вот-вот начнет наступление на Запад. Гелен рекомендовал ударить первыми. Позднее, в 1950-е годы, Гелен утверждал, что СССР опережает США в военном строительстве. Бывший офицер ЦРУ Виктор Марчетти рассказывал: «В ЦРУ обожали Гелена, потому что он говорил то, что мы хотели услышать. Мы постоянно использовали его материалы и передавали их другим — в Пентагон, Белый дом, прессе. Им они тоже очень нравились. Но это была фальшивка о русском страшилище, и она принесла много вреда США».

Возможно, одним из важнейших результатов деятельности Геленорг стала выработка концепций «отбрасывания» СССР и «освобождения» Восточной Европы. Концепция «отбрасывания» основывалась на стратегии подпольных операций, которые были разработаны в Третьем рейхе в Министерстве по восточным делам под руководством Альфреда Розенберга. Частью стратегии было рекрутирование национальных меньшинств СССР для подрывной деятельности — за это меньшинствам обещалась номинальная независимость в рамках «Великой Германии». В американском варианте концепция «освобождения» предполагала искоренение коммунизма в Восточной Европе и развал Советского Союза на составлявшие его республики под предлогом установления демократии в «освобожденных» странах.

Иными словами, Советский Союз подтачивался, разрушался по многим направлениям. И, скорее всего, разведсистема Гелена не могла не быть причастной к развалу СССР на рубеже 1980—1990-х годов.

Вероника Крашенинникова, Альфред Росс

Часть 1

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКИ В ПЕРИОД ВОЙНЫ С СССР

НАЧАЛО ВОЙНЫ.

ПРИЧИНЫ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НЕУДАЧ ГЕРМАНИИ В 1941 г.

В настоящее время мы переживаем своеобразный ренессанс в оценке высказываний Клаузевица о войне и определяющих ее факторах. Это становится тем более понятным, что развитие истории показывает: даже в эпоху термоядерного оружия возможны войны, и в будущем с этим придется считаться. Мысленно возвращаясь назад, видишь, что было бы совсем неплохо, если бы Гитлер более подробно познакомился с положениями Клаузевица и соразмерял свои действия с его учением. Как это делал Ленин, оставивший многочисленные пометки на полях книги «О войне», которую написал великий стратег.

Клаузевиц, как известно, утверждает: война — это продолжение внешней политики с применением других, насильственных средств. По-видимому, целесообразно рассмотреть его краткое положение в более широком плане. Клаузевиц задает вопрос: что же такое война? И отвечает: «Война — это акт насилия, чтобы заставить противника подчиниться нашей воле». И далее: «Насилие берет на вооружение все новые открытия в области искусства и науки, чтобы дать отпор другому насилию. Незаметные, порой не стоящие упоминания ограничения, которые насилие само себе устанавливает, прикрываясь международным правом и традициями, составляют его суть, несколько не ослабляя

его силы. Насилие, понимаемое только как физическое действие, ибо морального государство и закон не признают, — это средство для того, чтобы достичь цели, подчинив противника своей воле. А чтобы наверняка добиться этой цели, противника следует обезоружить. Вот что, собственно, и является целью войны. Здесь цель подменяет смысл, отбрасывает его как нечто к ней не относящееся».

Исследовав далее суть, цели и причины войны, Клаузевиц приходит к следующему выводу: «Война, в которую втянуты несколько народов — прежде всего просвещенных, всегда возникает из-за какого-либо политического обстоятельства и по причине политической. Следовательно, война — это политический акт. Являясь неприкрытым выражением силы, война, вызванная политикой, становится на ее место как независимый фактор и вытесняет ее полностью, подчиняясь лишь собственным законам, словно мина, которая взрывается под воздействием заложенного в нее часового механизма, не реагируя на любое вмешательство извне. Так этот вопрос трактовался до сих пор, поскольку недостаточная взаимосвязь между политикой и войной приводила к такой оценке. Однако такое представление абсолютно ложно. Война в действительности вовсе не такое чрезвычайное событие, которое возникает и устраняется лишь одним способом. Тут действуют несколько различных сил, развивающихся неравномерно и неоднородно. Они то усиливаются, чтобы преодолеть сопротивление, то ослабевают настолько, что не могут вызвать никакого влияния. Следовательно, мы имеем дело со своеобразным пульсированием — возникающие напряжения преодолеваются то медленно, то быстро, пока не наступит упадок сил.

Если исходить из того, что война вызывается какой-то определенной политической целью, то вполне естественно: первая причина, вызвавшая ее, так и останется первым и главным соображением для тех, кто руководит вооруженным конфликтом. Но политическая цель не может диктовать законы войне... И все же политика пронизывает весь военный конфликт и оказывает на него постоянное влияние.

Итак, мы видим, что война — не только политический акт, но и действенный политический инструмент, продолжение политической деятельности другими средствами. Что остается присущим войне, так это — своеобразный характер ее средств. И если направленность и цели политики не входят в противоречие с этими средствами, то объясняется это военным искусством в целом и деятельностью полководца в каждом отдельном случае. Взаимосвязь, судя по всему, довольно тесная, но, насколько велико ее обратное воздействие на политику, — сказать трудно. Одно ясно: политические намерения являются целью, война же — средством, а средство никогда не может быть без цели».

* * *

Если следовать этой логике, то в летней военной кампании 1941 года разгром вооруженных сил был целью, достижение которой создало бы предпосылку для выполнения политических задач, то есть политических намерений и замыслов Гитлера. Цели этой мы, вне всякого сомнения, не достигли. Более того, кризисное положение на центральном и южном участках Восточного фронта было ликвидировано с большим трудом за счет колоссальных, можно сказать, невосполнимых потерь в людях и военных материалах, а также территории.

Еще генерал-полковник Бек, предшественник Гальдера на посту начальника генерального штаба, в своем меморандуме весной 1938 года обращал внимание на то, что политика Гитлера неминуемо приведет к мировой войне с участием США и что Германия в таком конфликте неизбежно окажется побежденной, так как она не располагает необходимыми средствами и экономическим потенциалом. При этом начальник генштаба исходил из положения Клаузевица о том, чтобы направленность и цели политики не входили в противоречие с имеющимися средствами, за что и был отправлен в отставку.

Главнокомандующий сухопутных войск генерал-фельдмаршал фон Браухич и начальник генерального штаба генерал-полковник Гальдер в ходе планирования военной кампании против России также высказывали свои опасения относительно успешного выполнения задач кампании, учитывая громадные пространства России. Они, в частности, ссылались на трудности снабжения войск. Но Гитлер был твердо убежден в том, что немцам удастся сломить сопротивление Советов в течение нескольких недель, еще до наступления зимы. Исходя из этого, он отказался рассматривать все возражения. Людских резервов, по мнению фюрера, также вполне хватало, хотя реально их было достаточно лишь для восполнения потерь молниеносной войны. Опасения генерал-полковника Гальдера, которые разделяли все три командующих группами армий, к сожалению, получили подтверждение на бескрайних просторах России.

Несмотря на чрезвычайные усилия и грандиозные первоначальные успехи, вермахту не удалось в течение первых пяти-шести недель нанести решающее поражение Красной Армии и разгромить ее, чтобы она была не в состоянии, даже бросая в бой свежие дивизии, оказывать дальнейшее сопротивление. Ведь когда в Москве стало ясно, что японцы на Дальнем Востоке не начнут боевых действий против России, на решающих участках Западного фронта у Советов появились сибирские дивизии.

Предусмотренное вначале немецким генеральным штабом направление главного удара на важнейший транспортный узел и политический центр — Москву, что, кстати говоря, было военной, а не политической целью, перенесли по самопроизвольному решению Гитлера на группы армий «Юг» и «Север». В результате вмешательства фюрера, повернувшего на юг часть дивизий, входивших в состав основной наступательной группировки войск, нацеленной на Москву, мы окружили противника под Киевом, захватив почти два миллиона пленных. Но этот успех не оказал решающего влияния на достижение главной цели всей военной кампа-

нии. И хотя передовым частям группы армий «Центр» и удалось достичь пригородов Москвы, нам не хватило ни стратегических, ни тактических резервов для того, чтобы выиграть решающее сражение.

* * *

Гитлер точно сформулировал политическую цель, которую преследовал. Он намеревался раз и навсегда покончить с большевистской опасностью и завоевать, как он подчеркнул в своей книге «Майн кампф», чрезвычайно необходимое для немецкого народа «жизненное пространство». В своих пропагандистских выступлениях фюрер особо выделял первый аргумент. Немецкая пропаганда с его подачи в один голос твердила, что наша главная военная цель — освобождение России от коммунизма. Эта мнимая цель нашла понимание, в первую очередь, у фронтовиков, которым приходилось каждодневно испытывать на себе мощь советского военного потенциала.

Немецкое военное руководство — я уже упоминал об этом — с самого начала относилось весьма скептически к замыслам полностью разрушить и уничтожить Советский Союз как государство имеющимися в наличии средствами, хотя и было уверено в превосходстве своих войск над Красной Армией. То, что этих средств не хватало, было очевидным. В своей предыдущей политике Гитлер всегда принимал во внимание мнение генерального штаба, основанное на тщательной оценке обстановки (ввод войск в Рейнскую область, аншлюс Австрии, присоединение Судетской области, встреча руководителей четырех держав в Мюнхене, вступление в Чехословакию, пассивность Лондона и Парижа в период польской кампании). Но он запрещал, порою в резкой, даже оскорбительной форме политически мотивированные возражения генералов. Никогда в немецкой истории примат политики, даже точнее — политического руководства — не довлел в такой степени над военными, как в Третьем рей-

хе. Военное руководство уступило Гитлеру в 1941 году — да, впрочем, как оно могло поступить иначе. Однако дальнейший ход событий подтвердил правоту военных.

К политической цели военной кампании в России, сформулированной недостаточно четко, стали относиться с все меньшим доверием по мере того, как обнаруживалось, что военной цели — полного разгрома советских вооруженных сил — Германия достичь не сможет. Осенняя распутица и зимние холода поставили наши войска (наступавшие непрерывно) в исключительно тяжелое положение. Колоссальные потери в людях и технике далеко превысили допустимые размеры.

Поэтому в различных звеньях главного командования сухопутных войск и других органах высшего управления генералы и офицеры стали задаваться вопросом: что же необходимо сделать, чтобы военная кампания против Советского Союза получила хотя бы самые малые шансы на успех и закончилась достойно? В ходе размышлений рассматривалась, в частности, возможность точно сформулировать политическую цель, которая открыла бы для русского народа позитивные перспективы в будущем и побудила бы его начать активную борьбу против Сталина и его системы.

Самое позднее с весны 1942 года можно было все отчетливее видеть, что военные стали более активно выступать за то, чтобы изменить представление о войне как исключительно акте насилия. Они предлагали максимально политизировать ее цели, дабы представить народам России возможность перейти на нашу сторону. Политическое же руководство (Гитлер) резко выступало против такой позиции, хотя со временем даже Альфред Розенберг, возглавлявший министерство по делам оккупированных восточных территорий, изменил свою позицию и стал поддерживать военное командование. Однако Гитлер оставался непреклонен: никаких политических решений. Будучи не в состоянии правильно оценить имевшиеся в его распоряжении средства, в том числе и военные, он делал ставку исключительно на

силу и тем самым обрек немецкий народ на гибель. В то время в ходу была перефразированная пропагандистская формулировка: «Фюрер приказывает, мы следуем указаниям» — «Фюрер приказывает, мы отвечаем за последствия».

* * *

До сих пор недостаточно ясно говорится о том, что именно солдат — отчасти неосознанно, а в высших штабах, так вполне осознанно — понял, что в ведущейся Гитлером войне еще с Польши политика полностью подчинена военному решению всех вопросов. По мнению некоторых офицеров, давно пора было, согласовав политические и военные акции, добиться не только облегчения положения войск, но и придать военной кампании против Советского Союза решающий политический импульс. Только таким образом можно было благополучно закончить войну и прийти к сотрудничеству с освобожденной от коммунизма и дружественной по отношению к Германии Россией.

Такая возможность реально имелаась, так как население России перед 1939 годом сильно пострадало от сталинского террора. Вспомните эпоху раскулачивания и затянувшегося экономического хаоса, чистки в Красной Армии, связанные с аферой в отношении Тухачевского, избиение партийных кадров, угнетение национальных меньшинств — и это далеко не все. А возьмите религиозные преследования, оставившие у народа России бесконечную горечь, с чем мы не раз сталкивались. Не случайно наших солдат повсюду — в северных и южных районах, на Украине и в Белоруссии, да и в других местах — население встречало как освободителей.

Части Красной Армии — иногда целые полки и даже дивизии — бросали оружие. Число перебежчиков в первые месяцы войны, не считая миллионов военнопленных, превысило всякие ожидания.

В трех прибалтийских республиках — Литве, Латвии и Эстонии, которые были присоединены к Советскому Сою-

зу только в 1940 году, — была еще свежа память о национальной независимости. Поэтому литовцы, латыши и эстонцы сразу же предложили немецким освободителям свою помощь в надежде, что будет восстановлена независимость их государств.

Украинцы, кавказцы, тюркские народы ожидали, что, наряду с освобождением от сталинского ига, сбудутся их национальные чаяния, пусть даже и не в том объеме, в каком предполагали некоторые из бывших государственных деятелей, находившихся в эмиграции.

Восстановление элементарных прав и человеческого достоинства, свободы, законности и частной собственности после двадцати лет полного бесправия и террора — все это способствовало бы объединению людей, не служивших системе. Они были готовы поддержать немцев, и нам оставалось лишь использовать эту готовность.

Если бы мы сразу обратились к народам России с честным и откровенным предложением поддержать нас, то наверняка они объявили бы сталинскому режиму освободительную войну, которая привела бы к скорому и положительному для нас окончанию русской кампании.

Но так не получилось. Тогда наши войска, руководствуясь естественным чувством самосохранения, стали на фронте самостоятельно принимать необходимые меры — без разрешения высокого командования, поскольку восстановление людских потерь все больше запаздывало, а для освоения огромных пространств России требовалось все больше солдат: в немецкие подразделения для выполнения вспомогательных функций стали привлекаться добровольцы — русские, украинцы и представители других российских народов. Точное число волонтеров установить невозможно, так как командиры подразделений во многих случаях не сообщали об этом вышестоящим начальникам. Летом 1942 года таких добровольцев было от 700 тысяч до 1 миллиона. Некоторые из них участвовали в боях в составе немецких подразделений против Красной Армии.

На оккупированных территориях местные жители проявляли инициативу, которая могла быть использована в политических целях. Например, в городе Смоленске, находившемся за нашей линией фронта, из числа местных жителей был образован комитет, который заявил о своей готовности создать национальное русское правительство и освободительную армию численностью до одного миллиона человек. Учитывая, что обстановка на фронте требовала четкой политической ориентации, генерал-фельдмаршал фон Бок поддерживал смоленский комитет. Однако Гитлер отклонил предложения смолян. Фюрер отрицательно отнесся и к аналогичным инициативам литовцев, латышей и эстонцев.

Группа армий «Центр» выступила с предложением восполнить потери личного состава за счет создания до апреля 1942 года вспомогательных русских подразделений общей численностью до 200 тысяч человек. Командующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич оценил высоко эту инициативу: она могла сыграть решающую роль в войне. Но и из этого ничего не получилось: Браухич и Бок в декабре 1941 года были сняты со своих должностей.

* * *

Зимой 1941/42 года я не один раз обменивался мнениями с начальником генерального штаба и другими руководящими лицами. В итоге мы пришли к заключению: нужно четко сформулировать политические цели войны и в соответствии с ними изменить оккупационную политику в отношении России. И сделать это как можно быстрее.

Ответственные лица в генеральном штабе, сфера деятельности которых затрагивалась этими соображениями, ожидали, что Гитлер под влиянием изменений обстановки в ходе военной кампании наконец-то изменит свои взгляды и четко сформулирует политические цели войны, которые неминуемо воздействуют на осуществлявшуюся до тех пор оккупационную политику. С одобрения начальника генераль-

ного штаба была проведена необходимая подготовительная работа, чтобы быстро ввести такие изменения. Лица, которые занимались этими проблемами, помимо начальника генерального штаба: начальник оперативного управления, начальник организационного отдела, начальник отдела «ИАВ» и генерал-квартирмейстер.

Мы выступили с инициативой взять на учет все вспомогательные и добровольческие подразделения из местного населения и решить вопрос об их продовольственном снабжении, денежном содержании и месте в составе немецких войск. Была подготовлена директива, на основании которой все дивизии Восточного фронта получали право вводить в состав каждой дивизии до 3 — 4 тысяч человек из числа местных жителей и ставить их на полное довольствие. Мероприятия подобного рода, как упоминалось выше, уже проводились на практике фронтовыми частями.

Такие меры ускорила оценка состояния войск, в которой говорилось: хотя потери личного состава и не могут быть полностью компенсированы ни в количественном, ни в качественном отношении, ударная сила немецких дивизий на Восточном фронте все же поддерживается на достаточном уровне. Дальнейшая борьба с Советами может быть успешно продолжена при соответствующем изменении политической и военной концепции. Гитлер, однако, и на пороге нового 1942 года так и не решился изменить свои политические цели в духе сказанного выше.

«ИНОСТРАННЫЕ АРМИИ ВОСТОКА»

1 апреля 1942 года я был назначен начальником 12-го отдела генерального штаба — отдела «Иностранные армии Востока», то есть того подразделения, которое занималось изучением положения дел нашего главного противника — Советского Союза. Назначение было произведено в связи с тем, что начальник генерального штаба генерал-полковник

Гальдер счел целесообразным заменить руководителя отдела еще до начала запланированного наступления немецких войск в направлении Волги и Кавказа. Выбор его пал на меня, по-видимому, потому, что я с конца 1939 года до начала октября 1940 года был его порученцем, а позднее, вплоть до моего назначения на новую должность, служил в оперативном управлении и принимал участие в разработке предстоящей операции. Мне были известны во всех подробностях задачи и состав привлекаемых сил и средств, а также промежуточные и конечная цели планирования.

Обстановка на начало апреля 1942 года характеризовалась тем, что нам удалось на всех участках групп армий «Центр» и «Юг» стабилизировать фронт, прорванный в зимние месяцы. Контрнаступление русских привело на отдельных направлениях к оставлению нами значительных территорий. Имелись существенные потери в снаряжении и боевой технике. Но самым тяжелым было, пожалуй, то, что немецкий солдат после двух лет побед впервые столкнулся если и не с поражением, то с мощными контрударами противника. А это повлекло за собой опасные психологические последствия, хотя вина за случившееся падала в первую очередь на погодные условия — непролазную грязь и морозы до минус 56 градусов, а также на нехватку, особенно вначале, зимнего обмундирования и сильно поредевший боевой состав частей и подразделений.

Не только по соображениям психологического порядка было необходимо как можно быстрее восстановить нашу инициативу, проведя новое мощное наступление. Предсказанные отделом «Иностранные армии Востока» советские контрудары в середине ноября 1941 года показали, что Сталин в случае необходимости пускал в дело дивизии с Дальнего Востока, чтобы выровнять положение на своем западном фронте. Зимние сражения показали также, что русские способны к импровизации. Каждая передышка давала возможность Советам восстанавливать подорванные летом 1941 года силы и оттягивать до бесконечности решающее

сражение. Вместе с тем у нас самих возрастала опасность ведения войны на два фронта. Ибо самое позднее начиная с 1943 года необходимо было считаться с возможностью начала наступательных операций в Европе крупных американских сил. Таким образом, уже в начале 1942 года Гитлер оказался в таком же положении, как и верховное главнокомандование немецкой армии во время Первой мировой войны. Точнее говоря, обстановка напоминала февраль 1917 года.

Во время моей службы в оперативном управлении мы получили задание исследовать, где и какими силами можно было провести новое крупное наступление. При этом выяснилось: вермахт и военная промышленность, несмотря на все усилия, не в состоянии восполнить потери в живой силе и технике, чтобы обеспечить переход в наступление на всем протяжении гигантского фронта, протянувшегося от Крыма до Ленинграда, даже если бы мы пустили в дело дивизии, сформированные для действий против Великобритании. Поэтому пришлось ограничиться наступательными операциями более узкого масштаба: отражение контрударов противника прежде всего в Крыму и под Харьковом, овладение Ленинградом, чтобы вывести из строя Балтийский флот и установить, наконец, прямую и прочную связь с финнами.

Все имевшиеся в нашем распоряжении силы и средства должны были использоваться для наступательных операций лишь там, где русские будут вынуждены перейти к решительным действиям. По мнению генерал-полковника Гальдера, таким направлением могла быть только Москва. Овладение советской столицей, наряду с воздействием психологического характера, повлекло бы парализацию не только политического центра страны, но и главного транспортно-узла коммунистической империи, что привело бы если и не к потере возможности ведения Советами дальнейших военных действий, то значительно усложнило бы их. Однако по этому вопросу между Гитлером и Гальдером возникли серьезные разногласия. Фюрер настаивал на ударе в направлении Сталинграда, чтобы лишить русских возмож-

ности пользоваться Волгой — главным водным путем — и захватить Кавказ. Он аргументировал свои доводы тем, что оккупация нефтеносных районов будет иметь решающее значение для дальнейшего хода войны. В противном случае снабжение Германии горючим и смазочными материалами через шесть месяцев будет полностью парализовано. Однако это утверждение оказалось неверным, поскольку и без кавказской нефти мы смогли вести боевые действия еще в течение двух с половиной лет.

* * *

В отношениях между Гитлером и Гальдером не обошлось без напряженности и в 1940 году во время военных действий на Западе. Они еще более ухудшились в 1941 году, когда Гитлер настоял на том, чтобы основной удар перенести в августе на юг — в направлении Киева. Правда, это решение привело к крупнейшему во всемирной истории сражению на окружение войск противника в битве за Киев. Тогда к нам в плен попали почти два миллиона советских военнослужащих. Но эти «канны» оказались лишь пирровой победой, следствием которой, как и опасался Гальдер, явилась неудача под Москвой, что привело к затягиванию военной кампании со всеми вытекающими отсюда нежелательными последствиями.

Разногласия по поводу ведения боевых действий 1942 года обострили до крайности отношения между Гитлером и Гальдером. Дело в конце концов окончилось разрывом: 24 сентября 1942 года начальник генерального штаба был уволен в отставку по собственной просьбе. Вот что говорил сам Гальдер по этому поводу: «Я буду возражать Гитлеру до тех пор, пока он меня не отпустит, ибо никакими деловыми аргументами его уже не убедить».

Личные прошения высших руководителей вермахта об отставке Гитлер всегда отклонял, но просьбу Гальдера удовлетворил.

Главную роль в том, что Гитлер принял решение развернуть летом 1942 года наступление на юге России, сыграли экономические доводы, но никак не военные и политические соображения, требовавшие отказа от проведения эксцентричных операций в глубине огромной советской территории. Отрицательным фактором было и то обстоятельство, что на южном направлении, за Доном, имелась явно недостаточная сеть шоссейных дорог и лишь один железнодорожный путь, что никак не обеспечивало нормальное снабжение немецких войск. Но Гитлер проигнорировал и эту объективную реальность.

Понятно, что в таких условиях было очень важно заставить противника еще в начальной стадии операции ввязаться в бой и разбить его наголову. А отсюда вытекала необходимость, чтобы вверенный мне отдел как можно раньше представил руководству полные и достоверные данные о положении войск противника и его текущих и долгосрочных планах.

Таким образом, в силу своих новых обязанностей мне пришлось возглавить службу «1-Ц» (оперативной разведки) всего Восточного фронта. К этому с первых же дней моего вступления в должность добавилась еще одна задача: оценивать потенциал нового мощного противника — Соединенных Штатов Америки и их сухопутных сил.

В мирное время наш отдел должен был, взаимодействуя с другими службами генштаба, составлять по возможности максимально полную картину военного и военно-промышленного потенциала, а также состояния вооруженных сил восточноевропейских государств. Вместе с тем руководство должно было располагать информацией и о том, с какими географическими, природными и метеорологическими условиями ему придется считаться. Эта информация передавалась и в войска. Особое значение придавалось получению данных о боевом духе войск предполагаемого противника, которые закладывались в основу, как мы сказали бы сегодня, психополитического анализа. Сведения, которыми

мы располагали о советских солдатах еще в мирное время, были полностью подтверждены в первый же год восточной кампании. Предсказанные твердость и выносливость русского солдата, его нетребовательность и невзыскательность в отношении материальных условий позволяли Красной Армии вести боевые действия даже в случаях, когда сражение было уже проиграно. Подтвердилось и предположение, что кадровый состав командного звена хорошо подготовлен в идеологическом плане, чего нельзя сказать о большинстве командиров, призванных из резерва. В случае серьезных поражений, которые потерпят Советы, мы не без оснований прогнозировали рост числа перебежчиков.

Ныне совершенно очевидно: так называемый приказ о комиссарах, против введения которого безуспешно выступали главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич, Гальдер и различные управления и службы генерального штаба, в особенности отдел «Иностранные армии Востока», объективно препятствовал массовой сдаче русских в плен: они боялись попасть к немцам, считая, что их сразу же уничтожат. На самом деле в очень многих случаях этот приказ на фронте не выполнялся. Здравый смысл наших офицеров и солдат протестовал против такого распоряжения, нарушавшего положения Гаагской конференции о военнопленных и вступавшего в противоречие с их совестью. Тысячи комиссаров и политработников попадали в плен, и многие из них становились убежденными сторонниками власовского движения.

Приказ о комиссарах имел роковые последствия в психологическом плане для самих немецких вооруженных сил. Его неисполнение влекло за собой строгие наказания солдат и младших офицеров. Чтобы избежать штрафных санкций, полевые командиры искажали свои донесения, чтобы скрыть истинное положение с военнопленными на своих участках фронта. Высшее командование таким образом вводилось в заблуждение, а воинская мораль падала.

Когда я вступил в должность, Гальдер, благословляя меня, подчеркнул, что ожидает от отдела не только глубокого анализа ежедневного положения на фронте, но, главным образом, оценки оперативных намерений противника и его возможностей в перспективе.

Вскоре у меня сложилось впечатление, что работа отдела может быть значительно улучшена в свете требований начальника генерального штаба, если будут устранены некоторые организационные недостатки и трудности психологического характера.

Основное психологическое упущение, на мой взгляд, заключалось в традиционной недооценке службы «1-Ц» и ее деятельности, в особенности разведывательной. Так, по данным покойного полковника Николаи, возглавлявшего во время Первой мировой войны немецкую разведку, она перед самой войной имела в своем распоряжении лишь 300 тысяч марок в год. И генерал-фельдмаршал граф фон Шлифен в одном из своих остроумных очерков, посвященном характеристике современного полководца, саркастично высказался о таком пренебрежении службой «1-Ц», от которого в свое время не был свободен и я. Что же касается структуры и штатов этой службы, то здесь еще в мирное время ощущался недостаток кадровых офицеров. Так, по штатному расписанию генерального штаба от 3 января 1939 года в 12-м отделе предусматривалось всего семь офицеров.

В штабе армейского корпуса имелся лишь один офицер этой службы. В большинстве своем должность занимали молодые капитаны — кандидаты в офицеры генерального штаба, проходившие там практику. К тому же они не только представляли службу «1-Ц», но и являлись одновременно уполномоченными контрразведки.

В дивизии по штатам мирного времени должность офицера по сбору и обработке данных о противнике вообще не предусматривалась. Во время войны ее занимали по боль-

шей части офицеры запаса, которые зачастую добивались изумительных результатов. Конечно же такое пренебрежительное отношение к деятельности по линии «1-Ц» было не оправдано, поскольку здесь от офицера, особенно в вышших штабах, требовалось широкое и нестандартное мышление, если он хотел соответствовать своему назначению. Я бы сказал, он должен был думать одновременно в двух направлениях. Мало было знать точное наименование частей противника, их численность и вооружение. Нужно было сказать достаточно определенно и конкретно о намерениях врага. А это предполагало тонкое знание образа мыслей и принципов штабного персонала противной стороны. Объясняя возможные действия своих врагов, офицер службы «1-Ц» должен был уметь отстаивать принципы противника и доказывать своему начальству, что тот не может поступить иначе. А такое, как правило, с большим трудом удавалось молодым и младшим по званию.

Поэтому вскоре после моего вступления в должность я обратился к начальнику генерального штаба с предложением о повышении значимости службы «1-Ц», с тем чтобы ее должности были приравнены к должностям службы «1-А» (оперативные отделы и отделения соответствующих штабов). Моя просьба была удовлетворена. Правда, офицер службы «1-А» все же оставался «первым среди равных», как говорили римляне, но это была скорее своеобразная дань вежливости. А по сути дела, реорганизация повысила значение службы «1-Ц»: ее данным в штабах стали уделять большее внимание и серьезно прислушиваться к мнению ее офицеров.

Вторым большим упущением, по моему мнению, было недостаточное сотрудничество с другими службами и управлениями, располагавшими значительными возможностями по сбору интересовавших нас данных, в особенности — с управлением военной разведки и контрразведки — абвером. Я довольно часто получал и оттуда информацию, содержание которой хотя и представляло определенный интерес, но все же оставляло желать много лучшего. Недостаток этот проистекал не от небрежности или незаинтере-

сованности. Дело в том, что инициатива на фронте вплоть до последнего времени оставалась в руках немцев: военные операции приносили быстрые и крупные успехи. Поэтому вполне естественно, что внимание службы «1-Ц» и оперативного управления верховного главнокомандования было сконцентрировано главным образом на текущих делах, охватывая лишь ближайшее будущее. Управление разведки и контрразведки, в связи с нехваткой времени для передачи нам полученных им сведений, играло при этом незначительную роль. В тот период мы опирались главным образом на данные войсковой разведки. Их тогда вполне хватало, хотя меня ныне иногда удивляет, как это при небольшом объеме информации мы добивались крупных успехов.

Но чудесное то время закончилось, когда потерпела неудачу летняя кампания 1941 года. Теперь противник, пусть даже на короткий срок, захватил инициативу. В связи с этим возросла необходимость проведения перспективного анализа возможностей и оперативных замыслов русских, чтобы избежать новых неприятных неожиданностей.

При таком положении вещей я очень скоро связался с адмиралом Канарисом, которого до тех пор знал лишь понаслышке. Его управление военной разведки и контрразведки было подчинено непосредственному верховному главнокомандованию вермахта. Я поставил перед собой цель сделать наше сотрудничество более тесным и интенсивным. Очень скоро между нами установились прочные личные контакты.

АДМИРАЛ КАНАРИС. МАРТИН БОРМАН — РУССКИЙ АГЕНТ

Личность адмирала даже по прошествии многих лет после его трагической смерти — он был казнен 9 апреля 1945 года после весьма сомнительного расследования, произведенного эсэсовским судом в концлагере Флоссенбюрг, — до сих пор окутана покровом неопределенности

и двойственности. Он разделил участь многих выдающихся представителей разведывательной службы как внутри страны, так и за рубежом, в числе которых был и полковник Николаи. В некоторых публикациях авторы, которые наверняка не знали Канариса лично и тем более не были с ним в близких отношениях, критикуют его поступки и действия. Они обвиняют адмирала в нерешительности, недостаточной выдержке, но чаще всего — в непредсказуемости. На личность начальника абвера бросают тень сделанные после войны сомнительные разоблачения его в том, что он, мол, пытался изменить отечеству.

По моему мнению, все эти весьма неопределенные и мало аргументированные версии вносят путаницу в оценку действий Канариса и не только не приближают нас к истине, но еще больше удаляют от нее. Против сочинителей таких историй говорит, прежде всего, то глубокое уважение и даже восхищение, которое бывшие сотрудники абвера питают до сих пор к адмиралу. В словах этих людей звучит не только благодарность за сердечную заботу о них, но и почтение к нему как к незаурядной личности.

В Канарисе, наряду с его религиозностью и верностью офицерской чести, пожалуй, сильнее всего поражала фундаментальная образованность — явление довольно редкое среди высших офицеров. В нем было многое от идеалов и воззрений первой половины девятнадцатого века, которые способствовали выдающимся офицерам прошлого достичь высоких научных вершин, далеко выходящих за узкие рамки военного дела. Наряду с широкой и глубокой образованностью, Канарис, в отличие от многих флотских и армейских офицеров, не видевших абсолютно ничего за пределами Северного и Балтийского моря и границами Германии, обладал способностью разбираться во взаимосвязях мирового масштаба. С этим было связано и его тонкое восприятие развития политических событий, которые он довольно часто пересказывал с поразительной точностью. Неудивительно, что Канарис уже в начале военных действий против Рос-

сии серьезно оценивал сложившуюся обстановку, а также перспективу благополучного для Германии исхода войны. Вот почему ему особенно тяжело было видеть, что руководители немецкого государства скептически относились к его прогнозам и отводили ему роль неудавшейся современной Кассандры.

К национал-социализму Канарис относился отрицательно. Как и генерал-полковник Бек, он страдал оттого, что его внутренний религиозный настрой входил в противоречие с принятой им военной присягой. Его душевные страдания безмерно обострились из-за сознания того, что, хотя Германия, вступившая в войну по вине Гитлера, вела борьбу не на жизнь, а на смерть, ей, несмотря на тяжелейшие жертвы, предстояло пережить полное поражение. Он не принимал всерьез оптимистические пропагандистские заверения нацистских бонз и их союзников о конечной победе рейха. Его не успокаивали и заверения западных держав, что в случае их победы вся ответственность за войну ляжет лишь на национал-социалистов.

Мне вспоминается наш долгий доверительный разговор в 1942 году, когда Канарис, затронув в ходе беседы вопрос о разглашении государственной тайны и государственной измене, пришел к выводу: можно будет даже оправдать последнюю, учтя исключительность военной ситуации и позицию тогдашнего высшего руководства. Тот, кто брал на себя такую миссию, по мнению адмирала, должен был постоянно помнить, что только полное поражение Германии могло создать условия для справедливой правовой оценки его действий. Поэтому человек, решившийся на такой шаг, рисковал не только собой, но и своими близкими...

В другой раз наша беседа приняла весьма оживленный характер после того, как Канарис с явным возмущением упомянул о полученном им от Гитлера задании убить Черчилля. Он отклонил это задание так же, как и за некоторое время до того проигнорировал приказ разыскать бежавшего французского генерала Жиро и «прикончить его на месте».

В связи с этим следует упомянуть, что Канарис решительно отвергал политические убийства. Его глубокая религиозная убежденность абсолютно запрещала ему даже думать о подобной возможности. К этому я, с полной определенностью, могу добавить, что 2-й отдел его управления, в задачу которого входили диверсии и саботаж, в отличие от советского НКВД и его методов, выводил из строя лишь важные в военном отношении объекты во вражеском тылу. Указания об устранении отдельных выдающихся деятелей противника Канарисом решительно отклонялись, даже если они исходили от политического руководства Германии.

* * *

В одной из обстоятельных бесед мы с адмиралом пришли к выводу: Советы, по-видимому, имеют в высшем эшелоне власти нашей страны хорошо ориентирующийся в обстановке источник информации. Не раз, независимо друг от друга, мы убеждались, что через весьма короткий промежуток времени решения, принятые немецким руководством на самом высоком уровне, до мельчайших подробностей становились достоянием противника.

Здесь я хочу нарушить свое длительное молчание и сообщить о тщательно скрывавшемся Советами секрете, который может стать ключом к пониманию одной из самых удивительных и загадочных историй нашего века. Речь идет о роковой роли, которую сыграл ближайший соратник и доверенное лицо Гитлера Мартин Борман во время войны и первые послевоенные годы. Он был важнейшим источником информации и консультантом Советов, начав работать на Москву еще до русской кампании.

Канарис и я — каждый своим путем — установили следующий неоспоримый факт: Борман располагал единственной в Германии неконтролируемой радиостанцией. Однако для нас было абсолютно ясно: скрытно наблюдать за одним из могущественных людей, стоявшим в национал-социали-

стической иерархии сразу после Гитлера, в то время было невозможно. Любой неосторожный шаг означал бы, что с нами мгновенно будет покончено.

Канарис поделился со мною казавшимся ему подозрительным фактом и попытался выяснить мотивы изменнической деятельности рейхсляйтера. Он не исключал того, что Бормана шантажировали, но полагал, что, скорее всего, побудительными причинами стали безграничное тщеславие и закомплексованность, а также неудовлетворенные амбиции занять, естественно в подходящий момент, место Гитлера. Нам теперь известно, сколь искусно Борману удалось скомпрометировать в глазах фюрера поочередно своих опаснейших соперников — Геринга и Геббельса.

Мои предположения подтвердились лишь после 1946 года, когда представилась возможность провести исследование обстоятельств таинственного исчезновения Бормана из бункера Гитлера в Берлине. Неоднократно появлявшиеся в международной прессе утверждения, что бывший рейхсляйтер якобы живет в непроходимых джунглях между Парагваем и Аргентиной в окружении вооруженной до зубов личной охраны, лишены всякого основания.

Две полученные мною в пятидесятых годах заслуживающие доверия информации позволяют утверждать, что Борман находился в Советском Союзе, само собой разумеется, под чужой фамилией и с надежной охраной.

Бывший заместитель Гитлера по партии переметнулся к Советам в тот момент, когда Красная Армия, завершив штурм Берлина, окружила здание новой имперской канцелярии, под которым в глубоком бункере скрывался Гитлер со своими приспешниками.

* * *

Управление военной разведки и контрразведки (абвер) состояло из иностранного отдела, руководившего деятельностью военных атташе, с задачами: изучение внешней по-

литики и экономики государств, их вооруженных сил, а также отделов:

абвер I — добыча разведывательной информации;

абвер II — организация диверсий, разложение войск противника;

абвер III — контрразведка и разведка в целях контршпионажа.

У абвера была собственная организация, состоявшая в значительной своей части — так же, как и в британской разведке, — из лиц, заслуживавших особого доверия, но не занимавших штатных должностей. Мнение, что такой способ служения отчизне является почетным делом, своего рода «джентльменским бизнесом», было широко распространено в нашем обществе.

Управление военной разведки и контрразведки занималось сбором не только военной, но и политической информации. Через верховное главнокомандование вермахта, которому управление подчинялось непосредственно, сведения направлялись в соответствующие государственные инстанции. Канарис располагал за рубежом многочисленными личными связями, зачастую с высокопоставленными лицами, которых он постоянно навещал во время своих частых поездок. Особенно тесные контакты он поддерживал в Португалии и Испании, не прерывая их во время войны. Однажды адмирал упомянул, что ему в 1940 году и затем в 1941-м поручали побудить Испанию вступить в войну на нашей стороне. Однако он считал, кстати как и Гальдер, что это имело бы лишь негативные последствия для Германии. Ей пришлось бы взять на себя дополнительную ношу: слабость Испании в военном отношении была очевидной. Кроме того, для Берлина закрылась бы еще одна дверь в мир. Пиренейская миссия, к большому облегчению Канариса, закончилась безуспешно.

В абвере не было отдела, который занимался бы анализом и оценкой полученной разведывательной информации. Это, несомненно, большой недостаток: оперативные работ-

ники — добытчики информации — в большинстве своем не обладают достаточными аналитическими способностями. Сам Канарис был великолепным аналитиком, но, естественно, не мог взять на себя весь этот участок. В результате отсутствия постоянного и систематического анализа с использованием всех имевшихся в управлении материалов многие агентурные сообщения оценивались слишком высоко. К такому выводу я пришел, сотрудничая с абвером, что и побудило меня после 1945 года, с самого начала моей новой деятельности, позаботиться о создании эффективного информационно-аналитического аппарата, который использовал не только секретные данные, но и открытые материалы. Некоторые влиятельные лица в разведке и правительственном аппарате возражали против моего шага. Впоследствии они убедились в том, что заблуждались.

Разрушенные войной многочисленные связи с зарубежьем значительно затрудняли работу абвера, но не свели ее на нет. Так, хотя в США отлично действовавшее ФБР ликвидировало почти все немецкие опорные пункты, напечатанные информацией газеты и журналы оказались источником необходимых разведывательных сведений, пока не была создана новая разведывательная сеть. Более серьезные проблемы создавали для Канариса попытки национал-социалистической партии, точнее зарубежной ее организации, а также эсэсовских структур — прежде всего службы безопасности (СД) — проводить, начиная с 1933 года, конкурентную деятельность. Адмиралу приходилось постоянно противодействовать этим разведывательным операциям, нередко носившим печать спешки и дилетантства. К сожалению, он находился в положении обороняющейся стороны, поскольку не имел поддержки со стороны верховного главнокомандования вермахта. К тому же созданное в соответствии с распоряжением Гиммлера Главное управление имперской безопасности (ГУИБ) стремилось прибрать к своим рукам разведку и контрразведку. Распоряжение было подписано 27 сентября 1939 года, но еще до того — с 1936 года —

гестапо, криминальная полиция и служба безопасности неофициально действовали вместе. И хотя Гитлер в 1933 году по предложению министра рейхсвера отдал распоряжение о том, что только оно, это министерство, наделено исключительным правом решать вопросы, связанные с обороной государства и защитой его от шпионажа и диверсий, уже через пару лет стало очевидным, что Гиммлер и его доверенное лицо Гейдрих не намерены выполнять это указание. Так, в 1935 году было создано особое бюро Штайна, которое стало заниматься расследованием всех подозрительных случаев и дел о предательстве, готовя их для гестапо и службы безопасности и в то же время для вермахта. Затем бюро было включено в состав Главного управления имперской безопасности как служба особого назначения, затрагивающая компетенцию военной разведки. Естественно, абвер пытался пристальнее присмотреться к Штайну, но тот заметил, что его «просвечивают», и бежал за границу, где работал сначала на поляков, затем на англичан под вымышленным именем Пфайфер, правда без особого успеха. Канарис воспользовался этим случаем, чтобы настоять на переговорах о принципах сотрудничества абвера и политической полиции, которую представлял доктор Вернер Бест. Механизм взаимодействия между гестапо, службой безопасности и абвером и разграничение их компетенций были зафиксированы в подписанном в 1936 году документе, известном под названием «Десять заповедей сотрудничества».

* * *

Два года спустя последовала реорганизация тщательно законспирированной службы внешней разведки СД в Шестое управление ГУИБ, которое в июне 1941 года возглавил Вальтер Шелленберг.

Вальтер Шелленберг всегда держался уверенно и умел располагать к себе собеседников. Считалось, что у него выдающиеся разведывательные способности. Как я слышал, он

поначалу добросовестно сотрудничал с представителями Канариса в рамках соглашения, заключенного между управлением военной разведки и контрразведки и полицейскими службами. Однако положение изменилось, как только Шелленберг стал начальником внешней разведки службы безопасности. Благородная душа Канарис, похоже, сперва рассчитывал на лояльность Шелленберга. Тот факт, что адмирал еще в 1942 году настойчиво предупреждал меня о коварстве нового шефа внешней разведки ГУИБ, свидетельствует: он разгадал намерение Гиммлера и его помощников прибрать абвер к своим рукам. Это предупреждение помогло мне разобраться в хитросплетениях могущественного эссовского ведомства и избежать многих неприятностей.

Шелленберг нанес решающий удар по абверу весной 1944 года, когда работавший на Канариса в Турции агент Фермерен бежал в Каир. Он преподнес Гитлеру это неприятное для разведки происшествие как провал, выветивший «подозрительные связи» Канариса. Фюрер, давно уже ненавидевший адмирала, немедленно ухватился за предоставленную ему возможность и отстранил его от должности.

Временное руководство военной разведкой было возложено на полковника генерального штаба Ханзена. Затем Гитлер отдал имевшее поистине роковые последствия распоряжение: абвер подчинили Главному управлению имперской безопасности. Лишь войсковая разведка на Восточном фронте, да и то благодаря ходатайству генерал-фельдмаршала Кейтеля перед фюрером, осталась в ведении сухопутных войск, а конкретно — моего отдела.

Не удовлетворившись достигнутым успехом, Шелленберг стал прилагать усилия к тому, чтобы заполучить себе и службу «1-Ц», а затем и войсковую разведку. Бессмысленность и даже вредность этой затеи, которая не удалась, поскольку окончилась война, ныне очевидны. Ведь сама служба «1-Ц» и входящая в нее войсковая разведка — органы военного руководства. Следовательно, если бы верховные власти приняли предложение Шелленберга, то с упорядо-

ченным управлением войсками было бы покончено, так как невозможно было бы обеспечить один из важнейших элементов механизма принятия решений — быстрое получение достоверных данных о противнике.

В результате опасного для нас развития событий на Восточном фронте деятельность службы «1-Ц» и войсковой разведки переплеталась все теснее, что, как оказалось, было очень полезным делом. Если разведывательная информация требует всегда перепроверки и дополнительных сведений, то тем более оценка обстановки зависит от своевременно и непрерывно поступающих данных. Поэтому необходимо добывать сведения целенаправленно, увязывая это с конкретными задачами. Более того, не следует делать выводов без достаточного минимума разведывательных сведений, которые подтверждали бы соответствующие оценки.

Мы, конечно, не могли предполагать тогда, что спонтанно возникшее в конце войны сотрудничество оперативной («1-Ц») и войсковой разведки заложит основы для успешного развития разведывательной службы на немецкой земле после краха третьей империи.

* * *

Чтобы выполнить справедливые требования начальника генерального штаба об активизации разведывательной деятельности против русских, было необходимо, как мне представлялось, вместе с тем увеличить штаты и провести реорганизацию отдела. Я пригласил своим заместителем подполковника барона фон Ренне и руководителем первой группы (всего было создано три группы) — майора Герре. Эти высококвалифицированные офицеры генерального штаба свободно говорили по-русски.

Первая группа занималась вопросами еженедельной оценки сил противника и положения его войск. Она состояла из секторов, число которых соответствовало количеству групп армий на фронте. Данные, поступавшие из каждой группы армий, обрабатывались в одном и том же секторе.

В задачу второй группы входила перспективная оценка положения. Она анализировала поступающую информацию, дополняя ее материалами из других источников, и давала оценку потенциала противника по кадрам, военной промышленности и всем другим аспектам, представлявшим интерес с точки зрения ведения войны. Группа располагала отличным архивом и обширными статистическими материалами, которые постоянно пополнялись. Впоследствии эти документы я и мои сотрудники использовали в качестве исходной базы при создании «Организации Гелена».

Третья группа состояла из специалистов по России, в основном родившихся там немцев, знавших страну и людей и владевших русским языком как родным. Она занималась переводом документов. Ее сотрудники привлекались часто и для устных переводов, в том числе на допросах. Руководителю группы подчинялся следственный изолятор отдела. Значение группы было особенно велико в связи с тем обстоятельством, что в Германии имелось мало настоящих знатоков России. Мы считали очень важным обеспечить высшее военное командование квалифицированными консультациями по всем российским проблемам.

Здесь мне хотелось бы особо отметить своего друга барона фон Ренне, который отлично понимал и всячески поддерживал проект создания антикоммунистической добровольческой русской армии для участия в борьбе против сталинской диктатуры, который предложил превосходный знаток России Вильфрид Штрик-Штрикфельдт.

Как и ряд других моих друзей, фон Ренне пал жертвой карательных акций, развязанных Гитлером после покушения 20 июля 1944 года. Не только трагическая судьба многих людей, с которыми я был знаком и взгляды которых разделял, побуждает меня написать в меру своих знаний и возможностей об обстоятельствах, которые могут пролить свет на причины и закулисную сторону тех событий. Я должен сказать об этом еще и потому, что некоторые люди, не зная всех деталей, обвиняют меня в пассивности и нечеткой позиции, когда речь шла об устранении Гитлера.

Еще зимою 1941/42 года меня посетил полковник, ставший позднее генералом, фон Тресков. Он был в то время заместителем начальника оперативного отдела группы армий «Центр». Я хорошо знал его по академии, где мы вместе учились. Обмениваясь мнениями, мы пришли к выводу, что нынешняя военная кампания, а вместе с ней и война будут проиграны, и вовсе не по политическим или военным причинам, а вследствие постоянного некомпетентного вмешательства высшего руководства, то есть Гитлера, что уже привело к ряду элементарных ошибок. Когда мы задались вопросом, каким образом можно воспрепятствовать такому развитию событий, логическим ответом на него было лишь одно — устранить Гитлера. Наш разговор остался неоконченным. Смутило, что мы нарушаем данную фюреру присягу. И это неудивительно: ведь нас воспитали в духе старых прусских офицерских традиций.

В 1943 году генерал Хойзингер кратко посвятил меня в планы движения Соппротивления. До того я долго размышлял, сопоставлял факты и убедился, что они, эти факты, свидетельствуют: вина Гитлера в предстоящей катастрофе неоспорима. Так что сказанное Хойзингером не было для меня неожиданностью. Генерал, как и я, принадлежал к кругу лиц, к которым стекалась информация о реальном положении дел на фронтах и в рейхе и которые могли ясно видеть роковые последствия для нашего отечества, ведущего трудную борьбу.

Вскоре после этого в беседах со своим однополчанином Штифом (в то время он был начальником организационного отдела генштаба) я не раз предупреждал его о настоятельной необходимости ограничить число людей, знавших о готовящейся террористической акции, и соблюдать чрезвычайную осторожность при подготовке устранения Гитлера. Еще раз подтвердилось, что немцы — плохие заговорщики. Оглядываясь назад, я остаюсь при мнении, что убрать Гитлера было нужно, но сделать это следовало бы по-другому.

А то, что я не сразу попал в список подозреваемых после провала заговора 20 июля 1944 года, случилось лишь

благодаря следующему обстоятельству: 1 июля у меня произошло заражение крови в тяжелой форме, и после кратковременного пребывания в местном лазарете я был переведен в госпиталь в Бреслау. Обо мне, видимо, просто забыли, хотя за два или три дня до того меня в госпитале навещал полковник барон фон Фрайтаг-Лорингховен, чтобы проинформировать о намеченной на 20 июля акции. А потом не стали трогать.

Эти события до сих пор не перестают волновать умы людей. Появляются все новые воспоминания участников. Журналисты, писатели, ученые, да и много других лиц высказывают о них свое мнение. Я всегда придерживался того взгляда, что в нормальном демократическом обществе государственная измена остается государственной изменой. Она может быть нравственно оправдана лишь в одном-единственном случае, когда вызвана особо трудным, катастрофическим положением страны. Что касается моих друзей, которые отважились сделать такой шаг, то в данном случае я усматриваю как раз наличие такой трагической ситуации в Германии, вызванной фатально гибельным руководством Гитлера.

ТРАГЕДИЯ ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Как известно, трагедия под Сталинградом стала поворотным пунктом всей восточной кампании. Она ознаменовала собой начало окончательного поражения Третьего рейха. А ведь направления главных ударов и сила советских наступательных операций вовсе не были для нас неожиданными. Мы прекрасно отдавали себе отчет и в том, что наша операция в юго-восточном направлении все более растягивала левый фланг. А это представляло собой скрытую для нас самих угрозу. Советы прекрасно разобрались в обстановке и поняли, что здесь можно нанести сокрушающий фланговый удар. Но его можно было предупредить. Задолго до русского наступления мы имели немало разведывательных

данных, свидетельствовавших о возможности появления в районе Сталинграда еще в октябре — ноябре 1942 года новых крупных мобильных сил противника, готовых к ведению боевых действий в зимних условиях.

Так, 4 ноября 1942 года поступило важное донесение по линии абвера. В нем говорилось:

«По полученным от доверенного лица сведениям, 4 ноября состоялось заседание военного совета под председательством Сталина, на котором присутствовали двенадцать маршалов и генералов.

На нем приняты следующие основные решения:

а) в ходе операций принимать необходимые меры, чтобы избежать больших потерь в людях;

б) территориальные потери не столь важны;

в) сохранение промышленных предприятий и баз снабжения, их своевременная эвакуация из угрожаемых районов — жизненно важная задача (уже отдан приказ об эвакуации нефтеперегонных и машиностроительных заводов из Грозного и Махачкалы в районы Нового Баку, Орска и Ташкента);

г) полагаться на собственные силы, а не на помощь западных союзников;

д) строжайшие меры против дезертирства: с одной стороны, усиление политико-воспитательной работы в войсках и улучшение обеспечения личного состава продуктами питания и, с другой, расстрел на месте и строжайший контроль со стороны НКВД;

е) провести все запланированные наступательные операции по возможности еще до 15 ноября, насколько это позволят погодные условия.

Главные удары:

— от Грозного в направлении Моздока,

— в районе Нижнего и Верхнего Мамона в Донской области,

— под Воронежем, Ржевом, южнее озера Ильмень и под Ленинградом.

Фронтовые части усиливаются за счет резервов».

В декабре 1942 года я провел совещание с офицерами службы «1-Ц» групп армий и армий, с одной стороны, и сотрудниками первой группы своего отдела — с другой и высказал конкретные пожелания и рекомендации нашего отдела по поводу улучшения оформления и качества ежедневных донесений. Речь шла, прежде всего, об оценке противника, важнейших показателях пленных, нумерации частей, а также о данных радиоразведки и тактической разведки.

В заключение я затронул и некоторые технические проблемы, которые хотя и были прекрасно известны всем присутствующим, но на практике с ними обращались небрежно, что нередко приводило к непониманию и путанице:

а) когда противник переходит в наступление, докладывать главным образом о его силах и одновременно, если это возможно, нумерацию введенных им в дело частей;

б) данные авиаразведки докладывать с указанием времени, когда она производилась;

в) малоизвестные населенные пункты описывать более подробно;

г) донесения представлять в срок, даже если к указанному времени не собраны еще все необходимые данные. Для сотрудников первой группы нашего отдела было гораздо легче заблаговременно начинать работу даже при наличии отрывочных сведений, нежели после длительного ожидания получать полные донесения, которые они не могли уже тщательно проанализировать к докладу командованию.

Постоянную заботу в то время представляли собой донесения по данным авиаразведки, так как в основной своей массе они поступали в отдел слишком поздно. Поэтому мы ввели телефонные донесения по точно установленному графику, в ходе которых офицеры службы «1-Ц» армий, отвечавших за связь с авиацией, докладывали в штабы групп

армий все поступившие сведения, естественно, без дешифровки аэрофотоснимков. В соответствии с нашей установкой, дневные донесения от групп армий поступали в генеральный штаб до 19 часов, а ночные — до 7 часов утра. Передаваемые офицерами службы «1-Ц» групп армий дневные донесения с данными авиаразведки играли значительную роль при оценке противника. Но их не всегда можно было использовать в докладах фюреру, поскольку главнокомандующий военно-воздушных сил не считал их официальными, в связи с чем часто происходили недоразумения. Поэтому я обратил внимание на необходимость своевременного получения нашим отделом официальных донесений, идущих через офицеров службы «1-Ц» в авиации.

Дословно я тогда сказал:

«Десятидневные донесения о дислокации и действии артиллерии противника иногда отвергались командованием: слишком много в них было неточностей и пустых слов. Однако, пройдя стадию детской болезни, эти данные стали неплохо вписываться в общую картину положения на фронте. Предложения некоторых армий и групп армий об упрощении донесений в середине декабря учтены в новом приказе, так что теперь не остается оправданий для опозданий и ошибок.

К другим донесениям относятся целиком и полностью те критические замечания и требования, что предъявлены к донесениям об артиллерии противника. Они чего-то стоят лишь тогда, когда поступают вовремя в генеральный штаб. На многих примерах можно показать, что в них содержатся ценнейшие данные о положении противника, особенно в отношении перегруппировок его войск или же сосредоточения сил на главных направлениях.

Для того чтобы вовремя получать важнейшие сведения, отдел ввел в практику предварительные донесения по телефону. В результате этого общая картина положения артиллерии противника теперь выясняется в кратчайшие сроки. Вместе с тем остается в силе распоряжение о своевре-

менном представлении письменных донесений, поскольку в них содержатся детали, значительно дополняющие обстановку.

Десятидневные донесения о пленных и захваченных трофеях зачастую представлялись лишь после напоминаний главным командованием. Так как эти сведения предназначены не только для начальника генерального штаба, но и для ориентировки фюрера, необходимо соблюдать указанные сроки составления и представления сводок вермахта и тому подобного.

Представлены донесения своевременно или же с опозданием, все равно работа нашего отдела должна идти по установленному графику. Конечно, соблюдение сроков облегчает наш труд, делает его более эффективным.

Перехожу к последнему вопросу: речь идет о разведывательных сводках.

Разведывательные сводки в общем-то представляются регулярно, однако желательно еще более ускорить этот процесс. Обращаю при этом внимание на то, что все армии и группы армий представляют нам сводки обязательно. Что же касается корпусных и дивизионных сводок, то их следует присылать в тех случаях, когда в них содержатся новые сведения особой важности. К ним относятся, например, данные о настроениях, морали, боевом духе противника, то есть те вопросы, которые в текущих донесениях обычно не содержатся, но представляют несомненный интерес для общей оценки. Нужно не задерживать и отправку трофейных документов, поскольку в настоящее время они поступают в значительной своей части в главное командование сухопутных войск столь поздно, что их оценка становится бесполезной».

* * *

10 февраля 1943 года я написал следующие «Соображения по обстановке»:

«Ретроспективный анализ событий приводит к выводу, что их развитие с середины ноября по настоящее время —

за исключением первого удара противника против 3-й румынской армии — результат серии грубейших ошибок со стороны верховного руководства, причем военное командование в момент принятия того или иного решения полностью понимало, к каким последствиям они могут привести. Причины, почему они, эти решения, тем не менее были приняты, в рамках данного обзора не затрагиваются.

Не говоря уже о полной несостоятельности наших союзников, русским удалось добиться крупных успехов благодаря применению немецких же принципов управления войсками: русское военное командование, в частности маршал Жуков, пользуется полной свободой действий в рамках выполнения поставленных перед ним задач; принципы ведения боевых действий русские строят теперь на основе немецких методов и оперативных взглядов. Мы же, напротив, в значительной степени переняли русские методы жесткого регулирования сверху всех вопросов, вплоть до мелочей, чем отчасти объясняются наши поражения. Командный состав ныне избегает принятий самостоятельных решений и действий из опасения предстать перед военно-полевым судом. В результате теряется одна из важнейших предпосылок успешного ведения маневренных боевых действий. Мы слишком связали себя и не действуем более оперативно. Забыто, что война — искусство и требует полной отдачи от военного человека всех его физических и духовных сил, знаний, умения и способностей. Учиться и еще раз учиться — вот, пожалуй, первое требование, которое предъявляется к немецкому офицеру. Необходим и высококвалифицированный генеральный штаб, во всех звеньях которого используются лучшие качества офицеров-фронтовиков.

Исходным пунктом для оценки возможностей развития обстановки в будущем является ретроспективный анализ ее развития с ноября прошлого года.

Нужно сказать о том, что намерения противника и возможное развитие обстановки оценивались нами всегда своевременно. Это подтверждают представленные началь-

нику генерального штаба ежедневные вечерние письменные оценки противника и положения на фронте. Вот образчики таких документов.

А) Наступательные операции противника против 3-й румынской и нашей 6-й армии.

Первые признаки готовящихся операций, которые позднее привели к окружению 6-й армии, были нами вскрыты в конце октября — начале ноября 1942 года. На основании наших документов генерал-полковник Гальдер неоднократно докладывал о том, что противник может перейти к наступательным операциям в районах устья Хопра и излучины Дона. Начиная с 9 ноября 1942 года в оценке положения противника указывалось на готовящуюся им крупномасштабную наступательную операцию против 3-й румынской армии. Почти одновременно мы отмечали подготовку наступления против 8-й итальянской и 2-й венгерской армии в районе Воронежа. 21 ноября 1942 года были вскрыты намерения противника окружить 6-ю армию, а через три дня — 24 ноября — кольцо советских войск вокруг нее замкнулось.

Для будущих историков хочу подчеркнуть: с того момента в генеральном штабе высказывалось мнение о целесообразности немедленного вывода 6-й армии из окружения. Это нужно было сделать обязательно, учитывая, что у нас не хватит сил для деблокирования армии Паулюса. За отход немецких войск от Сталинграда говорило и то обстоятельство, что мы не смогли бы организовать ответный контрудар из-за нехватки резервов: на других направлениях наши войска были скованы активными действиями русских.

Отвод армии Паулюса спас бы ее от уничтожения. К тому же ее можно было бы использовать для усиления группы армий «Дон», которая остро нуждалась в резервах. Уже тогда выдвигался план (в духе традиционных немецких штабистских решений крупного масштаба) — быстрый отвод группы армий «А» за Дон с оставлением плацдарма в восточной части, на рубеже Таманского полуострова, что дало

бы возможность разгромить имевшимися силами наступавшие в центральной части Дона русские войска и сохранить инициативу в наших руках для нового наступления на юге. Выдвигавшееся в то время возражение, что состояние дорог в зимних условиях не позволит провести такие операции, было опровергнуто ходом дальнейших событий...

Б) Наступление противника против 8-й итальянской и 2-й венгерской армии.

9 декабря 1942 года в оценке противника указывалось, что русские после того, как их наступление в центре захлебнулось, перенесут свои основные усилия на южный фланг, чтобы перейти к решающим операциям, используя свои предыдущие успехи. 16 декабря 1942 года начались наступательные действия против 8-й итальянской армии, а 12 января 1943 года — против 2-й венгерской армии. И в том и в другом случаях вскоре после начала наступления проявилась полная несостоятельность наших союзников, несмотря на то что на их поддержку были брошены отдельные немецкие части.

Позднее, с началом развала итальянской армии в середине декабря 1942 года, стало ясно: восстановить линию фронта и вернуть инициативу можно лишь в том случае, если мы примем нелегкое решение и отведем наши войска и силы наших союзников на новые рубежи. Решение об отводе частей группы армий «А», несмотря на настойчивые предложения моего отдела, было принято только в конце декабря 1942 года. Эта затяжка сказалась на положении группы армий «Дон», которую пришлось отводить позже из-за начавшегося отхода частей группы армий «А» в северном направлении на Ростов. 11 января 1943 года мы доложили о трудном положении 2-й армии, а 15 января, через три дня после начала наступления противника против 2-й венгерской армии, о тяжелой обстановке в группах армий «А», «Дон» и «Б». Несмотря на дальнейшее ухудшение обстановки на правом фланге 2-й армии, решение об ее отводе, предложенное нами, затягивалось, в результате чего русские 24 янва-

ря 1943 года разгромили правый фланг этого объединения. Обстановка на фронте 29 января 1943 года свидетельствовала об опасности подобного развития событий для южного фланга группы армий «Центр» и положения всех наших войск в целом.

В) Дальнейшее развитие обстановки в районах действий групп армий «Дон» и «Б» до 10 февраля 1943 года.

26 января 1943 года мы предупредили о возраставшей для группы армий «Дон» опасности, которую представляли части противника, продвигавшиеся через Старобельск и Славянск в глубину ее фланга. Но и в этом случае решение о вызывавшемся складывающейся обстановкой отводе войск, которое можно было бы принять еще 31 января (последние части группы армий «А», выходявшие на север к Ростову, заняли уже новые оборонительные рубежи), было вынесено только после долгих колебаний. Их отход начался лишь 9 февраля 1943 года. Потеря десяти дней отразилась не только на сохранении сил группы армий «Дон», но и на обстановке в целом, так как у нас не оказалось в нужный момент достаточных сил и средств, чтобы задержать рвущиеся к Днепру через Харьков объединения противника (6-я и 3-я танковые армии, 69-я и 40-я общевойсковые армии).

Быстрое изменение обстановки на южном фланге уже 28 января 1943 года позволило нам сделать следующий вывод: в результате прорыва противником восточного фланга и центра 2-й армии положение всего фронта значительно усложнилось. Противник, по-видимому, понимает, что ему представилась возможность для достижения успеха:

а) путем нанесения удара в южном направлении через Славянск поставить группу армий «Дон» в такое положение, что она будет не в состоянии удержать фронт;

б) в результате продвижения в западном и северном направлениях за линию Купянск — Белгород овладеть значительной территорией, прежде чем нам удастся восстановить сплошную линию фронта;

в) используя свой успех по разгрому 2-й немецкой армии, продолжить наступательные операции в направлении Курска, чтобы выйти во фланг группе армий «Центр».

Таким образом, обстановка на южном фланге наших войск начинает приобретать решающее влияние на положение всего фронта.

Тем не менее после выдвижения резервов из глубины боевых порядков группы армий «Центр» к ее южному флангу у нее останется достаточно сил и средств для создания прочных узлов обороны. Поэтому следует полагать, что направление главного удара в ходе дальнейшей операции русских будет перенесено в полосу действий нашей 2-й армии. Целью ее будет, по-видимому, попытка взломать линию фронта группы армий «Центр» с правого фланга во взаимодействии с фронтальными ударами. Однако противник сможет сохранить преимущество лишь в том случае, если будет в дальнейшем так же инициативно проводить свои операции».

БИТВА ПОД КУРСКОМ. ОПЕРАЦИЯ «ЦИТАДЕЛЬ»

С начала мая 1943 года донесения, получаемые по линии абвера, указывали на то, что русские планируют меры для отражения ожидаемого ими немецкого наступления в районе Харьков — Курск. По сведениям из надежного источника, мы еще 17 апреля 1943 года знали, что Сталин приказал провести в Москве 23 апреля 1943 года совещание с участием всех старших начальников различных участков обороны и командующих армиями. На этом совещании должны были быть рассмотрены следующие вопросы:

- а) признаки готовящегося немцами наступления;
- б) улучшение взаимодействия родов войск;
- в) моральное состояние личного состава;
- г) материальное и техническое обеспечение войск.

27 апреля 1943 года другой надежный источник сообщил, что в Валуйки прибыли неполная стрелковая дивизия,

танковая бригада, два танковых батальона и два полка полевой артиллерии из Саратова. Наряду с этим с танковых заводов Казани и Горького ежедневно на участок фронта Купянск — Курск — Орел поступают танки, танковые двигатели и вооружение. 28 апреля 1943 года еще один источник, правда непроверенный, передал, что Советы опасаются крупного немецкого наступления в ближайшее время в районе Харьков — Курск.

Из этих и других донесений, поступивших по линии абвера, было ясно, что советскому командованию стало известно о немецких планах наступления в районе Курска и что оно принимает меры, чтобы встретить его в полной готовности.

Поэтому я использовал любую возможность, чтобы предупредить командование об опасности проведения крупномасштабного наступления под Курском.

Когда же стало очевидным, что высшее немецкое военное руководство (Гитлер) не собирается отказываться от операции «Цитадель» — широких наступательных действий в районе Курска, я 3 июля 1943 года подготовил доклад «Оценка предполагаемых действий противника при проведении операции «Цитадель».

В нем излагалось следующее:

«С началом операции «Цитадель» противник может либо ограничиться этим оперативным районом с тем, чтобы встретить наступающие немецкие войска в оборонительных боевых порядках с привлечением резервов от соседей и проведением контрударов, либо предпримет встречные наступательные операции как в полосе боевых действий группы армий «Юг», так и группы армий «Центр» при одновременном отражении наших наступательных действий, если посчитает, что обстановка это позволяет. Предполагая готовность самого противника к ведению наступательных действий и учитывая положение, складывающееся в районе Средиземного моря, последний вариант кажется нам более вероятным, хотя не исключена поначалу реак-

ция ограниченного характера. Поэтому можно считать, что вскоре после начала нашего наступления противник нанесет сильные контрудары на тех участках фронта групп армий «Юг» и «Центр», где отмечена его подготовка к наступательным действиям, как в целях сковывания наших сил, так и облегчения положения своих обороняющихся войск.

Для определения сил и средств, которые будут задействованы для нанесения ударов, и направлений этих ударов можно исходить из построения боевых порядков и сосредоточений вражеских группировок, изготовившихся для проведения предполагаемых нами наступательных операций против группы армий «Юг» и правого фланга группы армий «Центр». С учетом вышесказанного можно предполагать следующее развитие событий в ходе нашего наступления:

1) В полосе немецких наступательных операций.

Находящиеся в районе Курск — Валуйки — Воронеж — Елец крупные силы противника (которые первоначально предназначались для наступления в районе Харькова и частично для удара по группе «Вайс») в результате немецкого наступления будут рассечены таким образом, что их основная масса окажется восточнее наступающих «углом вперед» боевых порядков немецких войск, а меньшая — в районе западнее Курска. Поэтому можно предполагать, что наши наступающие войска подвергнутся сильным фланговым ударам с востока — из района северо-восточнее Белгорода и западнее Ливен.

2) В полосе группы армий «Юг».

Следует ожидать, что готовящиеся операции противника против южного фланга и центра группы армий будут проводиться вскоре после начала немецкого наступления в целях отвлечения наших сил от района Курска. Учитывая оценку противника, следует считаться с возможностью его наступательных действий с целью охвата 6-й и 1-й танковой армии — в направлении на Донбасс, а также с ударом из района Купянска в направлении Харькова, чтобы глубоко вклиниться во фланг наступающих немецких войск.

3) В полосе группы армий «Центр».

Противник, по-видимому, может нанести удары сильными оперативными резервами, которые пока обнаружены не полностью, из района Тула — Калуга — Сухиничи — Плавск по 2-й танковой армии, чтобы отвлечь наши наступающие войска. Исходя из его оценки, мы предполагаем, что удары будут нанесены по восточному и северо-восточному флангу армии в направлении на Орел с целью выхода в тыл наступающим немецким войскам. Более того, надо принять в расчет и возможность проведения противником наступательных действий с ограниченными целями при привлечении соответствующих сил и средств с задачей сковать силы группы армий «Центр».

4) Пока неясно, можно ли ожидать каких-либо действий со стороны противника в полосах действий групп армий «А» и «Север». Вполне вероятно, что он ускорит подготовку к возобновлению наступательных действий против Кубанского плацдарма и по расширению «коридора» в Ленинград. Противник, надо полагать, будет стремиться максимально сковать все немецкие наличные силы и резервы, проводя наступательные действия на других участках фронта, пусть даже ограниченного характера.

Если же противник, вопреки ожиданиям, ограничит свои контрмеры районом «Цитадели», то в случае затяжных боев надо считаться с необходимостью привлечения наших дополнительных сил с других участков фронта.

Как уже отмечалось в предыдущих оценках, русские все же скорее всего попытаются нанести упреждающий удар и перейдут сами в наступление, развивая его в направлениях нижнего Днепра и Орла».

* * *

Несмотря на представленные ему соображения, Гитлер от своего плана не отступил. В военном дневнике верховного главнокомандования вермахта об этом записано следующее:

15 апреля 1943 года

«Фюрер приказал провести операцию «Цитадель». Это — первая крупная наступательная операция в нынешнем году. Наступлению на Курск придается исключительно важное значение. Оно должно вернуть нам инициативу. Победа под Курском произведет на весь мир впечатление предвестницы решающих событий...»

15 июля 1943 года

«В районе Курска наши перешедшие в наступление войска продвигаются вперед очень медленно в связи с упорным сопротивлением противника. Отбиты многочисленные вражеские контратаки. На фронте 2-й танковой армии противник возобновил сильные танковые удары на трех участках нашего прорыва, где ему удалось несколько потеснить немецкие части. На остальных направлениях Восточного фронта — бои местного значения...»

16 июля 1943 года

«Наступательная группировка войск группы армий «Юг» несколько продвинулась вперед. Противник проводит контратаки по всему фронту 9-й армии, но они успешно отбиваются...»

19 июля 1943 года

«Противник продолжает контрнаступление, поддержанное сильным артиллерийским огнем, танками и авиацией. Удары против 17-й, 6-й и 1-й танковой армии либо отбиты, либо локализованы. В районе Харьков — Орел линия фронта удерживается. Северо-западнее Орла противнику, контратакующему превосходящими силами, удалось в нескольких местах добиться успеха.

В связи с ожесточенными контрударами противника дальнейшее осуществление операции «Цитадель» представляется невозможным. Наступление гложет...»

Возникла обстановка, которую я предсказал в своем докладе по оценке противника. Как известно, операция «Цитадель» была последней попыткой немцев предпринять наступательные действия в ходе русской кампании. Эта попытка в июле 1943 года провалилась. Военное счастье в России окончательно отвернулось от нас. Немецкие войска были вынуждены перейти к обороне и не смогли более взять инициативу в свои руки.

ГЕНЕРАЛ ВЛАСОВ И ВЛАСОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

В июне 1942 года русский генерал Власов попал в немецкий плен. Он был одним из тех советских командармов, которые с успехом отразили немецкое наступление на Москву. В Красной Армии он пользовался большим авторитетом, его знали и уважали.

Когда Власов, попав в плен, обратился с воззванием к советским офицерам и солдатам, в котором призвал не только к переходу к нам, а к борьбе со сталинским режимом, несколько тысяч красноармейцев в течение нескольких дней перешло на сторону немецких войск.

Это подтвердило правильность оценок, подготовленных отделом «ИАВ» для начальника генерального штаба. Разрабатывали их специалисты по России — в первую очередь, полковник фон Ренне и капитан Штрик-Штрикфельдт. Гальдер отнесся с пониманием к их предложениям. Да и другие высшие офицеры, принявшие поначалу проект весьма холодно, под впечатлением воззвания Власова изменили свое отношение к проблеме вспомогательных частей из числа русских военнопленных и местных жителей. В генеральном штабе все более укреплялось мнение, что генерал Власов, пошедший на сотрудничество с нами исключительно ради того, чтобы покончить с советским режимом, является таким деятелем, который в будущем с немецкой помощью сбросит иго большевизма и создаст в России новый государственный строй.

Но у Гитлера отсутствовало чувство реальности. Он был не способен, а может быть, и не хотел менять свои ложные политические и военные концепции и отказываться от ведения войны против Советов. Даже Гальдеру не удалось изменить взгляды Гитлера. Но генерал-полковник все же надеялся, что в ходе дальнейшей кампании он сумеет убедить фюрера изменить свои намерения в отношении России.

Немецкие офицеры, которые вели переговоры с Власовым, правдиво ориентировали его о взглядах Гитлера. Вместе с тем они предложили ему начать совместную борьбу против Сталина, чтобы установить как можно быстрее мир и добиться освобождения народов России. После долгих размышлений Власов, несмотря на большие сомнения, дал свое согласие. Из этого «союза» немецких и русских офицеров позднее возник тот феномен, который называли власовским движением.

История этого движения стала известна широкой общественности лишь в 1968 году, когда появилось несколько публикаций. Власов не добился успеха, он был схвачен русскими вместе с некоторыми своими соратниками в конце войны и казнен как предатель. Власовское движение в трагедии Второй мировой войны стало одним из камешков общей исторической мозаики. Вопрос только в том, насколько это движение могло бы изменить судьбу Германии и помочь ей избежать тотального поражения, когда США решили вступить в войну. Если я окидываю мысленным взором историю его создания и развития — то лишь потому, что оно ярко показывает, с какими трудностями военному руководству на всех уровнях приходилось вести борьбу за проведение жизненно необходимых для Германии мер, вопреки воле своенравного, не желавшего прислушиваться ни к каким аргументам диктатора.

Наряду с этим история власовского движения убедительно свидетельствует: присущий диктатуре формальный иерархический принцип не способствует собиранию и координации всех сил. Возникает антагонизм в обществе, что

как раз и нужно диктатору, так как он стремится сталкивать лбами различные политические группировки, чтобы держать всех в узде. А в итоге, вместо единства или хотя бы взаимодействия, происходит раскол и значительная часть усилий народа расходуется впустую.

* * *

После того как генерал Власов заявил о своей согласии выступить на стороне Германии, его в августе 1942 года направили в непосредственное подчинение верховного главнокомандования (ВГК) вермахта в Берлин и освободили из плена. Ему разрешили сформировать собственный штаб. Пропаганда, которую вело ВГК, не ограничивалась Гитлером: с самого начала русской кампании она проходила под лозунгом «Немцы освободят все народы России из-под ига большевиков». Население нашего восточного соседа, да и германские фронтовые части верили: это — действительно главная цель похода на Советский Союз. Однако в начале 1943 года им пришлось убедиться, сколь далека от действительности была эта пропаганда. Первое время Власов и его сотрудники могли выступать с обращениями к русской общественности по ту сторону фронта и к населению; добровольцам, военнопленным, перемещенным лицам — по эту сторону. Пропандистское воздействие охватывало до 80 миллионов человек. Тогда это казалось громадным шагом вперед.

Мы старались, опираясь на факты, убедить руководство министерства иностранных дел, что войну можно выиграть лишь при активной помощи русского народа. Бывший посол в Москве граф фон Шуленбург и его советник Хильгер были с нами согласны и даже заявили о своей готовности поддерживать нас. Но мы натолкнулись на полное непонимание нашего дипломатического ведомства. Такая позиция, очевидно, была вызвана страхом предпринимать что-либо вопреки воле Риббентропа и Гитлера.

Наряду с этими усилиями полковником фон Альтенштадтом из штаба генерал-квартирмейстера и мною были

составлены докладные записки, в которых поднимался вопрос о необходимости развернуть психологическую войну. Мы, в частности, предлагали критически рассмотреть наши меры по подавлению партизан и предлагали новые пути для решения этой сложной проблемы. Наши записки были встречены с интересом и вызвали оживленную дискуссию. Но к сожалению, отданные лично Гитлером приказы о беспощадном уничтожении партизан вызвали дальнейшую эскалацию партизанского движения и еще больше ожесточили русское население по отношению к немцам. Я распорядился размножить казавшийся в то время чуть ли не революционным, по сравнению с воззрениями Гитлера, доклад капитана Штрик-Штрикфельдта «Русский человек» и разослать его во все дивизии Восточного фронта и лагеря военнопленных, находившиеся в ведении генерал-квартирмейстера. В нем говорилось о необходимости понять образ мыслей русского народа. В заключительной части утверждалось: русских необходимо привлечь на нашу сторону. Если этого не сделать, то нам придется править в России опираясь лишь на силу. А чтобы привлечь, надо доказать, что мы являемся людьми слова и дела. Хочу подчеркнуть, что доклад предназначался в первую очередь для немецкого персонала.

Полковник Штиф и майор граф фон Штауффенберг — представители организационного отдела главного командования сухопутных войск — осенью 1942 года дали согласие создать «русский отдел пропаганды». Фактически под этой вывеской был создан «русский руководящий центр» в Дабендорфе. Там велась подготовка офицеров и пропагандистов, а также других кадров, издавались газеты на русском языке; в контакте с отделом пропаганды верховного главного командования вермахта и отделом «ИАВ» разрабатывались основы политической и военной концепции русского освободительного движения.

По предложению начальника оперативного управления, которое полностью совпадало с моим мнением и мнением моего заместителя полковника фон Ренне, совместно с представителем организационного отдела (граф фон Шта-

уффенберг) и при поддержке начальника генштаба в рамках главного командования сухопутных войск летом 1942 года удалось утвердить штаты управления начальника добровольческих частей.

* * *

Стараниями Власова и командиров немецких фронтовых частей в начале 1943 года было сформировано 176 батальонов и 38 отдельных рот (так называемые восточные подразделения) общей численностью от 130 до 150 тысяч человек. По данным, опубликованным в труде Буркхарда Мюллер-Хиллебранда «Сухопутные войска в 1933—1945 годах» (том III), их состав выглядел следующим образом:

	Пехотных, кавалерийских, артиллерийских подразделений — численностью до батальона	Рабочих, охранных, учебных подразделений — численностью до роты
Добровольцы всех национальностей	51	10
Туркмены	33	11
Народы Северного Кавказа	13	—
Волжские татары	12	1
Казахи	24	1
Армяне	8	—
Азербайджанцы	11	—
Грузины	11	2
Эстонцы	4	—
Финны	1	—
Литовцы	3	6
Народы Дальнего Востока	1	—
Греки	1	1
Украинцы	2	—
Русские	2	—
Латыши	2	—
Калмыки	3	—
Итого:	176	38

До организационного объединения этих подразделений в более крупные части дело тогда еще не дошло.

В августе 1942 года фон Ренне и полковник фон Тресков (группа армий «Центр» договорились о том, чтобы реанимировать смоленский комитет. Однако генерал-фельдмаршал Кейтель и министр по делам восточных территорий Розенберг сорвали эти планы по указке Гитлера. Подготовленное штабом Власова совместно с отделом пропаганды верховного главнокомандования вермахта воззвание смоленского освободительного комитета пролежало в ящике стола Розенберга вплоть до катастрофы под Сталинградом. Таким образом, намерение генерального штаба впервые реализовать на практике взаимодействие политических и военных факторов в ходе казавшегося вначале успешным крупного наступления в направлениях Волги и Кавказа потерпело фиаско. Когда Сталинград был полностью освобожден советскими войсками, то есть когда было уже поздно, Розенберг дал, наконец, разрешение на публикацию воззвания.

Под давлением военных событий в декабре 1942 года у министра по делам восточных территорий все же удалось провести совещание по этой проблеме в целом. В подготовке его самое активное участие принял сотрудник министерства иностранных дел доктор Отто Бройтигам. В работе совещания участвовали представители вермахта, которые поддерживали требование о новой постановке политических задач в отношении России. Большинство офицеров думали, что немец из Прибалтики Альфред Розенберг будет инициатором такого шага. Министр действительно находился под сильным впечатлением от выступлений на совещании и обещал переговорить с Гитлером о выдвинутых предложениях, хотя и не собирался целиком отказываться от собственных соображений о разделе Советского Союза на множество отдельных национальных государственных образований. Однако доклад Розенберга фюреру не понравился. Он отверг все доводы и соображения, не пожелав их обсуждать.

Полковник Мартин, сотрудник отдела пропаганды верховного главнокомандования вермахта, приложил немало

усилий, чтобы уговорить Геббельса принять генерала Власова. Эта встреча должна была состояться в конце февраля или начале марта 1943 года. На ней намечалось обсудить подготовленный в министерстве информации манифест к народам России. Дело в том, что даже Геббельс стал понимать: угрожающее развитие военной обстановки требует радикального изменения концепции третьего рейха в отношении Советского Союза. Характерным для обстановки мелочного подсиживания в кругах высшего руководства является тот факт, что Розенберг резко запротестовал против вмешательства министра пропаганды в вопросы, подлежащие компетенции министра по делам восточных территорий. И встреча Власова с Геббельсом состоялась лишь в 1945 году, когда было уже слишком поздно.

По инициативе отдела «ИАВ» генерал Власов посетил с согласия командующих группами армий «Центр» и «Север» их войска. Повсюду его тепло встречали местное население и добровольцы. Испытав много горя, русские люди видели во Власове единственный символ будущей свободы. К немцам за год оккупации бывшее доверие было подорвано.

Успех поездок Власова был ошеломляющим. Гитлер взбесился: он считал, что вояж русского генерала наносит ущерб его собственным политическим планам. Генерал-фельдмаршал Кейтель запретил дальнейшие встречи Власова с жителями оккупированных районов. Нам с трудом удалось помешать его аресту. Пришлось приложить немало усилий, чтобы как-то сохранить то, что было уже сделано по организации русского освободительного движения.

Несмотря на эти неудачи, все, кто проникся идеей мобилизации русского народа для успеха нашего общего дела, не пали духом. Преемнику Гальдера генерал-полковнику Цайтцлеру, занявшему свой пост 24 сентября 1942 года, удалось убедить высшее руководство в целесообразности нашей идеи. Новый начальник генерального штаба одобрил крупную пропагандистскую акцию (ее кодовое название «Проблеск надежды»). Для ее проведения в Дабендорфе подготовили 1500 русских офицеров и пропагандистов. Од-

нако состоявшийся 8 июня 1943 года в Бергхофе разговор между Гитлером, Кейтелем и Цайтцлером разрушил все планы. Фюрер категорически запретил делать любые конкретные заявления о политическом будущем России до предстоящей победы Германии, в чем он ничуть не сомневался.

* * *

Ко всем разногласиям и интригам, отнимавшим у нас немало сил, с осени 1943 года прибавились новые заботы. Гиммлер стал проявлять все больший интерес к власовскому движению. Он углядел в нем не только конкурента для эсэсовских частей, сформированных не из немцев (так называемых добровольческих частей), но и помеху планам расселения колонистов в России и создания там «славянской колониальной империи». Поэтому моему отделу, как и отделу пропаганды верховного главнокомандования, а также абверу приходилось все чаще вмешиваться, чтобы помешать перегибам и крайностям, с какой стороны они бы ни исходили. Нам приходилось сражаться на нескольких фронтах в ущерб военным действиям на Востоке.

В августе 1944 года я столкнулся с тем, что Гиммлер вдруг изменил свою точку зрения на восточную политику. Напомню, что именно рейхсфюрер СС в свое время энергично насаждал теорию о людях низшей расы — «недочеловеках» и еще год назад называл генерала Власова «предателем» и «русской свиньей». Теперь же, видя, как быстро ухудшается военное положение Германии, он стал разделять точку зрения, которой я и мои сотрудники придерживались в течение долгого времени и против которой с упорством, достойным лучшего применения, выступала служба безопасности.

Гиммлер разрешил, несмотря на протест Розенберга и присоединившегося к нему Кейтеля, создать «комитет освобождения народов России», который возглавил Власов. Рейхсфюрер поручил генералу сформировать десять дивизий (потом, правда, их сократили до трех). Эти части подчинялись непосредственно Власову. Кроме того, Гиммлер

обещал, что с русскими военнопленными и восточными рабочими немецкие власти будут обращаться так же, как с военнопленными и рабочими западных держав.

Но прозрение наступило слишком поздно. Такому шагу, продиктованному отчаянием, трудно было рассчитывать на успех.

Попытка Власова сохранить две сформированные дивизии и сдать их в плен западным союзникам потерпела неудачу. Ялтинским соглашением было предусмотрено, что воюющие державы обязаны производить взаимный обмен пленными, являющимися выходцами из этих стран.

Власову и его сподвижникам пришлось проделать горький путь в тюрьмы и на эшафот страны, которую они собирались освободить от коммунизма. Когда я вспоминаю о трагедии власовского движения, то должен подчеркнуть: оно с самого начала было обречено на неудачу из-за бредовых идей Гитлера. В конечном итоге все усилия принимавших в нем участие немецких и русских солдат оказались напрасными. Многие преданные делу Власова русские и несколько немецких друзей, среди которых был генерал фон Паннвиц, погибли как «предатели».

* * *

Печальный исход военной кампании и провал власовского движения преподнесли уроки, которые мы не должны забывать. В отличие от прошлых, нынешние войны можно по праву считать народными. В них участвуют не только вооруженные силы, как, скажем, в восемнадцатом веке: они ведутся всем народом, который претерпевает жестокие лишения и приносит огромные жертвы. В них используется весь потенциал каждой личности и общества в целом. К тому же мир разделился на два больших, взаимоисключающих общественно-мировоззренческих лагеря — на так называемые «свободный мир» и «международный коммунизм», что вызывает глубокое эмоциональное обострение характера ведения войны. Гитлер и Сталин всегда это подчеркивали,

да и Эйзенхауэр назвал свои военные мемуары «Крестовый поход в Европу», что также явилось отражением взглядов и настроений большинства англосаксов.

Изменяются ли в ближайшем обозримом будущем эти причинные взаимосвязи, произойдет ли деидеологизация политики, а вместе с тем и войн, с которыми, как бы они ни были отвратительны, приходится все еще считаться? Военные доктрины Мао Цзэдуна и Че Гевары, как и труд маршала Советского Союза Соколовского «Военная стратегия», в котором отражены официальные взгляды Советского Союза на ведение войны и международную политику, дают мне основание сомневаться в этом.

Но как раз распространение военного влияния на все области человеческой жизни побуждает нас к тому, чтобы пристально держать в поле зрения политический характер возможной катастрофы, как это сделал Клаузевиц в своих выводах, верных на все времена. По нему, как раз политический смысл и является тем, что определяет в любое время войну и влияет на нее. С другой стороны, задача военных заключается в том, чтобы еще на подготовительной стадии потребовать от руководства: политики не должны ставить перед ними невыполнимых задач, как это случилось начиная с июня 1941 года. Более того, политикам следует в любое время оказывать военным действенную помощь политического характера в выполнении поставленных перед ними задач. В свое время мы стремились добиться конечного успеха с помощью власовского движения, но с задачей этой не справились из-за противодействия со стороны политического руководства рейха.

Если же вытекающие из современной политики и особенностей военных действий психологические факторы, которые уже устранить нельзя, не будут своевременно учтены из-за недооценки или непонимания характера нынешних войн, то средства, предоставленные вооруженным силам народом, израсходуют без всякой пользы. А это значит, что все принесенные жертвы даже на алтарь оборонительной войны окажутся напрасными.

Часть 2

ПОСЛЕ РАЗГРОМА ГЕРМАНИИ. НЕМЕЦКАЯ РАЗВЕДКА И США

«НЕМЫСЛИМОЕ»

9 апреля 1945 года я был отстранен от должности начальника отдела «Иностранные армии Востока». Мое увольнение было вызвано докладом об обстановке и положении противника, который я подготовил начальнику генштаба генералу Кребсу. Тот доложил его Гитлеру. У фюрера моя оценка вызвала сильное раздражение. Он назвал доклад «сверхидиотским и пораженческим». Гитлер всегда негативно воспринимал неприятные факты и цифры. А после заговора 20 июля 1944 года он просто взрывался, когда ему докладывали о них. Что касается моего доклада, то каплей, переполнившей чашу, стало утверждение, что советские войска после падения Кенигбсерга (9 апреля 1945 года) будут переброшены оттуда к Берлину и что в районе Кюстрин — Франкфурт уже отмечено сосредоточение крупных сил противника. А это означает, что в скором времени следует ожидать решительного наступления на нашу столицу. В своих воспоминаниях Гудериан подробно пишет об этом эпизоде и еще о нескольких аналогичных случаях, когда Гитлер впадал в ярость, ознакомившись с моими прогнозами.

Возражения вызывали у фюрера гнев, в особенности если исходили от невысоких чинов. Я, будучи генерал-майором, относился к числу тех, которым фюрер просто запрещал высказывать свое мнение. Даже таким крупным фигурам, как Гальдер и Гудериан, с большим трудом удавалось доводить

свои доклады до конца, если они осмеливались перечить Гитлеру. Он хотел слышать лишь то, что не противоречило его мнению и решениям, нередко принимавшимся на основе непроверенных сообщений и сомнительных сведений.

Начальник британского имперского генерального штаба во время войны лорд Аланбрук упоминает в своих записках о том, что у него часто были такого же рода столкновения с Уинстоном Черчиллем. Тот тоже, к ужасу своих сотрудников, нередко проявлял себя стратегом-любителем, упорно отстаивавшим свои идеи. Но в отличие от Гитлера, он обычно в конце концов соглашался с доводами своих сотрудников и благодарил их за проявленную решительность в отстаивании своих взглядов. И конечно, не менял своего дружелюбного отношения к ним.

Наша трагедия, приведшая немецкий народ к катастрофе, заключалась в том, что Гитлер, малообразованный в военном отношении человек, не мог правильно оценивать оперативные возможности, но до самого конца был убежден в том, что он — гениальный полководец. Его маниакальная уверенность поддерживалась, с одной стороны, партийным окружением, а с другой — питалась успехами первых военно-политических решений, принятых им вопреки мнению военного руководства (занятие Рейнской области, присоединение Австрии, раздел Чехословакии). Да и первые военные кампании Второй мировой войны — Польша, Норвегия, Франция — подтвердили правильность прогнозов фюрера, опровергли пессимистические оценки обстановки генерального штаба. Это не только подстегнуло тщеславие Гитлера, но и укрепило его мнение, что генштаб — сборище пессимистов и паникеров.

Любой разумный человек понимает: если глава государства принимает важные решения без учета объективной оценки противника, то тем самым он подвергает нацию риску, который может привести к непредсказуемым последствиям. Такой руководитель рано или поздно проигрывает, уподобляясь игроку в покер. Вермахт в 1939 году реально

не был готов к войне. Поэтому, действуя западные союзники в начале войны решительно — в политическом и военном плане, — то военное столкновение закончилось бы поражением Германии. Это было ясно с самого начала.

Чтобы подтвердить свои слова, приведу следующий факт. Все имеющиеся в наличии боеприпасы для тяжелой артиллерии сухопутных войск, не считая снарядов для тяжелых гаубиц, уместились бы в восьми с половиной железнодорожных составах, так как серийное производство снарядов началось лишь летом 1939 года. После окончания боев в Бельгии и Северной Франции в начале июня 1940 года достаточно боеприпасов имелось лишь для легких полевых гаубиц. Что же касается снарядов для тяжелой полевой артиллерии, то они к этому времени были почти полностью израсходованы.

Посланник фон Этцдорф, ставший после войны нашим послом в Лондоне, был придан моему отделу в качестве офицера связи от министерства иностранных дел. Как-то в беседе, когда речь зашла о названии одного из трудов Шопенгауэра «Мир как воля и представление», он, имея в виду далекое от действительности мышление Гитлера, с горечью заметил: «Мир как воля, но без представления реальностей».

* * *

В течение долгих лет мы смотрели глазами противника на все происходящее в мире и на фронтах, чтобы вжиться в характер его мышления и намерений. Поэтому нам удалось вовремя установить: чем дальше, тем больше росла уверенность Советов в конечной победе. И мы были вынуждены признать, что этот процесс вполне обоснован. Вот почему раньше и острее, чем у других, у нас возникло предчувствие неотвратимо приближающейся катастрофы.

Вполне понятно, что при этом произвольно возникал вопрос: что же надо делать, когда такое случится? Конечно, подобные мысли приходят не сразу. Они созревают в ходе долгого и мучительного раздумья, часто прерываемого по-

вседневными заботами. Так думал не только я, но многие сотрудники отдела, прежде всего мой преемник Вессель, ставший впоследствии президентом Федеральной разведывательной службы. Нашему единомыслию благоприятствовало то обстоятельство, что мы были, образно говоря, защищены от давления извне благодаря сплоченности моих сотрудников, выдержавших не одно суровое испытание, и полному доверию друг другу. Даже офицер «по национал-социалистическому воспитанию» в моем отделе не был исключен. Но так было далеко не везде. В других подразделениях генштаба можно было встретить радикальные настроения, как в форме ярко выраженного национал-социализма, так и безудержного фатализма. И неудивительно: затянувшаяся неудачная война и непрерывный массированный идеологический пресс оказывали сильное воздействие на военных, особенно молодых офицеров.

Не считая забот о семьях, личное будущее беспокоило нас в меньшей степени. А вот судьба отечества внушала нам большую тревогу. В результате удачно проведенных разведывательных операций вскоре после Тегеранской и Ялтинской конференции мы получили сведения о планах союзников. В них шла речь о разгроме Германии и ее послевоенном разделе. Поэтому у нас не было никаких иллюзий в отношении того, что ожидало Германскую империю. Не возлагали мы никаких надежд и на то, что сразу же по окончании войны во вражеской коалиции произойдет раскол, хотя такое мнение часто высказывалось в войсках. И в то же время мы не могли смириться с мыслью о полном крахе Германии.

В своих размышлениях о будущем я прежде всего исходил из моего нынешнего служебного положения. Мне было ясно: если сейчас нашу агентурную сеть ликвидировать, то воссоздать через несколько лет после войны эффективную разведывательную службу будет очень трудно, а может быть, и невозможно. Следовало учитывать, что Советы воспользуются победой, чтобы внедрить своих людей в нашу новую службу. Так я пришел к решению, каким бы аб-

сурдным и имевшим мало шансов на успех оно тогда, весной 1945 года, ни казалось: нужно попытаться создать, параллельно с текущей работой, ядро новой немецкой разведывательной службы. Ибо то, что будущему германскому правительству потребуется разведка, было для меня само собой разумеющимся. Положение с кадрами позволило бы, если начать подготовительную работу сразу после окончания войны, создать костяк такой организации из сотрудников абвера и моих надежных людей.

Да и внешнеполитические соображения подводили к мысли о необходимости спасения ядра внешней разведки, пока это было еще возможным. Коммунизм изменил свое лицо лишь для видимости. Сталину удалось мобилизовать русский народ, используя такие понятия, как «Отечественная война», «советский патриотизм». Бессмысленная восточная политика Гитлера и его жестокое отношение к русским людям подготовили почву и объективно сыграли на руку советскому диктатору. Нам было ясно — не зря мы несколько лет старательно изучали основы коммунизма, — что Сталин не откажется от прежних замыслов и будет следовать своим экспансионистским планам. Его цель, как говорят на Западе, — «всемирная революция», или «распространение благодати социализма на все народы» — так формулируют на Востоке. Поэтому мы считали, что для защиты западных народов от экспансии коммунизма в послевоенное время рано или поздно потребуются совместные усилия всех цивилизованных государств.

Когда наступит такое время, мы, конечно, знать не могли. Подтверждением наших взглядов явилась оценка положения дел в мире, данная Черчиллем. Она попала в наши руки окольными путями в феврале 1945 года. В анализе британского премьера ситуация в Германии оценивалась, пожалуй, слишком позитивно. Зато потенциал Советов и их намерения трактовались верно. Из документа было ясно, что англичане не разделяли оптимизма своих американских союзников в отношении того, что Дядя Джо (Сталин) стал буд-

то бы демократом. В анализе без всяких иллюзий говорилось о будущем развитии Польши, Балканских стран и Венгрии и их превращении в социалистические государства. Для предотвращения коммунистической угрозы Черчилль даже был готов начать войну с Советами, разрабатывая план с кодовым названием «Немыслимое».

* * *

В Европе, готовящейся защитить себя от коммунизма, Германия вновь смогла бы занять свое место. Немецкая политика в будущем стала бы искать опору на Западе. Ее цели — отпор коммунистическому проникновению и воссоединение утраченных территорий. Вторая цель, по-видимому, не найдет полного понимания у западных держав-победительниц. Однако общие интересы западного мира в области обороны, которые обязательно возникнут под давлением обстоятельств, приведут к тому, что оборонять Западную Европу без немцев невозможно. В разведывательном плане можно ожидать, что все западные державы довольно скоро, хотя каждая по-своему, проявят повышенный интерес к возможности использования немецкого потенциала для ведения разведки на Востоке.

Когда мы в своих размышлениях дошли до этого пункта, возник вопрос: с каким партнером и в какой форме лучше всего начинать разведывательную деятельность?

Все это я обсудил с моим заместителем — подполковником Весселем. Итог наших размышлений можно сформулировать следующим образом: по-видимому, чистой утопией нужно считать идею заниматься сейчас, перед лицом тотального поражения, вопросом создания сразу же после окончания войны новой немецкой разведывательной службы, поскольку союзники ликвидируют все организации и учреждения Третьего рейха. И все же такую попытку стоит предпринять, с тем чтобы в случае удачи передать разведку новому немецкому правительству. Основу ее заложит

жат нынешние разведчики. Когда же будет создана новая власть? Сейчас на этот вопрос ответить невозможно. Остается открытой и проблема (ведь дело было в марте — апреле 1945 года!), с какой из трех западных великих держав удастся найти такую форму сотрудничества, которая будет приемлема в дальнейшем для нового немецкого правительства. Мы не могли, да и не хотели сотрудничать с нашими бывшими до последнего времени противниками в качестве наемников, так как считали, что с самого начала не следует отягощать будущую разведслужбу позором квислинговщины.

В итоге я решил: будет наиболее целесообразным, если мы обратимся к командованию вооруженных сил США. Американцы, как мне представлялось, по окончании военных действий быстрее других наших противников возвратятся к объективной оценке немцев. Дальнейшее развитие событий показало: это предположение оказалось правильным.

Вот что побудило меня попытаться легализовать наши планы на будущее в вышестоящей инстанции. За несколько недель до окончания войны я обратился к заместителю начальника штаба оперативного руководства вермахта генералу пехоты Винтеру, изложил ему наши соображения и получил от него благословение. Немного позже, уже находясь в плену в Висбадене, я случайно встретился с гросс-адмиралом Деницем, который в течение небольшого промежутка времени был последним главою империи. Я воспользовался этой возможностью, чтобы изложить ему наши планы. Он также одобрил их.

* * *

В марте 1945 года я вместе с подполковником Весселем посетил подполковника Бауна, начальника штаба абвера «Валли-I» в Бад-Эльстере, и проинформировал его о наших замыслах. Баун — уроженец Одессы и провел там детские годы, прежде чем семья возвратилась в Германию. Он вырос со знанием двух языков и хорошо понимал русский образ

мышления. Можно даже сказать, что в нем было что-то от русского характера: повышенная чувствительность, неумение держаться в определенных рамках. Впрочем, это свойственно всем немцам — потомкам колонистов, попавших в Россию десятки и даже сотни лет назад. Баун отличался неумной фантазией, которая затрудняла ему трезвое восприятие реальности. А это, в свою очередь, приводило к тому, что он стремился во что бы то ни стало добиться исполнения своих замыслов и порою вел себя словно одержимый.

Баун был изобретательным «доставалой» и хорошим организатором, умевшим не только толково использовать своих подчиненных и связников, но и обеспечивать их всем необходимым. До конца войны он работал в основном с русскими добровольцами и ухитрялся поддерживать агентурные связи вплоть до Москвы.

Шеф «Валли-1» сразу согласился принять участие в подготовительной работе и получил от меня необходимые указания. В нашей беседе принял участие и его адъютант. Больше никто в наши дела посвящен не был. Штаб «Валли-1» находился с начала апреля в Альгое, через который в конце апреля прошли американские войска. Позднее этот район вошел во французскую оккупационную зону. Баун и его сотрудники, переодевшись в штатское платье, направились к заранее обусловленному сборному пункту. Все документы они надежно спрятали, как это сделали и мы в отделе «Иностранные армии Востока». В последние недели войны события нарастали столь стремительно, что пришлось лихорадочно работать, чтобы успеть укрыть наши архивы.

15 апреля 1945 года первые сотрудники отдела «ИАВ» выехали по железной дороге в Райхенхалль — нашу новую штаб-квартиру. С середины апреля мы занимались созданием тайников в горах, изготовлением фотокопий важнейших документов и их надежным укрытием. За несколько дней до конца войны работа была закончена.

В начале апреля 1945 года личный состав отдела был собран в Райхенхалле, за исключением небольшой группы со-

трудников во главе с майором Шайбе, которую переподчинили непосредственно первому эшелону верховного главнокомандования вермахта в Голштинии.

В первую очередь, надо было обеспечить сохранение архива и рабочих материалов, которые потребуются нам в будущем. Всю документацию и картотеку агентуры мы перевезли в Южную Баварию. С них сделали еще одну фотокопию, затем по частям укрыли под землей поблизости от известных нам пунктов в Альгое и Хунсрюке. Мы понимали: практически нельзя было гарантировать стопроцентную сохранность наших тайников. Но разбивка документации по частям сводила к минимуму возможные потери. Впоследствии при раскопках мы обнаружили почти все, что спрятали.

Надо было обеспечить и сохранность архива. В марте 1945 года его привезли в Наумбург и спрятали поначалу в винном погребе моих друзей. Однако вскоре из документов, переданных агентом Цицероном, стало ясно, что американцы обменивают оккупированную ими Тюрингию на западную часть Берлина, которая находилась в руках русских, и создадут там свой оккупационный сектор. Поэтому пришлось принять срочные меры, чтобы перевести архив в другое место. Я распорядился немедленно погрузить его на два грузовика и вывезти из Наумбурга в Берхтесгаден.

Воспользовавшись оказией, отправил с ними свою жену и детей в Баварию. Ибо, если бы моя семья оказалась в руках русских, я не смог бы возобновить свою прежнюю деятельность. Советы, вне всякого сомнения, использовали бы мою семью, чтобы оказать на меня давление. По дороге грузовики попали под воздушный налет, но, к счастью, обошлось без жертв. Затем в районе Хофа их остановили эсэсовцы, которые потребовали, чтобы автомашины следовали в ближайшую казарму СС для проверки груза и путевых документов. Для сопровождавших архивные документы людей при тогдашних обстоятельствах это было связано с риском для жизни, несколько не меньшим, чем недавний налет авиации противника. Опытные водители, знавшие, что им угрожает,

нашли после лихорадочных поисков еще одни ворота в заборе, окружавшем казарму, которые были закрыты, но не охранялись. Им удалось их открыть, выехать на улицу и скрыться. Моя семья по пути следования нашла в Хаме, что в Баварском лесу, прибежище, где и осталась. А документы в полной сохранности были доставлены в Берхтесгаден-Райхенхалль, где тогда располагался отдел «ИАВ». И уж из Райхенхалля документы вывезли и спрятали в подобранных тайниках.

Чтобы сохранить кадры для будущей разведывательной организации, мы разбили личный состав отдела на три группы и разместили их в трех отдаленных пунктах в Альпах. Там мои сотрудники должны были укрываться примерно три недели после капитуляции, пока не уляжется суматоха и не прояснится обстановка. Тогда им предписывалось обратиться в ближайшую американскую военную комендатуру. Их, конечно, отправят в лагерь для военнопленных. Наверняка можно было ожидать, что оккупационные власти попытаются использовать сотрудников отдела «ИАВ», имевших большой опыт разведывательной работы, в своих интересах. Поэтому я дал указание моим людям не соглашаться ни на какое сотрудничество, пока они не получают лично от меня письменного разрешения.

* * *

...Подшло время, когда по намеченному плану мы должны были явиться в ближайшую военную комендатуру американцев. Сложные чувства обуревали меня. С одной стороны, я испытывал иронию — своеобразный юмор висельника: как-никак генерал-майор, занимавший во время войны солидную должность, пришел сдаваться в плен молодому американскому лейтенанту. С другой — возврата назад уже не было.

Комендант местного гарнизона, вполне понятно, сильно взволновался, когда перед ним оказались генерал и четыре офицера генерального штаба. Но он не мог до конца понять,

какой «улов» выпал на его долю, так как не знал немецкого языка, а мы тогда еще не говорили по-английски. Комендант тут же позвонил своему начальству и получил указание доставить нас поодиночке в штаб дивизии в Вергль. Меня первого посадили в джип военной полиции и сдали офицеру службы «Джи-2» (американская армейская разведка). Он сразу сообразил, кто мы такие, и приступил к опросу, начав с меня. Но странное дело: беседа шла главным образом не о моей прошлой деятельности, а об обстановке в Германии во время национал-социализма.

После краткого опроса меня направили в Зальцбург. Солдаты военной полиции ехали сначала в одном направлении, затем — в другом и, не найдя, по-видимому, нужного им штаба, завезли меня в ближайшую небольшую гостиницу, где в зале рестораника уже находился какой-то пленный, которого через некоторое время увели. Смирившись с судьбой, я терпеливо ждал, что будет дальше. Перед открытой дверью стоял вооруженный до зубов часовой, охранявший меня. Весь вид его выражал беспокойство — как бы я не сбежал. На третий день в пустой ресторан случайно зашел какой-то американский офицер, и я попытался объяснить ему, что меня должны доставить в штаб корпуса. Объяснение шло трудно: американец с трудом понимал мой домашний английский. Наконец, он все-таки понял, о чем идет речь, и воскликнул:

— Ах да, мы совсем о вас забыли!

Офицер пообещал принять необходимые меры. И действительно, вскоре появился солдат военной полиции и скомандовал:

— Быстрее, быстрее, с вещами!

Меня посадили в джип и отправили в Аугсбург, где находился сборный лагерь для военнопленных армейского подчинения. Он состоял из одно- и двухквартирных небольших уютных домиков. Пленных, пока не прошедших допрос, размещали так, чтобы они не могли вступать друг с другом в контакт.

До тех пор я встречался лишь с американскими офицерами, которые оценивали обстановку в Германии и мире, находясь под влиянием официальной пропаганды. Почти все, с кем мне приходилось говорить, придерживались мнения, что Советский Союз в настоящее время находится якобы в стадии перехода от коммунистического к либеральному государству. О Сталине все отзывались положительно, как о Дядюшке Джо, и не имели ни малейшего представления относительно экспансионистских целей Советов.

* * *

В аугсбургском лагере я пробыл около трех недель, пока допрашивавший меня офицер не пришел к убеждению, что я не представляю для американцев никакой ценности. Положение в Советском Союзе его не интересовало. Он хотел разобраться во внутригерманских процессах и просил меня помочь ему в организационных вопросах и розыске различных германских должностных лиц, на что я отделялся молчанием. Однажды дверь моей комнаты резко распахнулась.

— Давай, пошевеливайся! — прозвучала команда.

Как и обычно, мне не было сказано, куда меня собираются везти. С группой офицеров, большей частью мне незнакомых, меня посадили на грузовую автомашину и отправили по маршруту Штутгарт — Франкфурт-на-Майне. Когда добрались до Висбадена, мне заявили, что я — гестаповский генерал, и отправили, несмотря на мой протест, в тюрьму. Отношение американского персонала к заключенным там было недружелюбным, их оскорбляли, а иногда дело доходило до рукоприкладства. Как-то меня вели по тюремному переходу и я столкнулся лицом к лицу с бывшим своим шефом, генерал-полковником Гальдером. Мы бросились друг другу в объятия. На американцев это произвело большое впечатление, и отношение ко мне с тех пор заметно улучшилось. И вот почему. Гальдер находился в группе гражданских лиц и офицеров, освобожденных американцами

из гитлеровских концентрационных лагерей, но взятых оккупационными властями вновь под стражу. Большинство из них принадлежали к числу участников заговора 20 июля 1944 года. Волею случая я попал в эту группу активных противников гитлеровского режима, которой занималось непосредственно командование вооруженных сил США на европейском театре военных действий.

На следующий день после того, как меня включили в число пленных, представлявших особый интерес для американцев по военным или политическим соображениям, мной занялся капитан Хальштедт. Допрос носил неформальный характер: он состоялся в саду, окружавшем виллу, где поселили нашу группу. Капитан предложил мне сесть на скамью, стоявшую на солнечной лужайке, и сам опустился рядом. Он производил приятное впечатление. На вид ему было лет тридцать пять. Своими манерами и поведением он мало соответствовал немецкому представлению об офицере. Потом я узнал, что капитан был американцем немецкого происхождения во втором поколении. В отличие от всех его коллег, с которыми я встречался до этого, он прекрасно знал Россию и, самое главное, не питал никаких иллюзий в отношении политического развития в ней.

Встреча оказалась решающей для дальнейшей реализации моих планов. К тому же она благоприятно сказалась на наших отношениях: так сказать, служебный контакт длился короткое время. Вскоре сухие официальные отношения превратились в настоящую дружбу, которая продолжается до сих пор.

У нас состоялся долгий разговор о политическом и военном положении в мире. Затем Хальштедт подробно расспросил меня о предыдущей деятельности в отделе «Иностранные армии Востока». Он ушел, а в моем распоряжении осталась ночь, чтобы решить, стоит ли раскрывать перед ним все свои карты. И я решил: надо! Но понемногу, не переставая прощупывать капитана. При этом мне представлялась возможность постепенно, по кусочкам высказывать

свои соображения о намерениях и планах. Хальштедт положительно воспринял мои слова. Думаю, он регулярно обо всем информировал своего непосредственного начальника генерала Зайберта, а также начальника штаба командования американскими вооруженными силами в Европе генерала Беделла Смита. И видимо, получил указание продолжать наши беседы и проявить ко мне благожелательный интерес. День ото дня капитан становился все любезнее, предупредительней и откровенней.

В конце концов мы договорились о создании небольшой группы из моих бывших сотрудников — всего восемь офицеров, в их числе Вессель. Они должны были показать американцам, какими возможностями и данными мы располагали. Я дал Хальштедту фамилии сотрудников и письма к ним, чтобы он мог отобрать их по спискам военнопленных и перевести в Висбаден. Прошло много дней, пока группа была собрана. Хальштедт, весело усмехаясь, рассказывал мне после, что пытался побеседовать со всеми сначала без предъявления моего письма, но они оказались очень неразговорчивыми. Однако мое короткое послание оказывало такое же воздействие, что и заклинание «Сезам, откройся!». Капитан чистосердечно признался, что сдержанность моих подчиненных произвела на него большое впечатление.

СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ С ВАШИНГТОНОМ

Итак, первый шаг был сделан. Вокруг меня собралась небольшая группа самых ближайших сотрудников. В результате была создана возможность обсуждать самые различные вопросы, советоваться и принимать взвешенные решения.

Последующие дни прошли в разговорах на различные темы о прошлом и будущем. Мы с Хальштедтом постоянно возвращались к одной и той же проблеме — о взаимоотношениях по антигитлеровской коалиции. Оба мы сходились во мнении, что между Советами и западным альянсом обя-

зательно произойдет разрыв. Противоречия, которые до сих пор лишь носили подспудный характер, выйдут наружу и нанесут ущерб безопасности Европы и Соединенных Штатов.

Учитывая такой прогноз, мы обязательно должны перейти к сотрудничеству в разведывательной сфере. Но каким образом? Пока было трудно конкретно ответить на этот вопрос. Было, однако, совершенно ясно, что придется преодолеть серьезные препятствия.

Во-первых, отсутствовала уверенность, что мое предложение использовать немецкий разведывательный потенциал в интересах США будет положительно воспринято за пределами службы «Джи-2». Сама эта разведывательная служба американской армии знала, конечно, сколь скудны были имевшиеся у нее данные о Дядюшке Джо и его империи. Поэтому, как показали все предыдущие беседы, предложение о нашем сотрудничестве представлялось армейской разведке США не только совершенно очевидным сегодняшним делом, но и заманчивой перспективой. Его принятие сэкономило бы разведке Вашингтона значительные усилия по организации разведывательной работы в новых условиях. Кроме того, оно обеспечило бы доступ к сведениям, для получения которых потребовались бы долгие годы и огромные денежные средства.

Однако в глазах американской общественности Советский Союз был союзником и партнером-победителем, в дружбу которого, как и в то, что после войны он вступит на путь демократического развития, многие еще верили, да и Америка ввязалась в военный конфликт, чтобы с корнем уничтожить «немецко-пруссский милитаризм». Можно ли было ожидать, что народ США и американский офицерский корпус поймут: сейчас необходимо сотрудничать с бывшими немецкими офицерами, сотрудниками гитлеровской разведки? Ведь у всех были свежи еще впечатления о чудовищных преступлениях нацистов.

Посол Буллитт, ближайшее доверенное лицо Франклина Рузвельта, опубликовал в 1946 году в одной из крупных

газет статью, в которой писал: президент умер, сознавая, что выбил клин клином и что Соединенным Штатам в ближайшем будущем придется вновь столкнуться с подобной опасностью. Насколько я помню, Буллитт отмечал, что в демократическом государстве потребуется около пяти лет, чтобы все общество пришло к сознанию этого. И посол не ошибся.

Если первые признаки отрезвления американской общественности появились в начале 1946 года, когда Советский Союз ввел свои войска в Иран, то для того, чтобы у последнего американца открылись глаза на реальное положение вещей, потребовалась война в Корее.

Поэтому было понятно, что в данное время необходимые решения не могут быть приняты не только в самих Соединенных Штатах, но и в американских войсках, находившихся в Европе.

Вот почему меня и еще шестерых бывших сотрудников службы «1-Ц», которых я назвал поименно, перебросили в США. Весселя, как своего заместителя, я оставил в Германии. С ним мы договорились, что он будет ждать результатов моих переговоров в Вашингтоне и не предпримет ничего без моего ведома. Я разрешил ему поддерживать контакты со старыми, представляющими интерес сотрудниками, такими, как Баун.

Почему меня отправили за океан на переговоры? До сих пор точно не знаю, но, по-видимому, американцы хотели свести до минимума опасность разглашения тайны создания новой разведывательной организации. И еще одно соображение: вдали от европейских событий можно было спокойно, с большей эффективностью довести до логического конца все прикидки и снять последние вопросы.

* * *

Вот так совершенно неожиданно мне предложили срочно обзавестись штатской одеждой и чемоданом и через три дня вылететь в Соединенные Штаты. И вести себя нужно

было так, чтобы в нас не опознали бывших военных. Что касается партикулярного платья, то с ним было не так-то просто. Чтобы экипироваться как полагается, нам пришлось кое-что выменять, а что-то и взять взаймы. Достать чемоданы было еще труднее. Поэтому не обошлось без сумок и рюкзаков. А полковник Стефанус где-то разыскал футляр от скрипки, в который уложил свои скромные пожитки. В общем, наша группа выглядела внешне вполне цивильно, хотя и очень своеобразно. Люди вполне могли предположить, что мы — музыканты или что-то в этом роде.

В начале августа нас посадили в самолет начальника штаба американских вооруженных сил в Европе генерала Беделла Смита. Мы вылетели совсем незаметно, других пассажиров не было. Для всех нас то была первая поездка в Соединенные Штаты. Но мы не испытывали радостного волнения, как это бывает в туристских вояжах. Настроение было не из лучших. Нас сопровождал капитан Хальштедт, ставший нашим ангелом-хранителем. Он старался, чтобы нам было хорошо. В пути произошло небольшое курьезное недоразумение. Когда мы совершили промежуточную посадку на Азорских островах, для встречи ожидавшегося генерала Беделла Смита была выстроена рота почетного караула. Нам пришлось всю стоянку просидеть в самолете, чтобы не навредить легенде: поездку, мол, совершает генерал, а не выходит потому, что устал и отдыхает.

Тридцать шесть часов полета — и мы приземлились в Вашингтоне, где нас встретил капитан Колер, взявший на себя заботу о нас. К нашему разочарованию, Хальштедт попрощался с нами на аэродроме и пожелал нам всего хорошего. Мне он сказал, что попытается встретиться со мною на следующее утро. Капитан Колер приветствовал нас весьма радушно в одном из помещений аэродрома, где нам затем пришлось пройти медицинский контроль. Мы расположились рядом на скамейке, как воробьи на ветке, с градусниками во рту. После этого нас посадили в полицейскую автомашину типа «черный ворон». В ней не было окон, но, к сча-

стью, работала вентиляция. Естественно, такой прием нас разочаровал. Да и в последующие дни наше настроение не улучшилось: нас никто не принимал, мы ничего не делали и, конечно, нервничали. Пришлось использовать все свое красноречие, чтобы успокоить своих спутников.

Когда мы ехали с аэродрома, я попытался определить конечную цель нашего маршрута по изменению направления движения и времени, затраченному на преодоление отдельных участков. Автомашина остановилась в пункте, расположенном, по моим расчетам, километрах в двадцати южнее Вашингтона. Я предполагал, что это — район Александрии, что позднее подтвердилось. Мы оказались в одном из военных лагерей, который обозначался № 1142. Нас разместили в одном из зданий, где каждый получил вполне прилично обставленную комнату. Однако на внутренней стороне двери не было ручки, так что покинуть комнату было невозможно. Здание, которое мы позднее называли в шутку «Трумэн-отель», было обнесено проволочным забором с четырьмя вышками по углам, где сидели часовые. Понятно, наше настроение от вида такого дома заключения совсем упало. Капитан Колер пытался несколько приукрасить положение дел, утверждая, что все это сделано из соображений секретности и нашей безопасности, но его старания успеха не имели.

На следующий день меня навестил Хальштедт. Он сказал:

— Мне очень жаль, генерал, что не смогу более заниматься вами. С завтрашнего дня в ваше распоряжение поступит капитан Эриксон.

Хальштедт выглядел несколько расстроенным. К сожалению, он ничего не объяснил — наверное, ему запретили это делать — и оставил нас в полной неизвестности. Капитан Эриксон появился на следующее утро. Мы совершили с ним длительную прогулку, беседуя по различным вопросам и пытаясь составить впечатление друг о друге. Я пришел к выводу, что он — добросердечный человек, заслуживающий доверия, несмотря на некоторое предубеждение к немцам. Но это не исключает возможности сотрудничества

с ним. Забегая вперед, скажу, что позднее мы стали друзьями. Эриксон в течение долгих лет оказывал содействие нашей организации и помогал чем только мог молодой германской республике. Впоследствии его энергичная и разносторонняя деятельность была отмечена правительством ФРГ: его наградили «Крестом за заслуги».

Капитан Эриксон дал понять, что нас разместили в лагере в связи с «особыми обстоятельствами» — какими именно, он не объяснил и только попросил не терять мужества: с течением времени ему удастся все урегулировать. Каждое утро Эриксон отвозил нас на службу. Работа наша заключалась в том, что мы беседовали со специалистами службы «Джи-2» военного министерства, отвечали на устные и письменные вопросы о Вооруженных Силах Советского Союза и составляли справки по различным проблемам, связанным с СССР, используя предоставляемые нам материалы. В это время я довел до сведения еще не посвященных сотрудников свои планы создания с помощью американцев немецкой разведслужбы, которая станет заниматься сбором секретной информации о большевистской империи. Некоторые из них отнеслись скептически к моим намерениям. Только хорошее воспитание и доверие ко мне удерживали их от резких высказываний.

* * *

Вскоре выяснилось, что наш лагерь был создан специально для содержания особо важных военнопленных. Командант его оказался чрезвычайно честолюбивым человеком: его очень злило, что мы были выведены из его непосредственного подчинения и числились за службой «Джи-2». Он пытался, используя мелкие придирки и интриги, вывести нас из равновесия и побудить к тому, чтобы мы отказались сотрудничать с армейской разведкой. Тогда бы военное министерство потеряло к нам интерес и мы попали бы к нему в руки. И уж тут-то он отыгрался бы на нас.

Мы на собственном примере убедились, что и в Америке существуют конфликты и конкурентная борьба между разными ведомствами и что от этого страдают конкретные люди, как это случилось с нами. Хорошо, что мы сразу раскусили, в чем тут дело, и реагировали на все происходящее спокойно и с юмором.

Скоро капитан Эриксон добился, чтобы нас разместили получше. Мы получили в свое распоряжение три небольших домика в лесу — вне зоны, обнесенной забором, и могли свободно передвигаться в округе, дав честное слово, что никуда не сбежим. В домиках мы располагались по двое или по трое. Границы дозволенного нам района были достаточно удалены, так что в свободное время мы могли совершать длительные прогулки.

Профессиональные осторожность и недоверие побудили меня через несколько дней внимательно обследовать все три домика, чтобы выяснить, нет ли там встроенных микрофонов. Как я и ожидал, в каждом из помещений нам удалось обнаружить хорошо замаскированные подслушивающие устройства. На следующий день я обратился к капитану Эриксону, полагая, что микрофоны установлены с его ведома, и дал ему понять: подслушивающие устройства по соображениям конспирации использовать нецелесообразно. Их ведь в нерабочее время должен обслуживать дежурный унтер-офицер, следовательно, секретность нашего пребывания здесь и цель всего предприятия будут поставлены под угрозу. Эриксон вскипел:

— Это невероятно, я разберусь, кто отдал такое распоряжение.

Выяснилось, что установить микрофоны приказал комендант лагеря, чтобы контролировать самого капитана Эриксона и получить на него компрометирующие материалы, которые помогли бы ему избавиться от своего конкурента.

Нас неоднократно навещали эксперты и ответственные сотрудники военного министерства, которые хотели получить представление о наших мнениях и взглядах, а также на-

шем умении эффективно работать. Руководителем одной из рабочих групп был полковник Лоуэлл (он, к сожалению, погиб во время военных действий в Корее), который до Второй мировой войны занимал пост военного атташе в Берлине. Полковник рассказывал, что его интернировали в начале войны и выслали из Германии вместе с дипломатическим персоналом. Представители вермахта при этом обращались с ним очень порядочно. Он заверил нас, что будет относиться к нам ничуть не хуже. Это обещание было в действительности выполнено. Лоуэлл остался в моей памяти как честный и прямой американский солдат, с которым можно было говорить обо всем открыто и чистосердечно.

Эксперт по России оказался хорошим специалистом своего дела, правильно оценивавшим все проблемы, касавшиеся советской империи. Однако американцам явно не хватало сведений о Востоке, характере и образе мышления населения, положительных и отрицательных сторонах жителей восточноевропейских стран.

Нам все больше и больше давали материалов для обработки и оценки. То, что нам удалось сделать, произвело на американцев большое впечатление. Они конкретно убедились в том, что мы располагаем высоким уровнем знаний и большими возможностями для организации эффективной разведывательной деятельности.

* * *

Медленно, но верно приближался час возвращения на родину. Попрощавшись с американскими друзьями, мы 1 июля 1946 года отплыли на транспортном корабле типа «Либерти» и через неделю прибыли в Гавр. Во время плавания стояла чудесная погода, океан был спокоен. И мы наслаждались воздухом, водой и солнцем. Сопровождал нас капитан Эрик-сон, который затем остался в Германии на длительный срок. Обслуживали нас внимательно, питание было хорошим. По вечерам для военнопленных и команды на палубе крутили

фильмы. Но больше всего наше настроение поднимало сознание того, что мы возвращались домой, в Германию.

После высадки в Гавре нас на военном транспортном самолете доставили во Франкфурт-на-Майне. Оттуда мы выехали на двух автомашинах в Оберурзель, где для размещения рабочей группы были подготовлены три дома. Первое время мы находились на казарменном положении — здесь и жили, и работали. В четвертом доме, окрашенном в голубой цвет, — мы так и называли его «голубым» — располагался американский штаб связи в составе капитана Эриксона и полковника Д. Через день к ним присоединился капитан Хальштедт.

В первую очередь завершили формальности по освобождению нас из плена. Мы стали полностью свободными. Начались переговоры с американскими офицерами. Речь шла о том, как лучше организовать работу и привести к общему знаменателю американские и немецкие намерения и желания.

Дома, в которых мы размещались, были обнесены забором из колючей проволоки, чтобы избавить нас от нежелательных посетителей. Участок примыкал к лагерю Оберурзель, в котором находились подследственные заключенные, главным образом по политическим мотивам. Маскировка — лучше не придумаешь. Все считали, что мы — тоже узники. Но это для непосвященных. На самом деле никто не ограничивал нашей свободы. Мне и моим сотрудникам сразу же предоставили возможность встретиться с семьями.

В один из первых дней после нашего приезда меня посетил генерал Зайберт, начальник службы «Джи-2», чтобы окончательно уточнить методы предстоящей работы. Мы беседовали довольно долго и в конце концов приняли концепцию, учитывающую американские и немецкие интересы. Мои идеи нашли полное понимание у генерала. Для нас было ясно, что, в противовес политическим целям восточного блока, американцам и немцам, да и другим европейским народам, сидевшим, как говорится, в одной лодке,

надо было думать о совместной обороне. Это соображение оправдывало наше сотрудничество.

Опыт последних двадцати пяти лет подтвердил нашу тогдашнюю оценку. Впрочем, все эти соображения обговаривались нами с капитаном Хальштедтом еще во время моего пребывания в Висбадене. Они были предметом разговоров в Вашингтоне с американскими офицерами связи, выполнявшими одновременно обязанности наших попечителей. Таким образом, предмет и содержание переговоров не были новыми и для моего тогдашнего партнера — генерала Зайберта. Мы с ним, можно сказать, подвели итоги долгих предварительных дискуссий. Еще раз взвесили все соображения и окончательно определили основу сотрудничества. Беседы завершились джентльменским соглашением между генералом и мною о взаимном сотрудничестве, которое, по понятным причинам, не было оформлено в письменном виде. Личный тесный контакт с представителями службы «Джи-2» и американского военного министерства обеспечил создание таких доверительных отношений между будущими партнерами, в особенности между генералом Зайбертом и мною, что обе стороны, не колеблясь, стали строить всю работу на основе устных договоренностей. Решающим фактором стало взаимное доверие. Впрочем, через некоторое время эти договоренности были все же зафиксированы и на бумаге.

* * *

Заключенное между мною и генералом Зайбертом джентльменское соглашение предусматривало следующее.

1. Создаваемая немецкая разведывательная организация с использованием имеющегося кадрового потенциала предназначается для ведения разведки на Востоке, то есть фактически продолжает прежнюю деятельность. В ее основу кладется заинтересованность западных государств в совместной обороне против агрессии коммунистического блока.

2. Организация работает не на американцев, не под их командой, а совместно с разведывательной службой США.

3. Во главе организации стоит немецкое руководство, которое получает задания от американской стороны до тех пор, пока в Германии не будет создано суверенное национальное правительство.

4. Организация финансируется американской стороной, причем денежные средства не будут браться из расходов на содержание оккупационной армии, покрываемых немецкой стороной. За это организация обязуется передавать соответствующим американским учреждениям полученные ею разведывательные данные.

5. Когда будет создано суверенное немецкое правительство, оно решит, продолжит ли организация свою деятельность или прекратит ее. До тех пор организация будет замыкаться на соответствующее американское учреждение.

6. Если когда-либо американские и немецкие интересы разойдутся, то организация вправе следовать линии, предложенной немецкими властями.

Последний пункт, вероятно, может вызвать удивление: не слишком ли большую уступку представители американской стороны сделали немцам. Но именно этот пункт ярко характеризует дальновидность генерала Зайберта. Его прогноз, что интересы Соединенных Штатов и Федеративной Республики Германии будут совпадать в течение длительного времени, оказался абсолютно верным. Я считаю очень важным, что с самого начала были достигнуты договоренности, которые выдержали испытание временем. Я до сего дня глубоко уважаю генерала, который рискнул использовать разведывательный потенциал бывшего противника в интересах собственной страны, несмотря на существовавшие тогда многочисленные трудные политические проблемы. Деятельность других американских офицеров, опекавших нас, тоже способствовала тому, что Вашингтон создал все необходимые предпосылки для успешной реализации нашего совместного проекта.

СОЗДАНИЕ «ОРГАНИЗАЦИИ ГЕЛЕНА»

С 1 апреля 1946 года начались пробные операции нашей разведывательной службы. Первые результаты получили положительную оценку. После беседы с генералом Зайбертом в июле 1946 года, которая закончилась принятием вышеупомянутого джентльменского соглашения, была дана команда о начале полномасштабной деятельности. Но для этого надо было создать работоспособный руководящий орган организации, штаб руководства разведывательными операциями и надежное подразделение по обработке и оценке разведывательной информации. Такая работа требовала от всех сотрудников много времени, ибо еще не были отработаны организационно-технические и кадровые вопросы. Не хватало и помещений. Самой настоятельной проблемой стали кадры. Имевшихся у нас людей было мало, связь с многими разведчиками, устремившимися после войны на гражданскую службу, была потеряна. Ощущался недостаток и во вспомогательном персонале.

Но работа с нуля имела и свои положительные стороны. Гораздо труднее проводить перестройку действующей большой разведывательной организации, чем создавать новую с учетом имеющегося опыта и прогрессивных взглядов на ее деятельность. Цель для меня и Весселя была предельно ясна: нужно создать ядро будущей немецкой разведывательной службы, используя опыт войны, а также и довоенного времени, — как свой собственный, так и других служб. Мы отдавали себе ясный отчет, что действующие параллельно — пусть даже в различных сферах — несколько служб внешней разведки почти неизбежно вызовут антагонизм, ненужное дублирование, нарушение конспирации. Но этого еще мало. Возникнут также подходящие для разведслужб противника возможности проводить операции на слабых стыках наших организаций и внедрять в них свою агентуру. Поэтому я намеревался с самого начала своей деятельности

создать необходимые предпосылки, чтобы сколотить единую службу, которая занималась бы разведкой противника во всех сферах и направлениях.

Такая организация, как я себе представлял, должна была объединять внешнюю политическую, экономическую, научно-техническую и военную разведку, а также контрразведку в одних руках и быть не военной, а гражданской организацией. Вот почему с самого начала я стал принимать меры к тому, чтобы, наряду с бывшими офицерами, в качестве сотрудников привлекались бывшие чиновники министерства иностранных дел и государственного управленческого аппарата, если они имели незапятнанное прошлое и не проявили себя с отрицательной стороны в третьем рейхе. Темпы проведения организационных мер зависели в значительной степени от имевшихся в нашем распоряжении возможностей по размещению личного состава, финансированию и техническому оснащению. Для американцев это предприятие являлось лишь экспериментом, причем экспериментом неясным и спорным. Ведь никто из них толком не знал, как и чем он закончится.

Импровизация и временные меры были характерны для первых шагов «Организации Гелена», как нас скоро стали называть американские друзья. Мы были вынуждены смело идти на эксперименты. Ведь наряду с попыткой создать фундамент нашей службы, нам необходимо было вести результативную разведку, чтобы убедить заокеанских спонсоров в том, что наша деятельность имеет будущее.

* * *

Трудно передать, как тяжело добывалась информация в сложных условиях 1947—1948 годов. Федеративная Республика Германия представляла собой тогда страну, разделенную на три зоны. Передвижение людей, товаров, материалов жестко контролировалось. Наш аппарат даже по эту сторону демаркационной линии действовал конспиративно.

Без помощи американцев работать вообще было бы невозможно. Нередко наших сотрудников, особенно тех, кто вел себя неосторожно, арестовывали КРК или службы безопасности англичан и французов. Их приходилось освобождать из-под стражи с помощью американского штаба связи. А это приводило к их расконспирации.

Железнодорожное сообщение и телефонная связь функционировали плохо. К тому же все телефонные разговоры прослушивались союзными властями. Экономическое положение было катастрофическим. Но наша организация росла, и ее нужно было обеспечивать всем необходимым. Работа затруднялась тем, что объекты нашей разработки располагались по ту сторону зональной границы, а наши опорные пункты — на территории трех оккупационных зон западных держав. И хотя они были союзниками, мы тем не менее должны были надежно замаскировать нашу штаб-квартиру и все периферийные подразделения. Конспирация соблюдалась очень строго. Наши сотрудники не имели права никому говорить о своей службе в организации — ни родным, ни друзьям, ни тем более местным немецким или оккупационным властям, к которым им приходилось обращаться по личным вопросам. Вплоть до 1956 года не было даже возможности охватить их государственным страхованием, так как формально работодателя не было. Только после передачи организации правительству ФРГ удалось устранить эту нелепицу, хотя пришлось немало поломать голову.

Оснащение организации техническими средствами, начиная от пишущих машинок и кончая радиоаппаратурой, взяла на себя американская армия. Но и в этом случае все операции надежно прикрывались, чтобы избежать нежелательных последствий. К сожалению, при этом часто возникала волокита.

Организация надежной курьерской, почтовой и телефонной связи через зональные границы тоже была нелегким делом. Короче говоря, одна проблема налезала на другую, и сегодня мне кажется чудом, что их удавалось решать успешно.

Наша разведывательная деятельность вначале ограничивалась только военными вопросами. Да это и неудивительно, так как на первых порах мы использовали возможности прежних немецких разведслужб — отдела «Иностранные армии Востока» генштаба и абвера. Однако скоро стало ясным, что в связи с все углубляющимся расколом между союзниками (с одной стороны, западные державы-победительницы, а с другой — Советский Союз), возрастал интерес к политическим проблемам. С конца 1946 года мы стали наблюдать за событиями в этой сфере. А потом, как само собой разумеющееся, наша деятельность охватила военную экономику и вооружения.

Соединенные Штаты позднее, чем другие государства, стали планомерно заниматься разведкой в этих направлениях. Мы смогли восполнить пробел и стали передавать нашим американским друзьям необходимую информацию, которую они высоко оценили. Таким образом, мой план создания единой разведывательной службы, базирующийся на опыте работы второй группы отдела «ИАВ» (долгосрочная оценка обстановки) во время войны, уже на первых порах деятельности организации подтвердился практическими делами.

* * *

Поскольку существование организации все еще скрывалось, мы приняли меры, чтобы тщательно замаскировать ее. В частности, сочли необходимым определить на жительство в этом же поселке и семьи сотрудников. Был создан «автономный район» со своей школой, детским садом, магазинами, клубом и другими учреждениями. Контакты с внешним миром свелись к минимуму.

Среди жителей Мюнхена и прилегающей к нему округи в то время ходили слухи, что в Пуллахе, где когда-то жили видные деятели национал-социалистической партии, а затем некоторое время размещалась штаб-квартира генерал-фельдмаршала фон Рундштедта и еще позднее находил-

ся американский лагерь для военнопленных, теперь содержатся интернированные гражданские лица.

Следует подчеркнуть, что наши близкие, жившие там в довольно стесненных условиях, вели себя очень дисциплинированно. Задним числом можно утверждать, что такое решение вопроса, когда обстановка и условия жизни в Германии еще не нормализовались, было правильным и принесло несомненную пользу. Сотрудники жили с семьями и несли тяготы раздельной жизни, многие проблемы были сняты, трудностей и неприятностей стало меньше — их и так хватало на службе. Естественно, каждый пуллаховец мог свободно передвигаться, уходить из поселка, но не имел права поддерживать контакты в определенных слоях населения и совершать покупки за пределами зоны безопасности.

Переезд в Пуллах пришелся на период, когда среди сотрудников назревал первый кризис доверия. Мне и моим ближайшим помощникам пришлось приложить немало усилий, чтобы преодолеть возникшие трудности без ущерба для организации. Кризис возник в результате того, что требования улучшить размещение персонала и оснастить организацию современным радиотехническим оборудованием, отвечающим поставленным задачам, автомашинами и другими техническими средствами не всегда выполнялись должным образом. Да и обеспечение канцелярскими принадлежностями и денежными средствами (пункт последний в списке требований, но едва ли не первый по значению), необходимыми для проведения наших операций, оставляло желать много лучшего. Мы, правда, имели свой бюджет расходов, покрываемый американской стороной, но денег всегда не хватало. По всем этим вопросам шли долгие переговоры, в которых первое время я принимал активное участие.

Наши просьбы, пожелания и потребности фиксировались в журнале — толстой амбарной книге. Судя по этим записям, только в 1948 году мы представили американцам четыре докладные записки по самым насущным и не терпящим отлагательства проблемам. Большинство сотрудников не

знало совсем или слишком мало о наших усилиях по созданию условий для улучшения работы. Их недовольство вполне можно понять. Вместе с тем следует отметить, что наши американские друзья, в особенности представители штаба связи, серьезно относились к нашим запросам и считали их оправданными. Дело упиралось в то, что и в американской армии существовала бюрократия, настаивавшая на прохождении всех запросов по длинной служебной лестнице. Путь же из Пуллаха в Вашингтон через Франкфурт-на-Майне был очень долгий и отнимал много времени.

ПОД КРЫЛОМ ЦРУ

Денежная реформа поставила нас перед новыми тяжелейшими проблемами. В первые послевоенные годы, когда в ходу были обесцененные рейхсмарки, американцы платили нам в долларах. Да еще в плановом порядке снабжали нас имуществом и оборудованием. Ликвидация системы оплаты в долларах, сигаретами и продовольствием больно ударила по нашему карману. Мы стали получать денежное довольствие в марках, причем по принудительному курсу — из расчета три марки за один доллар. Официальный курс составлял 4,2 марки за один доллар. Следовательно, мы теряли до 30 процентов жалованья, которое получали до денежной реформы. В целом же уменьшение денежного довольствия составило около 70 процентов.

Нужно учесть и то, что марка, которая еще не пользовалась доверием, постоянно меняла свою стоимость. Из-за этого организация в течение длительного времени оказалась не в состоянии точно выполнять свои обязательства. Положение можно было поправить, если бы американцы увеличили на 50, а то и все 100 процентов ассигнования на наши нужды.

При этом следует иметь в виду, что мы в то время не являлись государственной организацией: наряду с други-

ми причинами это требовало надежного прикрытия самого факта нашего существования. Отделения и филиалы организации были вынуждены в ряде случаев отказываться от использования важных источников информации из-за нехватки средств и даже переходить на самообеспечение. Дело доходило до того, что руководители порою оплачивали оперативные расходы из собственных средств. Правда, они рассчитывали на последующую компенсацию.

Хочется сказать читателю, что в 1948 году многие немцы старались оказать нам посильную помощь. И не только богатые люди — финансисты, предприниматели, — но и рядовые граждане Западной Германии, хотя сами они жили тогда трудно, но были крепки духом, поддерживая нас, так сказать, на идейной основе. Скажу честно: такие настроения жителей западных зон явились для меня неожиданностью. Это трогало до глубины души, поскольку в то трудное послевоенное время людей занимали главным образом материальные проблемы.

* * *

Мне и моим помощникам было нелегко объяснить сотрудникам наших филиалов, да и агентуре, почему богатая Америка не дает нам достаточных средств. Наряду с другими причинами это объяснялось еще и тем, что денежная реформа вызвала неожиданные затруднения (их просто не сумели заранее спрогнозировать) для тех американских учреждений, с которыми мы были связаны. Покончить с бедственным положением могло лишь одно: нам нужно было как можно быстрее выйти из-под эгиды военного министерства США и перейти под крыло созданного в 1947 году Центрального разведывательного управления (ЦРУ), в функции которого входила координация деятельности всех специальных служб США. К тому же это учреждение обладало более широким, по нашему мнению, взглядом на окружающий мир и могло лучше разобраться в перспективах немецко-аме-

риканского сотрудничества в разведывательной области и, следовательно, правильно определить размеры требуемых для этого средств.

В ноябре 1948 года наши переговоры с представителем ЦРУ, которое хотело, вполне понятно, сначала получить о нас более полное представление и собрать необходимые сведения о проделанной нами работе, затянулись. Уточнения и проверки заняли довольно много времени. А это отрицательно сказывалось на нашем положении, которое продолжало не только ухудшаться, но стало просто катастрофическим. В связи с этим в феврале 1949 года я был вынужден заявить американскому офицеру связи, что из-за острой нехватки денежных средств мне придется сократить штаты организации, а это повлечет за собой снижение наших разведывательных возможностей. Одновременно я изложил в письменной форме реальное положение дел начальнику службы «Джи-2», предложил принять мою отставку и распустить организацию из-за несоответствия предоставляемых ей средств поставленным задачам.

Как раз в разгар таких событий нас посетил общительный и внимательно отнесшийся ко всем вопросам полковник из военного министерства США, старавшийся разобраться в том, действительно ли наше положение было столь критическим. Он согласился с тем, что у нас есть трудности, но одновременно обратил внимание на то, что в результате берлинского кризиса возникли серьезные бюджетные осложнения. Он настоятельно просил меня не предпринимать пока шагов по сокращению личного состава организации, а тем более к ее ликвидации и заверил, что будет предпринято все, чтобы помочь нам. Я не сомневался в доброй воле наших американских коллег: они искренне считали, что наша деятельность весьма полезна для Соединенных Штатов. Главная причина крылась в бюрократии военного ведомства Вашингтона.

Разведывательная служба — очень чувствительный инструмент. Как только у руководства возникают трудности,

это сразу ощущает любой сотрудник, вплоть до занимающего мелкую должность, хотя детали проблем ему точно не известны. Поэтому затянувшийся до пяти месяцев кризис нанес большой вред организации: нестабильность и неясность существенно мешали нашей деятельности.

* * *

Переговоры с ЦРУ в конце концов закончились благополучно. Достигнутая договоренность нашла отражение, на этот раз в письменной форме, на английском и немецком языке, в новом джентльменском соглашении. С 1 июля 1949 года, то есть с начала нового бюджетного 1949/50 года, центральная разведка Вашингтона взяла на себя попечительство над нами. Но трудности сразу не исчезли. Потрясения, возникшие в столь тонком аппарате, быстро не устранишь.

Начальник штаба, связанный с ЦРУ, — назовем его М. (мне не хочется публиковать его фамилию) — оказался слишком прямолинейным человеком да еще с упрямым характером. Он, правда, понимал цели и задачи нашего сотрудничества, но потребовалось некоторое время, чтобы мы сработались и достигли полного взаимопонимания. Полковник М. приложил немало усилий, чтобы оказать организации необходимую помощь. Тем не менее наши финансовые и хозяйственные затруднения продолжались еще несколько месяцев. Но нет худа без добра. Мы решили реорганизовать службу, освободиться от ненужных людей, сократив аппарат. В результате удалось сэкономить средства, которые пошли на улучшение агентурной работы. Опытные сотрудники ЦРУ оказали нам немалую помощь в улучшении структуры организации.

В ходе начавшейся поздним летом 1949 года перестройки был вскрыт ряд взаимосвязанных проблем не только временного, но и долгосрочного характера. Во-первых, нужно было привести в соответствие сокращение бюджета со структурой организации не в ущерб ее деятельности и

не снижая разведывательный потенциал. Во-вторых, наша служба должна была приноровиться к методам работы ЦРУ. В-третьих, следовало начать подготовку к переговорам с первым федеральным правительством ФРГ, которое должно было приступить к своей работе в сентябре 1949 года. От них, этих переговоров, зависело будущее нашей организации: какое место займет она в государственной структуре новой Германии, если будет достигнуто согласие использовать ее в качестве базы для создания Федеральной разведывательной службы.

С согласия М. я до октября 1949 года занимался реорганизацией нашей службы. Мне удалось, наконец, создать очень нужный отдел планирования, который стал заниматься разработкой разумных и целесообразных разведывательных задач. Вместе с тем мне удалось сократить время прохождения агентурной информации, существенно улучшить курьерскую связь и сделать еще многое другое, чтобы придать организации, как говорят американцы, «более обтекаемые формы». Этот период был использован и для того, чтобы по возможности приблизить методы и порядок работы аппарата нашей службы к принятым в ЦРУ.

Руководство разведывательной службой — дело трудное. Возникающие проблемы приходится зачастую решать способами, отличными от используемых в других государственных учреждениях. Жизненно важная цель разведки — получение секретной информации, ее обработка и оценка. Каждое государство оказывается рано или поздно перед выбором: либо ограничить деятельность разведывательной службы обязательными для всех государственных управленческих структур законами и подзаконными актами, либо разработать для нее в порядке исключения особые законоположения и правительственные постановления. В первом случае будет достигнут стандартный уровень организации и управления всех государственных ведомств и учреждений без исключения, но зато уменьшится результативность работы секретных служб. Во втором — сохранится не толь-

ко столь необходимая для разведки свобода действий, но и значительно возрастет разведывательный потенциал.

Все крупные государства пошли по второму пути, что обеспечило возможность гибкого управления деятельностью разведслужб. В нашем сложном случае мы использовали методы и приемы абвера — я не буду описывать их детально, поскольку это может показаться скучным, — согласованные с имперской счетной палатой, которая контролировала финансовую деятельность разведки и контрразведки во время правления Гитлера. Тогда все секретные службы представляли палате подробные отчеты по расходам на содержание персонала, приобретение и обслуживание техники, хозяйственные дела, строительство и тому подобное, как это делали и прочие ведомства. Траты же на чисто разведывательную деятельность указывались общей суммой без расшифровки. Руководители всех спецслужб несли за них личную ответственность. Контроль за этими расходами осуществляли особые комиссии, назначавшиеся начальником службы. Такой порядок и был установлен позднее, когда нас передали правительству ФРГ. Только контролировала нас уже не имперская, а федеральная счетная палата.

* * *

14 апреля 1949 года военные губернаторы трех западных оккупационных зон направили в парламентский совет специальное послание, посвященное вопросам безопасности Западной Германии. Оно разрешало немецким властям создать учреждения по сбору сведений о деятельности, направленной против будущей Федеративной Республики. Но ему, этому учреждению, не разрешалось выполнять полицейские функции. Задержание и арест преступников и следственные действия в отношении их возлагались на уголовную полицию. Таким образом было положено начало ведомству по охране конституции, которое окончательно конституировалось спустя полгода, когда была провозглашена ФРГ. 12 сентября 1949 года федеральный канцлер док-

тор Аденауэр сформировал первое после войны немецкое правительство, и Германия вновь стала превращаться в суверенное государство.

В соответствии с договоренностями, достигнутыми нами с американскими друзьями в 1946 году, я начал налаживать контакты с немецким правительством. Правда, оно еще не было полностью независимым, но я считал себя обязанным регулярно информировать федерального канцлера. Ведь о нашей деятельности в нашем джентльменском соглашении было записано: дальнейшая судьба организации будет решена первым независимым немецким правительством. 14 августа 1949 года, сразу после выборов в бундестаг, я ориентировал о нашей деятельности одного из баварских министров, который, как я полагал, располагал надежными связями в создаваемом кабинете Аденауэра. Затем я укрепил свои контакты с баварским премьер-министром и его министром внутренних дел. 12 октября 1949 года меня принял Риттер фон Лекс, тогдашний министриаль-директор, позднее ставший заместителем федерального министра внутренних дел. Он свел меня с федеральным министром внутренних дел, ныне федеральным президентом доктором Хайнеманом. 17 октября 1949 года мною через Лекса и статс-секретаря Глобке была направлена докладная записка Аденауэру с предложениями о будущей немецкой службе внешней разведки. 14 ноября 1949 года я доложил вице-канцлеру Блюхеру, Хайнеману и тогдашнему министерскому советнику Бланкенхорну, возглавлявшему ведомство федерального канцлера, об «Организации Гелена». В ходе обмена мнениями, продолжавшегося около часа, мы рассмотрели историю ее создания, результаты деятельности за последнее время. Я сообщил свои принципиальные соображения о новой германской разведслужбе, которые вынашивал в конце войны. обстоятельный обмен мнениями оказался очень полезным, и я довольный возвратился в Пуллах.

Немецкое правительство начало проявлять к нам интерес. Однако М., по всей видимости следуя указаниям из Ва-

шингтона, запретил мне дальнейшие переговоры с немецкими инстанциями и заявил: какой в будущем станет организация, это решат только власти США. Действия американского офицера связи противоречили нашим прежним договоренностям. Поэтому я их молча проигнорировал и просто не стал выполнять.

В начале 1950 года обстановка улучшилась. Американская сторона больше не возражала против моих контактов с немецким правительством. Я был рад: наши друзья в Вашингтоне поняли, что таким связям нельзя препятствовать. Это будет во вред вашему общему делу. Тогда же состоялась первая официальная встреча с доктором Глобке, ставшим позднее статс-секретарем ведомства федерального канцлера. Мы быстро нашли с ним общий язык, так как он сразу понял важность моей организации.

Глобке согласился лично поддерживать со мной контакт и пообещал оказать помощь в получении технических средств. Вместе с тем он попросил меня поддержать советами, кадрами и делом создание ведомства по охране конституции (ФВОК). Обо всем этом мы подробно информировали статс-секретаря Риттера фон Лекса.

* * *

20 сентября 1950 года состоялась моя первая встреча с Конрадом Аденауэром. Понятно, что к ней я готовился особенно тщательно: ведь от нее зависела дальнейшая судьба нашей организации. Меня мучило беспокойство: как сложится разговор с пожилым человеком, умным и хитрым, которого за глаза все — и сторонники, и противники, и почитатели — называли старым лисом? Правда, я шел не с пустыми руками, а с разведывательной службой, которая, по существу, была первым немецким учреждением, начало которому было положено еще до создания англо-американской Бизонии. Мой расчет строился также и на том, что федеральный канцлер, возможно, проявит ко мне интерес, поскольку об-

щественное мнение возвело меня в ранг «легендарной личности», которой я, честно говоря, себя не чувствовал.

Глава правительства принял меня сердечно и радушно, что сразу же рассеяло все сомнения. Ему, взвалившему на себя бремя высочайшей ответственности уже не в молодом возрасте, не требовалось объяснять значение службы внешней разведки для нашего государства. Он, как и Глобке, обладал необыкновенной интуицией и глубочайшим пониманием проблем и трудностей моей организации. Аденауэр сразу же по достоинству оценил инструмент, который я ему предложил.

Я проинформировал Аденауэра о том, что собираюсь встретиться с председателем оппозиционной Социал-демократической партии Куртом Шумахером, чтобы и его попросить о поддержке. Внешняя разведка может действовать успешно лишь в том случае, если будет рассматриваться как внепартийная структура. Канцлер сразу согласился со мной.

Расстался я с Аденауэром, будучи твердо убежденным в том, что получу от него решительную поддержку. Этот великий немец был готов использовать все свое влияние и авторитет, чтобы как можно быстрее добиться высокой цели, к которой стремились и мы, — возродить нашу многострадальную родину.

Постепенно между канцлером и нами установились деловые и доверительные отношения. Однажды, когда я доложил ему о нарушении безопасности одним из сотрудников службы, он спросил:

— Скажите, господин генерал, можете ли вы вообще после этого кому-либо доверять?

На это я ему ответил:

— Без доверия, господин федеральный канцлер, разведывательная служба просто невозможна. Но мы не только доверяем, но и проверяем. Так что это не слепое, не бездумное доверие, а доверие осознанное.

Мои слова очень развеселили канцлера...

12 декабря 1950 года статс-секретарь Глобке сообщил мне, что федеральное правительство собирается взять к себе нашу службу, как только решатся политические (полный суверенитет) и управленческие (финансирование) вопросы. Главную трудность представляла вторая проблема. Правительство поначалу надеялось, что американцы, которые до сих пор использовали «Организацию Гелена» в своих целях, возьмут на себя и в дальнейшем частичное финансирование. Я же считал, что с момента перехода организации в ведение немецкого правительства вся ответственность, в том числе и финансовая, снимается с Вашингтона, дабы не возникали никакие сомнения в нашей лояльности. Такая постановка вопроса, правильность которой была признана немецкой стороной, была одной из главных причин, которые привели к затяжке передачи нашей организации под юрисдикцию Германии до 1956 года.

* * *

На эти события приходится первая фраза войны в Корее. Она началась с тяжелого поражения американцев и длилась до тех пор, пока замечательному стратегу генералу Макартуру не удалось, проведя классическую операцию, вырваться из почти безвыходного положения и восстановить равновесие.

Корейская война, как и берлинский кризис, привели к значительному повышению требований к разведке — и американской и нашей, немецкой, формально зависевшей еще от Вашингтона. И наша служба вполне удовлетворительно выдержала это испытание.

Хотя близкая перспектива стать Федеральной разведывательной службой потребовала провести ряд организационных перемен, чтобы привести все, вплоть до мелочей, в соответствие со сложившимися тогда в немецких ведомствах порядками, это не отразилось на результатах деятельности нашей службы.

После первой беседы с Аденауэром я сообщил через штаб связи американскому командованию, что буду впредь регулярно устно докладывать федеральному канцлеру и лидеру оппозиции о делах организации и результатах ее работы. Кроме того, уведомил американский штаб связи, что все материалы, касающиеся вопросов безопасности Федеративной Республики Германии, мы будем направлять ведомству по охране конституции.

После того как западные союзники подписали в мае 1952 года договор с Германией, состоялись новые встречи с ответственными представителями немецкого правительства. Был определен срок передачи нашей службы под юрисдикцию ФРГ—1 апреля 1953 года.

СМЕРТЬ СТАЛИНА И СОБЫТИЯ В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ

О широко задуманных планах и неоднократных попытках восточных разведывательных служб бросить тень на нашу организацию, очернить и скомпрометировать еще до передачи ФРГ, то есть, по существу, ликвидировать ее, написано много. После 1945 года, как никогда ранее, разведывательная обстановка на германской территории постоянно обострялась. В начале пятидесятых годов невралгическим пунктом стал Берлин, что послужило поводом к публикации многочисленных захватывающих, даже сенсационных статей и очерков. Короче говоря, этот отрезок времени изобиловал разведывательными операциями с обеих сторон — Востока и Запада, — ударами и ответными ударами, так что любой, даже мало информированный в шпионских делах автор мог почерпнуть достаточно сведений, чтобы красочно изобразить полную драматизма тайную войну.

В годы становления нашей организации благодаря тщательной маскировке и конспирации удалось сохранить в тайне свою деятельность. Общественность и средства массовой информации о нас ничего не знали. Те немногие ру-

ководители демократических партий в Федеративной Республике, которых я проинформировал о нашей службе, хранили молчание. Разведки восточноевропейских государств вначале воздерживались от каких-либо высказываний в наш адрес, чтобы, с одной стороны, спокойно собрать о нас более подробные сведения, а с другой — выждать подходящий момент для начала массированных атак против «Организации Гелена».

Тактика спецслужб советского блока в отношении одной из разведывательных структур противника, превратившейся за короткий срок в вызывающую уважение организацию, диктовалась долгосрочными планами Москвы, разработанными с учетом политической обстановки. Последующее развитие событий до мельчайших подробностей подтвердило этот вывод.

Поскольку наши противники на Востоке хранили молчание, один из западных журналистов воспользовался моментом, чтобы рассказать об организации мировой общественности. 17 марта 1952 года известный английский журналист Сефтон Делмер опубликовал в «Дейли экспресс» статью под заголовком «Гитлеровский генерал шпионит ныне за доллары», которая вызвала поток откликов. Делмер был хорошо знаком с обстановкой в Германии. Его отец, профессор Хобарт Делмер, преподавал английский язык в Берлинском университете, а сам Сефтон работал корреспондентом «Дейли экспресс» в Берлине с 1928-го по 1933 год. Был военным корреспондентом во время гражданской войны в Испании, затем в Польше и во Франции. В конце Второй мировой войны служил в редакции подчинявшегося английской разведке «Солдатского радиоцентра Кале», который вел подрывную пропаганду среди немецких военнослужащих и населения гитлеровской Германии. Все еще находясь под влиянием антинемецких настроений, Делмер, по-видимому, не учел, что наша страна после окончания войны прилагала все усилия, чтобы стать достойным партнером и союзником своих бывших противников — трех западных держав — в деле борьбы

против коммунизма. Выступив против нашей организации, Делмер тем самым нанес удар по одному из немногих общегерманских учреждений, которое еще до подписания договоров в 1952 году действовало в общих интересах Запада в частности и свободного мира — в целом.

Он не мог не знать об этом, но почему-то изобразил нашу службу как некую опасность для будущей Европы, подав, сам того не сознавая, идею, которая была подхвачена средствами массовой информации как на Востоке, так и на Западе. Делмер утверждал, что руководимая мною организация проникла к тому времени (1952 год) во все правительственные учреждения Федеративной Республики, а я будто бы пытаюсь даже влиять на политику немецкого правительства. Кроме того, по его мнению, руководство службы специально принимало на работу бывших нацистов и эсэсовцев, чтобы укрыть их от судебного преследования.

* * *

Хотя бездоказательные нападки Делмера на организацию не были приняты всерьез хорошо информированными и достаточно компетентными учреждениями на Западе, его статья получила широкий отклик в немецкой и зарубежной печати. «Разоблачения» английского журналиста, не только лживые, но и злостные, превратились в своеобразный футбольный мяч, который перепасовывали друг другу падкие на сенсации западные репортеры. Они старались реабилитировать себя в глазах читающей публики, поскольку им самим не удалось разнюхать о существовании нашей организации.

Бездумное и некритичное принятие клеветнических утверждений Делмера некоторыми печатными органами побудило меня завязать первые контакты с ведущими журналистами различных политических направлений. Первые беседы помогли пишущей братии понять суть дела. В то же время они положили начало разносторонним усилиям «Организации Гелена», а позднее и Федеральной разведыва-

тельной службы совместно с представителями печати и других средств массовой информации найти приемлемые и цивилизованные формы сотрудничества. Я еще не раз вернусь к нашей работе с прессой, хотя бы потому, что нашей службе в этой области удалось добиться положительных результатов. Нам завидовали и старались помешать, превратно истолковывая нашу деятельность.

Что касается Делмера, то объективно его статья была направлена против Федеративной Республики и ее будущей службы внешней разведки, возникшей и укрепившейся под эгидой США, хотя, быть может, сам автор об этом и не думал. Но так или иначе его статья на деле сыграла на руку нашим противникам на Востоке.

Мировая общественность теперь знала о существовании нашей организации: строгая секретность была нарушена. Однако это не помешало подготовке к передаче ее под юрисдикцию федерального правительства — дело шло полным ходом. Ускорению процесса помогла интеграция Федеративной республики с Западом, конкретно — заключение договора с Германией и принятие соглашения о создании Европейского оборонительного сообщества в мае 1952 года. В результате этого шага, закрепившего переход ФРГ в лагерь западных держав, были сорваны попытки Советов распространить коммунистическое влияние за пределы советской оккупационной зоны — на западную часть Германии. Установленная в Тегеране и Ялте демаркационная линия, проходившая через середину Германии, превратилась в укрепленную полосу обороны западного мира.

Подписание договоров с западными державами означало, что провалилась политика Москвы по отношению к Германии, предусматривавшая включение всей ее территории в сферу советского влияния. Тогда Москва ускорила установление своего тотального режима в советской оккупационной зоне, которая отныне рассматривалась ею как одно из важнейших звеньев системы господства Советов в Европе. Даже после того, как зона превратилась в Германскую Демократическую Республику и по своему экономическому

потенциалу вышла в коммунистическом блоке на второе место после Советского Союза, сохранилось не только ее значение как военного плацдарма, но и опорного пункта для разведывательной деятельности.

* * *

По логике вещей смерть Сталина 5 марта 1953 года должна была изменить положение. Внезапный уход с исторической арены диктатора, которого позже прокляли даже в Москве, пробудил во всем мире надежду на смягчение советской политики принуждения и угнетения, которая проводилась в России и ее сателлитах.

В советской оккупационной зоне Германии в первые месяцы после смерти Сталина стали заметны некоторые признаки политической «либерализации». Но жесткие требования в экономической сфере не смягчились. Скорее наоборот. Когда в конце мая 1953 года в очередной раз повысили нормы выработки, рабочие вышли из себя. Их возмущение слилось с требованиями других слоев общества предоставить большие личные свободы. 16 июня 1953 года строительные рабочие в Восточном Берлине вышли на первую демонстрацию против правительства «первого в истории немецкого рабочего и крестьянского государства». Утром 17 июня протесты переросли во всеобщую забастовку, которая быстро превратилась в широкое массовое движение за ликвидацию режима Ульбрихта. Началось стихийное народное восстание, к которому присоединилась большая часть населения. Через несколько часов судьба властителей казалась предрешенной. Тогда в дело вмешались Советы и силой оружия подавили народное восстание в Средней Германии. Советские танки, спасая Ульбрихта, смяли безоружных людей. Население зоны, сделав несколько глотков свободы, вернулось к серой летаргии коммунистических буден, скорбя о понесенных жертвах. Восстание, не имевшее руководства и поддержки извне, потерпело поражение. В день 17 июня разбились надежды на воссоединение Германии.

ВОСТОЧНЫЕ СПЕЦСЛУЖБЫ ПРОТИВ «ОРГАНИЗАЦИИ ГЕЛЕНА»

Советы пытались обвинить нашу организацию в том, что она подготовила беспорядки в ГДР 17 июня. Но это неправда — мы этим не занимались. Русские воспользовались событиями в Берлине, чтобы развернуть против нас широкомасштабные клеветнические акции. Еще за несколько месяцев до 17 июня Министерство иностранных дел ГДР обвинило все разведывательные службы западных союзников в том, что их агентура создает напряженность в Берлине. После июньских событий нападки сконцентрировались на нашей организации. Они усилились в июле 1953 года, когда к руководству восточноземельной службой государственной безопасности пришел Эрнст Вольвебер.

Пользовавшийся дурной славой в международном масштабе, профессиональный революционер и специалист по саботажу и диверсиям, Вольвебер до своего горького конца был, без сомнения, одной из самых одиозных фигур, окружавших главу тоталитарного режима в Средней Германии Вальтера Ульбрихта. Ни предшественник Вольвебера Вильгельм Цайссер, снискавший себе известность участием в боях на стороне республиканской Испании, ни его, Вольвебера, преемник Эрих Мильке не смогли оспорить этой репутации. По сравнению с ним генерал Мильке, похваляющийся тем, что во времена Веймарской республики собственноручно расстрелял на берлинской площади Бюловплац офицеров полиции Анлауфа и Ленка, выглядит едва ли не невинным младенцем.

Когда Вольвебер возглавил ведомство безопасности, Ульбрихт и московские советники поставили перед ним главную задачу: скомпрометировать и развалить нашу службу, не допустить ее перехода под юрисдикцию Федеративной Республики.

Вильгельм Цайссер уже свернул на этом свою шею, став жертвой резкой внутрипартийной критики за отсутствие ус-

пехов в борьбе против службы Гелена. Поэтому Вольвебер прекрасно знал, что его ожидает. В первые же дни он развил бурную деятельность, отменив слишком «деликатные» уставы своего предшественника. Проведя несколько быстрых операций, Вольвебер рассчитывал захватить кадровых сотрудников и агентов нашей организации, действовавших в советской зоне, и, используя попавшие в его руки материалы и вещественные доказательства, организовать шумную кампанию в печати.

Шеф службы безопасности Средней Германии долго ждал своего звездного часа. Казалось, милостью Москвы этот час наступил, и он не собирался упустить возможность стать знаменитым охотником за «геленовскими шпионами». Впрочем, мы уже давно знали, кто такой Вольвебер. В Первую мировую войну он служил на кайзеровском флоте, принял участие в бунтах 1917—1918 годов в Киле и получил репутацию революционера. В 1920 году бежал в Советскую Россию и исчез из поля зрения... Некоторое время русская разведка в полной тайне готовила его к диверсионным операциям на морских линиях. Затем он вышел из подполья и несколько лет занимал выборную должность секретаря «Международного союза моряков и портовых рабочих», прикрываясь которой организовал в тридцатых годах несколько крупных диверсий. На его совести гибель десятков больших судов — испанских, немецких, итальянских. Многие таинственные взрывы в портах, прежде всего в Европе, также записаны на его счет. В 1940 году Вольвебер был арестован в Швеции и приговорен к трем годам лишения свободы. Но отсиживать срок ему не пришлось. Советское правительство выступило с ходатайством и вызволило своего опытного диверсанта из тюрьмы. В 1946 году Вольвебер вновь всплыл на поверхность — на этот раз в качестве статс-секретаря по вопросам судоходства в оккупированной Советами части Германии.

Новый шеф службы государственной безопасности советской зоны начал активно действовать против нашей ор-

ганизации уже через два месяца после вступления в должность. В конце сентября 1953 года была проведена хорошо скоординированная молниеносная операция на всей территории ГДР против, как писали газеты советского блока, «западных шпионских, террористических и диверсионных резидентур». Чуть ли не каждый день производились аресты, которые, в отличие от прежней практики, непомерно раздувались средствами массовой информации советской зоны. До конца октября продолжалась публикация сообщений об успешных контрразведывательных операциях службы государственной безопасности ГДР. Под стражу было заключено якобы 98 сотрудников и агентов различных западных разведывательных служб. С начала же ноября 1953 года ведомство Вольвебера вылавливало лишь «геленовских шпионов». Шеф безопасности советской зоны назвал «противником номер один» нашу организацию. Вольно или невольно он был вынужден признать, что геленовская разведка — это четко действующий, хорошо организованный и добившийся несомненных успехов аппарат.

* * *

9 ноября 1953 года пропагандистская кампания Вольвебера против нашей организации достигла апогея. На пресс-конференции в Восточном Берлине представили некоего Ганса Иоахима Гайера, работавшего на нас в советской зоне с 1952 года. В действительности Гайер в начале 1953 года по соображениям безопасности был освобожден от своей должности в организации и переведен в качестве рядового сотрудника в Западный Берлин в одно из частных бюро, прикрывавшее пункт связи. Назначение сделали вопреки моему запрету на дальнейшее использование в нашей службе сотрудников, возвратившихся из советской зоны. Только после его бегства в Восточный Берлин, которое организовало ведомство Вольвебера в конце октября, установили, что Гайер еще до назначения в Западный Бер-

лин, а может быть, и до начала работы на организацию был завербован противником, когда еще находился в советской зоне. На пресс-конференции, разыгранной как хорошо отрепетированное театральное действие, Гайер, лживо представившийся «заместителем руководителя филиала геленовской организации в Западном Берлине», зачитал поданное ему заявление. Из него следовало, что он, повинувшись голосу совести, переменял фронты и передал своим восточноберлинским хозяевам оригинальные документы и личные дела агентов, с которыми был связан.

За предательством Гайера последовала волна новых арестов в советской зоне. Позднее было доказано, что большая часть арестованных в ходе этой операции не имела ничего общего ни с нашей организацией, ни с какой-либо другой западной разведывательной службой. Они просто не пользовались доверием восточногерманских властей, и этого было достаточно, чтобы заключить их под стражу в ходе проводившейся репрессивной акции. Опубликованная фантастическая цифра — несколько сот арестованных шпионов — позволяла любому здравомыслящему человеку сделать вывод, что это — лживый пропагандистский маневр. А для специалиста эти данные свидетельствовали о том, что дело здесь идет о грубой фальсификации, так как Гайер в действительности мог знать лишь небольшую часть из непомерно раздутой «армии агентов». Находясь в небольшом бюро — их у нас было несколько десятков, — он был связан по работе не более чем с 8—10 сотрудниками и агентами нашей службы на территории советской зоны. В результате немедленно принятых мер организации, говоря военным языком, удалось локализовать прорыв противника в указанном секторе. Служба сохранила в советской зоне свою агентурную сеть и продолжала активно действовать, ибо фактические потери составили всего несколько человек.

Вряд ли нужно много распространяться о том, что я и мои ближайшие сотрудники приняли энергичные меры, чтобы в дальнейшем обезопасить себя от таких предательств, какое

совершил Гайер. Скажу лишь о том, что мне пришлось ужесточить требования, чтобы в случае провалов, неизбежных при большом числе задействованных сотрудников и агентов, исключить распространение их последствий на другие подразделения. Наряду с этим были спешно проведены профилактические мероприятия, чтобы оперативный персонал нашей службы не пострадал от акций ведомства Вольвебера.

* * *

Несмотря на провалы — они, повторяю, неизбежны, — наша деятельность по сбору разведывательной информации значительно усилилась. Вот тогда-то Вольвебер нанес нам второй удар. В ночь с 13-го на 14 ноября 1953 года руководитель еще одного оперативного подразделения, занимавшегося налаживанием связи между агентурой и нашей штаб-квартирой, майор в отставке Вернер Хаазе подвергся нападению группы сотрудников госбезопасности ГДР. Его скрутили на территории Западного Берлина недалеко от секторальной границы и насильственно увезли в восточную часть города. Однако в отличие от предателя Гайера, слабовольного человека, который сразу пошел на сотрудничество с противником, Хаазе держался стойко. А ему было что рассказать. Незадолго до похищения он получил задание обследовать водный канал, по которому шла граница между западным и восточным сектором города, чтобы определить возможность прокладки по его дну телефонного кабеля. Если бы это удалось, то мы установили бы надежную, а главное — оперативную связь с нашими агентами в Восточном Берлине. Необходимость в ставшей очень опасной курьерской связи тогда практически отпала бы.

Хаазе горячо взялся за дело и провел подготовительную работу. Мы специально предупредили его: нельзя проводить рискованную операцию по прокладке кабеля без нашего разрешения. Но майор так увлекся, что решил пренебречь нашим указанием, хотя знал о предательстве Гайера и

о дополнительно принятых мерах безопасности после провала. Под покровом темноты Хаазе решился на свой собственный страх и риск проложить кабель и без нашего разрешения. Майор был уверен в том, что дело у него выгорит, а там — победителей не судят. Так вот он перебросил телефонный кабель через канал с помощью игрушечного кораблика. Ему помогал наш агент из Восточного Берлина, который, как это выяснилось позднее, некоторое время тому назад явился с повинной в ведомство Вольвебера и, получив амнистию, был перевербован. Он-то и выдал нашего не в меру честолобивого сотрудника.

На показательном судебном процессе 21 декабря 1953 года Хаазе приговорили к пожизненному заключению. На следствии и в суде его вынудили дать кое-какие признательные показания. Однако он ухитрился сформулировать их так, что противник по многим эпизодам был введен в заблуждение. После больших усилий нам удалось обменять Хаазе в начале 1957 года на провалившегося в ФРГ агента противника.

* * *

В конце ноября 1953 года восточногерманская печать и радиостанция «Дойчландзендер» опубликовали «протокол допроса» якобы недавно арестованного «геленовского агента» Вольфганга Хеэра. Он действительно работал на организацию в Западном Берлине, но исчез при таинственных обстоятельствах еще в феврале 1953 года. Мы считали, что его похитили сотрудники восточнозональной службы госбезопасности. По этой версии, кто-то из контактов Хеэра пригласил его в один из солидных западноберлинских ресторанов, подсыпал в подходящий момент изрядную дозу снотворного в его бокал, а затем увез «подвыпившего» в бессознательном состоянии. Эту версию нам подбросили, чтобы ввести в заблуждение. И она выглядела вполне правдоподобной: во многих случаях наши противники действовали именно та-

ким образом. Например, советской секретной службе при содействии ведомства Вольвебера в апреле 1954 года удалось вывезти из Западного Берлина завернутого в ковер одного из руководителей русской эмигрантской организации НТС доктора Александра Трухновича.

Нам удалось в конце концов установить, что Хеэра никто не похищал. Его вызвали в Восточный Берлин настоящие хозяева из ведомства государственной безопасности и оставили там. Дело в том, что он был не только нашим агентом, но и секретным сотрудником Вольвебера и служил больше последнему, чем нам. Случай не такой уж редкий в разведке. Восточноберлинские хозяева посчитали, что над их агентом-двойником нависла угроза разоблачения. Вот они и вывели его из игры. Вместе с тем наши противники решили выжать из Хеэра все, что можно. Так родилась задумка использовать агента-двойника в качестве «главного свидетеля» против нашей службы. Девять месяцев Хеэр выступал с «разоблачениями», но они вызвали недоверие не только в правящих кругах ФРГ и стран Запада, но и у общественности свободного мира. Почему? Да потому, что показания мнимого перебежчика были состряпаны грубо и неправдоподобно. Помощники Вольвебера допустили много просчетов.

Так, Хеэр обвинил нашу организацию в том, что она будто бы занимается разведывательной деятельностью против Франции, ведет наблюдение за крупными французскими политиками, военными, деловыми людьми и имеет разветвленную сеть в Сааре. Столь явная чушь бросила тень недоверия на другие свидетельства двойного агента.

Вольвебер уговорил своих польских коллег провести в Штеттине (в Польше его называют «Щецин») показательный судебный процесс по делу трех агентов нашей организации, арестованных за Одером. Схватили их уже давно, но процесс начался только в декабре 1953 года, так как Вольвебер хотел приурочить его к своим акциям против службы Гелена.

На суде нам было предъявлено обвинение в расширении «преступной деятельности» в странах народной демо-

кратии. Более того, нам инкриминировали проведение диверсий, прежде всего в морских портах. На самом же деле наши провалившиеся агенты занимались только сбором разведывательной информации и к диверсионным операциям никакого отношения не имели.

* * *

Вольвеберу и его подручным становилось все труднее организовывать акции против нас. В конце ноября 1953 года ему стало ясно, что кампания по компрометации и развалу «Организации Гелена» стала давать сбои. Тогда он решил на необычный шаг: назначил премию в размере одного миллиона марок ГДР тому, кто представит меня живым или мертвым в любое учреждение его службы. Это решение можно было однозначно расценить как жест отчаяния. Добавлю, что за головы других руководителей организации также посулили немалые денежные суммы. Но из этого ничего не получилось.

Глубокий анализ полученной нами информации о деятельности ведомства Вольвебера позволил нам сделать вывод: все акции против нас планировались и совершались для того, чтобы помочь Советам сорвать запланированную на январь 1954 года конференцию министров иностранных дел четырех держав — США, Англии, Франции и СССР — в Берлине.

В декабре 1953 года в печати и по радио прошли публикации о структуре службы Гелена, личном составе и операциях, что само по себе было не совсем обычным явлением и могло объясняться только политическими целями, которые преследовали советские акции. Дело в том, что Вольвебер, распорядившись о публикации крупномасштабных «разоблачительных» материалов, нарушил один из неписаных законов любой разведывательной службы — сохранять в тайне данные, полученные о других разведорганизациях, чтобы не побудить противника применять меры к изменению

структуры его разведки и созданию других прикрытий для маскировки разведывательного персонала.

11 декабря 1953 года зональная радиостанция «Дойчландзендер» обвинила в своей передаче федерального канцлера доктора Аденауэра в подготовке к срыву Берлинской конференции министров внутренних дел. Одновременно Советы предприняли шаги, чтобы изобразить западные разведывательные службы как подрывные организации, угрожающие миру.

Как раз в разгар этой разведывательно-пропагандистской кампании нашей службе удалось добиться значительного успеха. Наша оперативная группа добыла в советском посольстве в Восточном Берлине оригинал изданной на русском языке «Белой книги». В хитроумно сработанной фальшивке содержался длинный перечень обвинений, выдвигавшихся против западных разведслужб. Ее должны были положить на стол переговоров четырех министров иностранных дел (Молотова, Даллеса, Идена и Бидо), заверив, что это — сборник проверенной доверительной информации. Главный выпад, как и следовало ожидать, был направлен против нашей организации. Она изображалась сомнительным объединением бывших сотрудников абвера и нацистской службы безопасности, весьма опасным для дела мира и демократии. Фальшивка, по замыслу ее авторов, должна была скомпрометировать нас в глазах западных участников конференции. Вновь нашей организации приписывалась проводимая в масштабе всей Европы шпионская, диверсионная и иная подрывная деятельность, которой, мол, давно пора положить конец. Наши противники в клеветническом запале упустили, что противоречат сами себе. Ведь Вольвебер громогласно объявил о том, что «Организация Гелена» разгромлена. А в «Белой книге» утверждалось, что мы не только существуем, но и активно действуем.

После всестороннего обсуждения всей этой истории со своими ближайшими помощниками — времени оставалось мало, и нам пришлось заседать даже в рождественские

дни — я принял решение составить свою «Белую книгу» и представить ее министрам иностранных дел как материал для служебного пользования.

Короче говоря, перед Рождеством и во время праздника в Пуллахе шла лихорадочная работа. Страница за страницей советский опус переводился на немецкий язык и тут же анализировался. Вскоре была готова наша альтернативная «Белая книга» о подрывной деятельности Советов и их сателлитов в Федеративной Республике. В ее первой части рассматривались политико-организационные меры (пропаганда и инфильтрация), проиллюстрированные отдельными примерами. Во второй — приводились данные об операциях восточных разведслужб на территории ФРГ. Если в советской «Белой книге» в качестве опорного пункта разведывательной и иной подрывной деятельности Запада фигурировал Западный Берлин, то в подготовленном нами материале приводились доказательства, что Советы используют Восточный Берлин как плацдарм для развертывания таких же операций против Федеративной Республики. Особое внимание мы заострили на вскрытии методов и средств, применявшихся Москвой и Панковым, преследовавших цель создания массового прокоммунистического движения в Федеративной Республике. Приведенные данные позволяли создать всю картину политической активности и разведывательной деятельности Советов, умело скоординированных противником.

Когда 25 января 1954 года в Берлине начала работу конференция четырех, Советам стало известно о том, что мы подготовили свою «Белую книгу». Они решили воздержаться от передачи участникам конференции своих «доверительных материалов». Взвесив все, мы поступили таким же образом: наша подборка осталась лежать в сейфе. Дело закончилось, как говорится, нулевой ничьей.

Берлинская конференция министров иностранных дел закончила свою работу 18 февраля. Результаты ее разочаровали всех немцев: представители четырех великих держав нисколько не продвинулись вперед в решении немецкого вопроса.

Вольвебер сопровождал свои первоначальные успехи в борьбе с организацией шумной пропагандой. Наши же удачные операции — их было не только не меньше, но значительно больше, чем у противника, — стали достоянием общественности несколько позже, да и не во всех деталях. Впрочем, мы сами так хотели: конспирация прежде всего! Но с некоторых наших акций был снят гриф «совершенно секретно». Они были связаны с промахами и неудачами, а также провалами Вольвебера и его агентов. Служба государственной безопасности ГДР получила несколько тяжелых ударов, что привело к падению всесильного шефа шпионского ведомства советской зоны.

Вольвебер пережил особенно тяжелый удар, когда в конце 1953 года внезапно исчез его ближайший сотрудник — не буду упоминать его имя и фамилию, а назову просто ВТ. Когда шеф госбезопасности узнал, что его, пожалуй, самый верный сотрудник, заранее подготовившись, вместе с семьей удрал в Западный Берлин, его чуть было не хватил удар. Негодованию Вольвебера не было границ.

Эта операция, получившая кодовое название «Брут», несомненно, одна из самых интересных в истории нашей организации. Нам удалось склонить на свою сторону ответственного сотрудника службы безопасности из ближайшего окружения Вольвебера и получать от него довольно продолжительное время ценную информацию.

Шеф службы безопасности поддерживал с ВТ дружеские отношения еще с тех пор, когда в 1946 году был назначен статс-секретарем по вопросам судоходства в правительстве советской зоны. С течением времени он все больше приближал к себе высококвалифицированного эксперта по транспортным проблемам, осыпая его знаками своего внимания. За несколько месяцев до бегства ВТ Вольвебер направил своему любимцу официальное письмо, в котором

благодарил за отличную работу в центральной транспортной комиссии.

Мы же длительное время получали от ВТ подробные сообщения о состоянии дел на транспорте в ГДР и данные о секретной деятельности ее шефа. Наш ценный агент давно ненавидел Вольвебера за его грязные интриги. Он считал, что тоталитарный коммунистический режим в советской зоне — главное препятствие на пути к объединению Германии, и был твердо убежден в том, что, передавая секретную информацию нам, служит своему народу и способствует быстрейшему краху режима Ульбрихта. ВТ активизировал свою деятельность после подавления народного восстания 17 июня — факт, который позволяет объективно судить о его политических взглядах.

К сожалению, нам пришлось свертывать операцию «Брут»: возникло опасение, что служба безопасности стала проявлять подозрительность в отношении ВТ.

* * *

К числу ценных информаторов нашей службы в эти годы принадлежало и такое высокопоставленное лицо, как бывший заместитель премьер-министра ГДР профессор Герман Кастнер. Он был выдвинут на высокий государственный пост как один из основателей и председатель Либерально-демократической партии Германии.

Кастнер предоставил себя сначала в распоряжение американцев, а потом стал сотрудничать с нашей организацией. Это случилось, когда после неоднократных личных стычек с Ульбрихтом и другими высшими функционерами правящей Социалистической единой партии Германии он понял несбыточность своих политических амбиций. Его не смогли удерживать в высших эшелонах власти даже прочные связи с руководителями советской военной администрации. Короче говоря, все это побудило профессора стать на сторону Запада.

Дело Кастнера я доложил федеральному канцлеру доктору Аденауэру. Он заинтересовался моими предложениями и согласился рассматривать вице-преьера ГДР как видного политического деятеля, а не рядового беженца из советской зоны. После этого супружескую чету Кастнер мы благополучно перебросили в Западный Берлин, хотя подготовка и проведение такой операции доставили нам немало хлопот.

Появление Германа Кастнера в ФРГ стало сенсацией номер один. Средства массовой информации буквально набросились на него. Однако вскоре отношение печати к нему приняло двойственный характер. Часть печатных органов рассматривала переход Кастнера на Запад как тяжелый удар по Панкову. Другая же считала, что человек, долго занимавший высокий пост в советской зоне и пользовавшийся благами режима Ульбрихта, является одиозной фигурой и появление его в Федеративной Республике с политическими претензиями просто недопустимо. Последние нападки шли главным образом из стана свободных демократов, которые не забыли, что в свое время Кастнер отрицательно отнесся к их попыткам установить контакт с Либерально-демократической партией советской зоны. Критические голоса в ФРГ в отношении знатного зонального беглеца стали усиливаться. Тогда федеральное правительство решило отказаться от публичных выступлений Кастнера против Ульбрихта. Его знания и опыт были использованы в другой области.

...Вольно или невольно своеобразный баланс акций Вольвебера против нашей организации подвел центральный печатный орган компартии зоны «Нойес Дойчланд». 24 февраля 1954 года газета опубликовала явно огорчившую шефа госбезопасности статью под заголовком «Гелен переходит на службу Бонна». Вот что там говорилось:

«В Бонне недавно было заявлено, что шпионская «организация Гелена», работавшая до сих пор с ведома федерального правительства по заданиям американцев, теперь полностью переходит под юрисдикцию ФРГ в качестве одной из структур аденауэровского правительства...»

Тем самым наши противники признали: огромные усилия, предпринятые Вольвебером, чтобы не допустить перехода нашей организации на службу Федеративной Республики, ни к чему не привели. Клеветническая кампания против нас провалилась.

«ОРГАНИЗАЦИЯ ГЕЛЕНА» НА СЛУЖБЕ ФРГ

Отношение наших американских друзей к дальнейшей судьбе «Организации Гелена» к тому времени существенно изменилось. Они к тому времени поняли — прежде всего мистер М. и оба шефа ЦРУ — сначала генерал Уолтер Беделл Смит, а затем и Аллен Даллес: начала практически осуществляться моя концепция, которая была разработана в 1945 году и с которой согласился генерал Зайберт, заключивший со мной джентльменское соглашение. И они сделали правильный вывод: надо всячески поддерживать передачу организации немецкому федеральному правительству. Американские представители провели в течение последующих лет множество бесед с сотрудниками ведомства федерального канцлера, обсуждая технические вопросы этой передачи. Но этим дело не исчерпывалось. Американские друзья воздействовали и на союзников, чтобы те заняли положительную — разумеется, для нас — позицию в этом вопросе. Они исходили из того, что тесное сотрудничество нашей службы с ними и другими членами Атлантического союза будет продолжаться и в будущем. Более того, ЦРУ было убеждено в том, что положительная позиция Вашингтона будет оплачена будущим политическим партнерством Федеративной Республики с западными союзниками. Расчет оправдался: доверительное, товарищеское партнерство действительно принесло большую пользу всем участникам.

Впрочем, уже в самом начале пятидесятых годов обозначились преимущества правильно понимаемого разделения труда. Можно привести немало подтверждений того, что при продуманном сотрудничестве дружественных служб ве-

роятность успеха конечных результатов возрастает во много раз. Большое значение играет и постоянный обмен информацией. Он позволяет подтвердить имеющиеся данные, избежать неправильных выводов и усилить защиту против попыток противника внедрить своих агентов на важные объекты в странах Запада. По вполне понятным причинам я не могу подробно рассказать о развитии сотрудничества нашей организации с разведслужбами НАТО в период с 1953-го по 1956 год. Ограничусь только констатацией, что оно постоянно улучшалось. Во время всех крупнейших международных кризисов — суэцкого конфликта в 1953 году, событий в Берлине в 1958 году, карибского кризиса в 1962 году, а также некоторых инцидентов в Азии — наше сотрудничество, не считая небольших трений, случавшихся время от времени, вполне себя оправдало.

Тесный контакт с другими западными разведслужбами, на который несколько не повлияли события, связанные с переходом нашей организации под юрисдикцию ФРГ, имел для меня большое значение, так как федеральное правительство, еще не ставшее высшей инстанцией для нашей службы, нередко высказывало, начиная с 1952 года, свои пожелания в отношении интересовавшей его информации, которая не ограничивалась только Востоком, но порою охватывала весь мир. Я расценивал этот возраставший интерес как признание успешных результатов нашей предшествовавшей деятельности и старался, по мере возможности, дать своевременно исчерпывающий ответ. Само собой получилось так, что федеральное правительство во все большем объеме требовало от нас сведений самого различного характера, чтобы правильно оценить внешнеполитическую обстановку. Правда, вначале нам пришлось столкнуться с неприязненным отношением к нашей службе со стороны некоторых сотрудников министерства иностранных дел, которые во время войны конфликтовали с представителями абвера и Главного управления имперской безопасности и поэтому сейчас держались настороженно. Что же касается руководителей министерства, то они с самого начала

ценили нашу информацию и просили, в особенности после 1956 года, давать им обобщенные анализы по наиболее важным проблемам. Мы это делали в спокойной обстановке Пуллаха и, очевидно, неплохо, так как не раз получали от внешнеполитического ведомства положительные отзывы.

Некоторая предубежденность в отношении нашей организации, имевшаяся вначале, приводила иногда к инцидентам гротескного характера. И с этим нам приходилось считаться. Так, однажды на одном из приемов германский посол (не буду называть его фамилии и страны пребывания) попытался выяснить у своего иностранного коллеги, чем тот занимался до дипломатической карьеры. Причем, как ему казалось, тонко намекнул: он, мол, кое-что знает. Сведения о своем коллеге дипломатический представитель Бонна почерпнул из информации, полученной им из МИД ФРГ. На самом деле это мы строго доверительно информировали руководство нашего дипломатического ведомства. Но посол, естественно, об этом не был уведомлен.

Его же собеседник немедленно насторожился. Он до недавнего времени действительно занимался архисекретными делами, о чем знал лишь узкий круг лиц. Ему пришлось все категорически отрицать, но сделал он это так правдоподобно, что убедил нашего полномочного представителя: его-де наверняка спутали с другим человеком. Возвратившись с приема, тот отправил в Бонн депешу, в которой высказал возмущение, что ему присылают непроверенные сведения, из-за чего он попадает в неловкое положение, и просил больше не направлять ему подобных глупостей.

А в той стране, которую представлял его коллега, начался энергичный розыск утечки информации.

* * *

5 мая 1955 года Федеративная Республика была принята в НАТО в качестве равноправного члена и в тот же день обрела полный суверенитет. Тем самым были устранены все

формальные препятствия на пути передачи геленовской организации под юрисдикцию федерального правительства и превращения ее в Федеральную разведывательную службу. Проводившиеся до сих пор подготовительные мероприятия теперь были завершены в короткий срок. По причинам, которые до сегодняшнего дня надлежит держать в тайне, я не могу подробно рассказать, как это удалось сделать. Поэтому ограничусь рассмотрением лишь отдельных вопросов.

Окончательный переход организации на государственную службу мог быть осуществлен двумя путями. Для этого нужно было либо издать специальный закон, либо распоряжение федерального правительства в соответствии со статьей 86 конституции. Обе возможности рассматривались правительством, соответствующими комитетами бундестага и обговаривались со мною и моими ближайшими сотрудниками. Закон, конечно же, с самого начала упрочил бы положение будущей Федеральной разведывательной службы (ФРС) в управленческих сферах федерации, устранил бы возможные неясности и двусмысленные толкования. Но зато он значительно ограничил бы действия правительства, парламента, да и самой службы, ибо в этом случае необходимые в будущем изменения структуры, организации и методов работы ее потребовали бы законодательного оформления. Такой закон оказался бы лишь оболочкой без необходимого содержания. Да и времени для законотворческого процесса потребовалось бы немало, а его-то не было.

Федеральное правительство пошло по второму пути, заручившись полным согласием оппозиции, участие которой в решении данного вопроса было, по моему мнению, абсолютно необходимым. 21 февраля 1956 года было принято решение о создании разведывательной службы, которая должна была войти в состав ведомства федерального канцлера. По указанию федерального канцлера, переход организации на положение ФРС предписывалось начать в новом 1956/57 бюджетном году, то есть 1 апреля 1956 года.

Принятое решение о создании федеральной разведслужбы не исключало возможности внесения по этому вопросу законопроекта, когда в этом возникнет необходимость. К тому же оно обеспечило, что за весь период моего пребывания во главе службы организационно-кадровые проблемы и вопросы, касавшиеся приемов и методов работы, решались быстро. То же самое можно сказать и о контроле за деятельностью разведки.

Особую проблему представляло включение службы в уже существовавшую структуру федерации. Вхождение в состав ведомства федерального канцлера означало, что ФРС получила статус органа высшей инстанции, как, например, федеральное пресс-бюро. Подчинение же ее этому ведомству, так же как и организационное объединение с ним, было равносильно тому, что руководитель ведомства федерального канцлера становился бы прямым начальником разведслужбы и должен был нести полную ответственность не только за центральный аппарат, но и за филиалы, то есть периферийные подразделения, а главное — за их действия. Однако все государства мира стараются предоставить своим разведывательным службам — конечно же в рамках их задач — возможно более полную свободу действий. Причины очевидны: деятельность служб должна обязательно сохраняться в тайне; компетентный контроль за ними со стороны неспециалистов по меньшей мере иллюзорен; в ходе работы могут случаться проколы, которых нельзя избежать даже при соблюдении величайшей осторожности, а они приводят подчас к совершенно неожиданным и нежелательным инцидентам, усложняющим отношения с другими государствами.

Вспомним хотя бы случай с американским разведывательным самолетом «У-2», который в 1960 году был использован Хрущевым для торпедирования Парижской конференции. Президент Эйзенхауэр, взяв тогда на себя ответственность, выручил директора ЦРУ Аллена Даллеса. Поступок, свидетельствовавший о честном солдатском мышлении это-

го выдающегося человека, не отвечал традициям политиков. Поэтому решение президента вызвало резкую критику даже в близком его окружении. Английский и французский лидеры, как я полагаю, поступили бы в подобном случае не так, как это сделал тогдашний хозяин Белого дома.

Вообще же главы разведслужб и их сотрудники считают своим профессиональным долгом в случае неудач — от рядовых проколов до скандальных провалов — брать на себя личную ответственность, не рассчитывая на публичную поддержку своих действий со стороны своих государственных деятелей. Так уж повелось, что любое правительство может в таких случаях всегда отмежеваться от разведки, якобы «превысившей свои полномочия».

* * *

Соображения такого рода, собственно, и привели к решению о вхождении нашей службы в состав ведомства федерального канцлера. При этом лично я был подчинен главе этого ведомства, а тем самым и непосредственно — самому федеральному канцлеру. Одновременно нам предоставлялось право устанавливать контакты напрямую, без промежуточных инстанций, со всеми федеральными службами, а также земельными правительствами. Правда, нам необходимо было о наших шагах информировать руководство. Федеральный канцлер и его помощники понимали, что быстрая обработка и оценка полученных разведданных были бы невозможны, если бы мы оказались в положении обычной подчиненной организации. Кроме того, подчинение потянуло бы за собой значительное увеличение управленческого персонала ведомства федерального канцлера. При избранной организационной форме было вполне достаточно ввести должность референта для связи с функциями, схожими с обязанностями референтов других федеральных министерств, поддерживающих контакты со штаб-квартирой федерального канцлера.

Такой вариант специального подчинения предоставлял нашей службе возможность — как, впрочем, и разведслужбам в других странах — проводить за границей ни к чему не обязывающий зондаж и собирать информацию еще до активного вмешательства германского дипломатического ведомства. Таким путем, опираясь в определенных случаях на связи с дружескими разведслужбами, достигался явный выигрыш при решении внешнеполитических проблем, когда можно было предварительно прозондировать сложные ситуации, не ограничивая себя на этой стадии официальными рамками. Ведь во всем мире принято: использование разведывательной службы в таких целях ни к чему не обязывает и в любое время может отрицаться. В особенности это касается предварительного политического зондажа. Подобную попытку, не теряя престижа, можно в любое время прервать, когда появится необходимость. Канцлер Аденауэр использовал иногда такую возможность, оценивая ее по достоинству.

Прием персонала организации на федеральную службу проходил не гуртом, а строго индивидуально. Поскольку подготовка шла около двух лет, времени было достаточно, и оно использовалось для тщательной проверки сотрудников: специальная подготовка, соответствие требованиям безопасности, наличие вредных привычек и дурных черт характера. В то время немаловажную роль играла и их национал-социалистическое прошлое. Хотя после войны к нам не принимался ни один человек, не прошедший денацификацию, все же была необходимость проверки отдельных лиц, входивших некогда в наиболее одиозные структуры НСДАП. Такой контроль в последующие годы повторился не раз, в отношении в особенности немногих сотрудников, бывших членами СС.

По причинам, которые я не могу указать, наша организация по согласованию с американскими службами использовала несколько бывших эсэсовцев, ничем не отягощенных в политическом плане, для выполнения специальных заданий за рубежом. Но число их было незначительным. Часто пуб-

ликовавшиеся в прессе ГДР утверждения о наличии большого числа бывших эсэсовцев в составе организации, которые подхватывались некоторыми печатными органами на Востоке и даже на Западе, да и во всем мире, были выдумками. Эти случаи несколько раз детально рассматривались на заседаниях комиссии по вопросам обороны, занимавшейся проблемами ФРС. Она подтвердила, что здесь имели место примитивные инсинуации. И не более того...

1 апреля 1956 года начался планомерный переход «Организации Гелена» под юрисдикцию федерального правительства в качестве Федеральной разведывательной службы. Была выполнена задача, которую я поставил перед собой и своими сотрудниками накануне краха империи в 1945 году, — создать ядро будущей немецкой службы внешней разведки.

Часть 3

НЕМЕЦКАЯ РАЗВЕДКА ПРОТИВ ЭКСПАНСИИ СССР

РАСШИРЕНИЕ ЗАДАЧ ОРГАНИЗАЦИИ

Двадцать шесть лет я занимал руководящую должность в немецкой разведке, из которых двадцать два был руководителем «Организации Гелена» и начальником образованной на ее основе Федеральной разведывательной службы. Двенадцать лет нахождения во главе германской внешней разведки были наполнены событиями глобального политического характера, как, впрочем, и все предшествовавшие. Мне было довольно трудно отобрать наиболее значимое из массы впечатлений, взлетов и падений тех бурных лет, сопровождавшихся не только одними успехами, но и провалами.

При соблюдении необходимых ограничений я решил рассказать о событиях, которые представляются мне наиболее важными, в хронологическом порядке с указанием задач, стоявших тогда перед службой, и достигнутых результатах. Знаю, что мое подчас чересчур осторожное изложение событий не совсем удовлетворит дотошного читателя. Однако я полагаю, что найду понимание тех, кто заинтересован в эффективной внешней разведке страны.

Излагаемые мною политические и военные события проецируются на узловые моменты международного политического процесса. Поэтому, само собой разумеется, почти все они находятся во взаимосвязи с противоречиями и конфликтами между свободным и коммунистическим миром. К тому же большинство из них произошло в тех районах, которые я

называю постоянными зонами кризисов. В первую очередь это Центральная Европа с разделенной Германией и островным положением Берлина. Затем — Восточная Европа, новейшая история которой характеризуется отчаянной борьбой народов за свободу и насильственными мерами Советов по сохранению там своего господства. Далее следует Ближний Восток, державший весь мир в скрытом напряжении в 1956 году и начале семидесятых. Следующий район — Юго-Восточная Азия и Дальний Восток. После корейской войны была еще и война во Вьетнаме, постоянно усиливались позиции Китайской Народной Республики. И наконец — Центральная Америка, где коммунизму удалось создать базу для проникновения в Латинскую Америку на Кубе, которую в ходе дальнейшего осложнения политической обстановки Советы превратили в военный плацдарм против США. В последнее время новый очаг кризиса образовался в Южной Америке: там опорным пунктом Москвы стала Чили.

Если до перехода под юрисдикцию правительства Федеративной Республики мои задачи сводились в основном к наблюдению за коммунистическими странами, разведке их потенциала, а также важнейших направлений политического и военно-технического развития, то после 1956 года они стали охватывать и вышеназванные кризисные районы.

Значительное расширение задач происходило поэтапно до 1960 года. Особое значение при этом я придавал установлению связей в отдельных регионах для создания возможностей получения интересующей нас информации независимо от западных союзников. Для разведки районов, находящихся на значительном удалении, требовались финансовые расходы, значительно превышавшие наши возможности. Поэтому все большее значение мы стали придавать скрупулезному анализу небольшой имеющейся информации по принципу составления общей мозаичной картины из различных сведений. Стоит упомянуть и о том, что для выполнения заданий во всех районах я пытался, по мере возможности, внедрять современные технические средства, применение которых стало, можно сказать, моим хобби.

Для внесения ясности в понимание нашей разведывательной деятельности мне хотелось бы подчеркнуть еще некоторые моменты. В печати неоднократно утверждалось, что мы будто бы вели активную политическую разведку внутри страны. Но официальная задача ФРС состоит в проведении внешней разведки. И не стоит считать меня настолько глупым, чтобы я, ведя внутривнутриполитическую разведку, являющуюся, по сути дела, задачей ведомств по охране конституции, стал бы рисковать самой службой. Конечно, еще до создания немецкого правительства и ведомств по охране конституции мы вели работу против коммунистической партии, но она была прекращена, как только стали действовать эти структуры. Следует отметить, что все наши донесения проходили предварительную проверку в специальном бюро, созданном при центральном аппарате. Оно имело прямое указание следить за объективностью. Бюро, по моему мнению, работало отлично; убежден, что за время моего руководства службой ни одно донесение по внутривнутриполитическим проблемам в Бонн не попало, ибо таких материалов у нас в природе не было.

Мне хорошо известно, что подобные утверждения вновь и вновь будировали наши противники на Востоке, которые рассчитывали таким образом нанести службе значительный ущерб. Для этого ими использовались всевозможные каналы, по которым различным партиям и печатным органам подсовывались фальшивки. К сожалению, им нередко верили.

Никакого наблюдения не вели мы и за политическими деятелями, как это совсем недавно утверждалось...

Только в результате тесного взаимодействия всех подразделений нашей службы можно выполнить сложнейшие задачи, стоящие перед ней. Поэтому мне хотелось бы, чтобы изложенные в этой главе события дали хотя бы общее представление читателю о размахе и разносторонности деятельности Федеральной разведывательной службы за время моего руководства ею.

Эта деятельность началась с эпизодов, которые наводят на размышления и призывают к бдительности.

СОБЫТИЯ В ВЕНГРИИ И ДРУГИЕ СОВЕТСКИЕ АКЦИИ

Когда на следующее утро после нашего перехода на государственную службу на флагштоке в Пуллахе затрепетал по ветру черно-красно-золотой флаг Федеративной Республики, для нас это означало, что начинается решающая стадия проверки «Организации Гелена». Теперь должно быть выяснено, отвечают ли организационное устройство и личный состав прежней неофициальной структуры тем задачам, которые поставят ей в самое ближайшее время. Уже скоро баварское земельное правительство оказало нам почет и уважение. Оно приветствовало наше появление в Баварии и вручило нам свой бело-голубой флаг, который с тех пор реет рядом с флагом республики. Я с благодарностью воспринял этот жест как доказательство понимания и доверия. Более того, баварский премьер-министр Хегнер удостоил нас своим посещением во время небольшого торжества по случаю официального открытия службы и произнес короткую речь в нашу поддержку.

Тщательная подготовка к переходу под юрисдикцию федерального правительства и проведенная в связи с этим реорганизация службы позволили завершить этот этап в короткий срок и уже в 1956 году успешно выдержать своеобразный экзамен на зрелость.

В жаркие летние дни на горизонте стали сгущаться тучи, предвещая близкую бурю. В странах Европы, находящихся под советским господством, сначала в Польше, а затем в Венгрии, появились признаки, свидетельствовавшие о стремлении их народов к свободе, задушенной совсем недавно, 17 июня 1953 года, в Средней Германии с помощью советских танков. И если силам безопасности в Польше тогда удалось локализовать волнения населения, то в Венгрии в конце октября 1956 года плотина была прорвана. Народ поднялся на борьбу и силой взял власть в свои руки. Советы отреагировали быстро: их дивизии вторглись в несчаст-

ную страну, восстание было подавлено и сатрапы вновь водворены на свои места. Поток беженцев хлынул в Австрию и Баварию.

В связи с этим возник леденящий душу вопрос: останутся ли советские танки на венгерской границе или же под предлогом разгрома мнимых баз повстанцев двинутся в свободную Европу? Наше правительство поручило нам дать на него ответ. У кого, как не у нас, была возможность сделать это. Ведь мы получали много разведывательных материалов, внимательно следили за боевыми операциями и передвижениями советских войск. По моему убеждению, Советы в 1956 году, как ранее в 1953-м в ГДР и позднее в 1968 году при вторжении в Чехословакию, ставили перед собой задачу сохранить силой своих сателлитов и выполняли ее демонстративно грубо, чтобы запугать население не только восставшей страны, но и народы других государств коммунистического блока. Однако перенести военные операции на территорию Австрии и ФРГ Москва вряд ли решится. Такой вывод мы и доложили федеративному правительству.

Если венгерская трагедия происходила в зоне, где мы вели активную разведывательную деятельность, то опасное обострение ближневосточной ситуации в 1956 году возникло в отдаленном от нас районе, где наши агентурные возможности были невелики.

Это был первый случай распространения наших операций на территорию за пределами Европы. Когда после вмешательства англичан и французов возникла реальная опасность, что бои на Суэцком фронте могут повлечь за собой мировой вооруженный конфликт, наша служба уже могла своевременно и точно докладывать о всем происходившем федеральному правительству. При этом была подтверждена ценность недавно установленных на Ближнем Востоке агентурных связей, которые сохранили свое значение и в последующие годы.

В дни, когда Булганин угрожал подвергнуть ракетному обстрелу Лондон и Париж, возникла острая необходимость обмена мнениями с нашими союзниками. В ходе перегово-

ров я, к своему удовлетворению, выяснил, что «прыжок» нашей службы на Ближний Восток вполне удался. В то время как многие агентурные связи традиционно сильных в этом районе западных разведок в результате плотного контроля арабов за деятельностью дипломатических представительств срабатывали не в полной мере, а отчасти были даже прерваны, наши агенты сохраняли полную свободу передвижения.

Совершенно случайно в кульминационный момент суэцкого кризиса мне довелось встретиться с моим американским коллегой и партнером Алленом Даллесом. Его тогдашняя оценка общей обстановки была более пессимистичной, нежели моя, но мы были едины во мнении, что советскую угрозу следует рассматривать как демонстрацию силы, и полагали: от заявлений до начала войны еще далеко.

* * *

Драматические события в Венгрии и Египте представляются мне столь важными еще и потому, что они явились первым серьезным испытанием для нашей молодой внешней разведки. Я рассказал о них даже раньше, чем рассмотрел обстоятельство, оказавшее самое сильное влияние на международную обстановку в пятидесятых годах. Речь идет об опасном жонглировании Советами политикой мирного сосуществования, которая началась в том же 1956 году.

На XX съезде КПСС руководитель партии Никита Хрущев 25 февраля провозгласил принципы новой советской политики. По его словам, политика мирного сосуществования должна была привести не только к ликвидации длительной конфронтации противостоящих блоков, но и обеспечить их сосуществование без угрозы силой в настоящем и применения силы в будущем. Однако очень скоро выяснилось, что Советы использовали эту многообещающую идею для того, чтобы затеять хитрую игру и, следуя указаниям Ленина, «заключить противника в объятия и задушить его». Проповедуя для блезируя принципы своей новой политики «сближе-

ния народов», они на самом деле продолжали старую, но уже другими методами и средствами. При этом Советы были предельно честными, публично исключая мирное сосуществование в области идеологии. Не скрывали они и то, что эта политика будет способствовать устранению на Западе страха перед Советским Союзом и недоверия к нему, в результате чего будет легче влиять на сознание масс в некоммунистических странах, чем прежде.

Многоступенчатый пропагандистский аппарат Советов, включающий коммунистические партии во всем мире, организации «борцов за мир и прогресс», получил приказ всемерно поддерживать советскую внешнюю политику, проводимую под лозунгом «мирное сосуществование». Неудивительно, что во всех странах не только многие люди, движимые страхом и надеждой, но и некоммунистические правительства поверили новым московским лозунгам. Казалось, Советы достигли своей первой цели почти без усилий.

Эксперты нашей службы по советским проблемам немедленно подвергли заявления Хрущева тщательному анализу. Их оценка позволила увидеть всю глубину опасности, которую представляла новая советская внешняя политика для свободного мира. Я проинформировал наших зарубежных друзей о результатах исследований и предупредил о негативных последствиях внешнеполитической игры Москвы. К сожалению, в Германии нашлись люди, не желавшие прислушаться к нашему мнению и видевшие во мне и моих сотрудниках неисправимых поборников «холодной войны». Было немало и таких, кто доверчиво воспринимал ползучую опасность «мирного сосуществования». Они зачарованно слушали миролюбивые заверения Москвы и напоминали кроликов, загипнотизированных удавом.

Когда через восемь месяцев Советы жестоко подавили народное восстание в Венгрии, даже большим оптимистам стало ясно, что Москва ни при каких условиях не допустит широко разрекламированного мирного сосуществования в сфере своего господства. Ни одна другая легенда, по-моему,

не разрушалась в столь короткий срок. Непонятно только, как могли многие люди быстро забыть эти события. Впрочем, то же самое можно сказать и о вводе в 1968 году войск Советского Союза и его сателлитов в Чехословакию.

* * *

Осенью 1958 года немецкая столица оказалась в центре внимания мировой общественности.

27 октября Ульбрихт заявил, что весь Берлин относится к государственной территории ГДР. Это самонадеянное заявление вскоре было поддержано не менее агрессивным заявлением советского партийного руководителя Хрущева. 10 ноября тот потребовал ликвидации четырехстороннего статуса Берлина, а 24 ноября подтвердил это требование соответствующей нотой.

Наша служба, на основе имевшихся данных, расценила эти явно скоординированные выпады восточных немцев и Москвы как новую попытку Советов разыграть берлинскую карту в качестве средства давления на Запад. Кстати, Берлин до последнего времени сохранял такое свое значение в арсенале наиболее эффективных инструментов советской внешней политики.

В Средней Германии заявления Ульбрихта и Хрущева по берлинскому вопросу были восприняты как скрытая угроза. Многочисленные перебежчики из «зоны» распространяли в ФРГ страх и ужас, как это часто случалось и ранее в подобных ситуациях. В боннских правящих кругах это вызвало озабоченность. Но правительство придерживалось трезвой оценки обстановки, базирующейся на данных нашей службы, которой в эти осенние недели приходилось довольно часто излагать свое мнение по данному вопросу. Мы считали, что, хотя Хрущев с Ульбрихтом и стремятся к нагнетанию обстановки в Берлине и вокруг него, они все-таки не решатся на применение силы.

В январе 1959 года советский проект немецкого мирного договора свидетельствовал о решимости кремлевского

руководства продолжить свои усилия по урегулированию германского и берлинского вопроса. Очередная возможность представилась Хрущеву на Женевской конференции министров иностранных дел четырех великих держав, которая продолжалась почти три месяца (с 11 мая по 5 августа). Несмотря на советскую угрозу заключить сепаратный мирный договор с ГДР, к которой прибегли Советы, чтобы сломить сопротивление западных держав, Женева не принесла Ульбрихту никакого успеха.

Разочарование Ульбрихта, по имевшимся у нас сведениям, было велико. И он решил пышно отпраздновать десятилетнюю годовщину образования ГДР, которая пришлась на 7 октября. Ульбрихт лично возглавил подготовку к торжествам. Он разослал своих эмиссаров не только в столицы не присоединившихся государств, но и в Лондон и Париж для передачи приглашений принять участие в манифестациях по этому поводу в Восточном Берлине известнейшим политическим деятелям. В качестве почетных гостей они должны были показать всему миру, что государство Ульбрихта достойно признания. Вскоре было получено согласие бывшего французского премьер-министра и известных британских парламентариев. Но Ульбрихт торжествовал слишком рано. Один из его посланников, некто Е., еще за несколько лет до того решил сотрудничать с нашей службой. От него нам были известны все детали пропагандистской акции Ульбрихта.

В качестве начальника разведки мне не приходилось решать более трудной задачи. Речь шла о том, что было важнее: стоило ли отказаться от ценного источника, обладавшего отличными позициями в Восточном Берлине, чтобы попытаться через него воспрепятствовать приезду в Восточный Берлин видных политиков из Франции и Англии, или же сохранить его и не предпринимать никаких мер к срыву коммунистического празднества. Тщательно взвесив все «за» и «против», я решил доложить федеральному канцлеру, чтобы, получив его согласие, перевезти Е. вместе с семьей в ФРГ и тут же направить его в Париж и Лондон с задачей побудить

приглашенных видных политиков к отказу от поездки. Операция удалась: Ульбрихту пришлось праздновать свою годовщину без участия представителей Лондона и Парижа.

* * *

Если 1958-й и 1959 годы прошли для федерального правительства и нашей разведывательной службы целиком под знаком жесткого противостояния и противоборства по германскому вопросу, то начало 1960 года было для Советского Союза связано с проявлением первых признаков новой и более опасной конфронтации. Все новые разведывательные данные подтверждали поначалу смутные прогнозы об усилении противоречий между Советским Союзом и второй по величине державой коммунистического лагеря — Китайской Народной Республикой.

В своих аналитических докладах ФРС и лично я, как ее руководитель, дали оценку этому конфликту, разгоревшемуся в стане противника. Исходя из основного принципа международного коммунизма, нашедшего свое воплощение, в частности, во время корейской войны, о том, что окончательная победа над капитализмом возможна лишь при всемирной координации действий коммунистических сил, некоторые весьма опытные аналитики нашей службы долгое время сомневались, что между двумя великими коммунистическими державами может произойти полный разрыв.

Множество разведданных о том, что среди видных коммунистических деятелей все громче раздаются здравые голоса, призывающие немедленно засыпать углубляющуюся пропасть между Москвой и Пекином, казалось, подтверждали эти сомнения. Когда же к разведсводкам о быстром росте противоречий между СССР и КНР добавились заслуживающие доверия сведения о непомерном росте взаимной ненависти, в оценках ФРС уже не рассматривалась возможность компромиссного решения этой проблемы. По нашему мнению, следовало рассчитывать на долгое противостояние, но

мы исключали возможность военного конфликта крупного масштаба между двумя коммунистическими гигантами. По оценкам нашей службы, Китайская Народная Республика не имела ни малейших шансов в обозримом будущем ликвидировать свое явное отставание в военно-технической и экономической области.

Меня поражало и удивляло то, что отношение Запада к конфликту между СССР и КНР долго оставалось неоднозначным и нерешительным. Полагаю, что именно из-за этого свободный мир не сумел воспользоваться выгодными для себя обстоятельствами и извлечь пользу из создавшегося положения, словно разрыв советско-китайских отношений был каким-то мелким событием на периферии международной политики.

Рассматривая в ретроспективе тогдашнюю обстановку, можно сделать вывод, что разрыв с Китаем доставил много неприятностей советским руководителям. Они опасались агрессивных действий Пекина. И разведывательный полет американского самолета «У-2» над советской территорией (он был сбит, а пилот захвачен живым) пришелся для Москвы как нельзя кстати: Хрущев смог отвести от себя угрозу пробы сил с Китайской Народной Республикой.

Начиная с 1952 года американское ЦРУ использовало высотные самолеты для разведки территории Советского Союза. Получаемые весьма ценные сведения оправдывали риск проводившихся операций.

Когда «У-2» сбили 1 мая 1960 года над советской территорией (летчика, как известно, позднее обменяли на нелегального резидента КГБ в США Абея), некоторое время оставался открытым вопрос, был ли этот инцидент случайным успехом советской системы ПВО или же самолет уничтожили преднамеренно. Многие говорят о том, что это сенсационное событие Советы организовали специально. Ведь советские средства ПВО могли достать американские самолеты значительно раньше, но не делали этого, хотя «У-2» проникали в воздушное пространство СССР задолго до Пау-

экса. Значит, могли, но не хотели. Сейчас же Хрущев использовал инцидент с «У-2» как повод, чтобы сорвать парижскую встречу в верхах, назначенную на 17 мая 1960 года, а затем и Женевскую конференцию по разоружению, которая должна была собраться 28 июня 1960 года.

* * *

К событиям, ход и последствия которых нашли правильную политическую оценку значительно позже, относится провал попытки вторжения с моря на Кубу антикастровских эмигрантов в апреле 1961 года. После неудачи операции, что для многих ее участников стало настоящей трагедией, в США и Западной Европе началась резкая критика ЦРУ, в вину которому ставились не только «полная несостоятельность» в разведывательных делах, но и, что было, наверное, более тяжким обвинением, несвоевременная и недостаточная помощь поднявшимся на освобождение Кубы противникам Кастро. Обвинения основывались на том, что полученная разведкой Вашингтона якобы надежная информация с острова свидетельствовала: широкие слои населения будто бы немедленно присоединятся к высадившимся повстанцам и всю Кубу охватит народное восстание, которое сметет ненавистный людям режим Кастро. Эта информация оказалась ложной. Кроме того, утверждалось, что ЦРУ обещало оказать вторжению широкую военную помощь. Убедительных доказательств того, что руководители американской разведки действительно давали такое обещание, получить не удалось. Я полагаю, что кубинские эмигранты все же получили заверение, что им помогут. Иначе они вряд ли предприняли бы такую рискованную операцию.

Неоспоримо, что взбудораживших весь мир драматических событий вокруг Кубы, развернувшихся восемнадцать месяцев спустя, могло бы вообще не быть, если бы США во время операции в Заливе Свиней решились на шаг, которого от них ожидали многие люди в свободном мире. Безусловно, тогда имелись важные причины, почему США, исходя

из интересов мира во всем мире, действовали по-другому, нежели поступили бы Советы в подобном же случае. Вполне возможно, что свою роль сыграла и недооценка значения островного государства, которое хотя и находилось прямо «перед самой дверью, ведущей в Соединенные Штаты», но само по себе не представляло опасности для последних.

В кругу своих ближайших сотрудников я расценил как невероятное событие тот факт, что Вашингтон воздержался от военного вмешательства с целью устранения диктатуры Кастро. Мое заключение послужило толчком к тщательному анализу обстановки в районе Карибского моря, который отчетливо показал возрастание роли Кубы в будущем соотношении сил в мире. По нашей оценке, режим Кастро представлял в то время двойную опасность для дела мира. С одной стороны, Куба являлась огромным «авианосцем», на котором Советы могли расположить не только боевые самолеты, но и ракеты и базы для подводных лодок, реально угрожая главной державе Запада. С другой, остров представлял собой прекрасный плацдарм для коммунистического проникновения в Латинскую Америку.

После фиаско 17 апреля 1961 года прошло всего полтора года, когда США были вынуждены, буквально балансируя на грани войны, принять жесткие меры, чтобы не допустить создания советских ракетных баз на Кубе. А ведь речь шла о ракетах наступательного типа.

К настоящему времени присутствие советских военных летчиков на Кубе стало само собой разумеющимся явлением. А вот о том, что там время от времени проходят подготовку молодые немцы для последующей нелегальной заброски в Федеративную Республику, нашей общественности почти ничего не известно.

Явно выгодное стратегическое положение Кубы напрашивается на использование ее Советами в качестве опорного пункта для своих Военно-Морских и Военно-Воздушных Сил. А это представляет серьезную угрозу для США. Но если такая опасность в дальнейшем может быть предотвращена в результате энергичного военного противодействия

Вашингтона, хотя бы ценою новой опасной конфронтации с Советами, то использование острова для агентурного и пропагандистского проникновения в Центральную и Южную Америку является уже свершившимся фактом. Связи, установленные кубинским режимом с различными латиноамериканскими государствами, столь крепки и эффективны, что создание там советских баз в районах, контролируемых местными коммунистами, — лишь вопрос времени.

После трагедии в Заливе Свиней я считал необходимым включить в круг деятельности нашей службы изучение данных о коммунистической активности, исходящей от Кубы, и анализ международной коммунистической стратегии и тактики.

УБИЙСТВО СТЕПАНА БАНДЕРЫ И ЛЬВА РЕБЕТА

12 августа богатого событиями 1961 года общественность ФРГ была потрясена происшествием, открывшим людям истинную суть коммунизма. В этот день к немецким властям с повинной явился агент советской секретной службы КГБ Богдан Сташинский, признавшийся в том, что он убил в Мюнхене двух политических деятелей украинской эмиграции Льва Ребета (12 октября 1957 года) и Степана Бандеру (15 октября 1959 года). Сташинский, в частности, показал, что по заданию шефа советской секретной службы Александра Шелепина он долго следил за обоими лицами. Затем по его же указанию застрелил сперва одного, а затем и другого из специально сконструированного пистолета. За эти убийства Шелепин лично вручил ему орден.

Все это звучало настолько чудовищно и невероятно, что многие газеты и журналы поначалу выступили с материалами, авторы которых скептически отнеслись к показаниям Сташинского, а некоторые даже заподозрили его в нечистой игре. Нашлись и такие журналисты, которые утверждали, что такое миролюбивое государство, как Советский Союз, не может организовывать коварные террористические акты. Смерть Бандеры и Ребета, так же как и покушение

с помощью взрывного устройства еще на одного эмигрантского политического деятеля Чермака, — это, мол, следствие «междоусобной борьбы различных эмигрантских группировок». В нескольких публикациях прозвучали нотки, высказывавшиеся коммунистическими пропагандистами: еще до бегства Сташинского на Запад Бандеру и Ребета ликвидировала будто бы наша служба.

Однако Сташинский, облегчить угрызения совести которого побудила его жена, стоял на своем. В конце концов следственные органы поверили ему, проведя точную реконструкцию совершенных им убийств.

На процессе в федеральном суде мировая сенсация ожила вновь. Сташинский подтвердил свои показания. В приговоре, вынесенном 19 октября 1962 года, было сделано частное определение, в котором говорилось: главная вина за тщательную подготовку и совершение бесчеловечных террористических актов возлагается на Шелепина, отдавшего приказание. Сташинский же, доказавший, что он действовал по принуждению КГБ, получил сравнительно мягкое наказание.

Дело Сташинского настолько ярко и показательно, что я хотел бы сделать еще несколько замечаний. Как мне представляется, чрезвычайно важно то, что благодаря чистосердечному признанию Сташинского и лояльному сотрудничеству со следствием удалось убедительно показать, как готовились и проводились два политических убийства, всю ответственность за которые несет тогдашний шеф КГБ Шелепин. Тщательное планирование и точность исполнения позволяют сделать вывод, что подобные методы и средства ликвидации активных противников коммунизма применялись секретной службой Кремля и в других случаях. Многие политические убийства в западных странах, закулисные организаторы которых до сих пор не выявлены или по определенным причинам не названы, теперь, после разоблачения Шелепина, могут без большого преувеличения быть отнесены к «специальным операциям» советской или иных, действующих подобным же образом, коммунистических секретных служб.

То, что ФРС, как я уже упоминал, приписывалось участие в убийстве известных эмигрантских лидеров, не было новой лживой выдумкой восточной пропаганды. И прежде нашей службе часто предъявлялись обвинения в том, что она пользуется самыми жестокими и грубыми методами, применяет диверсии и террор. Инсинуации продолжались, можно сказать, все время, и, несомненно, наши противники не успокоятся и в будущем. Хотя им прекрасно известно, что мы никогда не применяли и не будем применять насилия над личностью в любой форме.

Прошлое забывается быстро. И не только переговоры и встречи, но и политические события, даже крупные. Происходит это, по всей видимости, потому, что многие не хотят вспоминать: они считают, что недавнее прошлое может оказать отрицательное воздействие на настоящее. Вот почему немало наших современников стараются вычеркнуть из своей памяти убийства Бандеры и Ребета в Мюнхене. Иначе никак не объяснишь тот факт, что установленный западно-германским Верховным судом подстрекатель этих преступлений Александр Шелепин был приглашен в ФРГ в качестве почетного гостя. Мне трудно вести себя так, как отдельные наши политики, которые заявляют:

— Какое нам дело до вчерашнего, когда нам нужно жить в мире с Советами, ведь жизнь продолжается!

Такая точка зрения безнравственна и нарушает принятые правила приличия.

СОВЕТСКИЙ ШПИОН ФЕЛЬВЕ

К числу событий, отрицательно отразившихся на делах нашей службы, относится, несомненно, дело Фельфе. В течение нескольких лет этот ценный советский шпион, служивший в штаб-квартире ФРС, был буквально притчей во языцех для западной и восточной прессы, нередко ложно толковавшей суть этого дела. В статьях под крупными заголовками

рассматривались личность Фельфе, его прошлое, характер действий и высказывалась нелицеприятная критика в наш адрес. Если бы я стал в связи с этим рассматривать все лживые и клеветнические утверждения, это нарушило бы рамки моего повествования. Поэтому ограничусь лишь несколькими высказываниями: их, полагаю, вполне достаточно, чтобы представить этот случай архипредательства в ином свете.

Хайнц Фельфе, псевдоним «Фризен», служил в отделе контршпионажа против Советского Союза в должности помощника референта и имел ранг правительственного советника. После тщательной подготовки он был внедрен к нам советской секретной службой — КГБ. Если другие попавшие в ФРС и впоследствии разоблаченные агенты противника снабжались специально подготовленной информацией небольшой ценности, то Фельфе, по личному указанию шефа КГБ Шелепина, получал для передачи нам сведения, представлявшие в тот период яростных стычек между разведывательными организациями Востока и Запада, можно сказать без всякого преувеличения, исключительный интерес. Делалось это для того, чтобы поднять авторитет Фельфе в наших глазах, укрепить его положение и способствовать быстрому продвижению по службе.

«Фризен», поставивший своим хозяевам ряд донесений и документальных материалов о деятельности ФРС и заслуживший их доверие, снабжался ими сведениями политического характера. Частично в этих материалах содержались данные секретного характера о советской зоне оккупации. Другими словами, в них была ловко изготовленная смесь правды и лжи. Фельфе сумел убедить руководство нашей службы, что ему удалось создать в «зоне» сеть своих агентов.

Эти меры советской разведки помогли укрепить позиции предателя в ФРС и поднять его престиж как добытчика секретной информации. Известно, как трудно обработчику разведывательных данных распознавать специально подготовленный противной стороной материал, особенно если в нем частично содержатся подлинные сведения.

В случае с Фельфе Советы пошли еще дальше. Чтобы быстрее повисить акции своего агента в наших глазах и расширить его возможности, КГБ без всяких колебаний принес в жертву одного из своих малоценных источников в ФРГ, выдав его через Фельфе нам. В практике советской секретной службы это было весьма необычным шагом. И мы дали провести себя. Менее важный агент КГБ, это был публицист В. — не буду называть его фамилии, — был арестован и осужден.

Специальные операции советской разведки хотя и привели к признанию заслуг Фельфе в ФРС, но не смогли надолго избавить его от рутинных проверок по линии безопасности, систематически проводившихся в отношении всех без исключения сотрудников службы. И вот тут-то были выяснены некоторые факты, изобличившие предателя. Под моим личным руководством небольшая специальная группа сотрудников продолжила проверку. После многомесячного скрупулезного расследования все подозрительные моменты были сведены в единое целое. Так был установлен факт предательства и его возможные последствия.

Само собой разумеется, я не стал класть дело в долгий ящик. В соответствии с законами, которые, как я всегда считал, полностью распространяются и на нашу службу, делу был дан быстрый ход, хотя такая оперативность и могла вызвать отрицательную реакцию сотрудников. 6 ноября 1961 года прямо на службе Хайнц Фельфе был арестован.

Дружественные нам разведслужбы, зная, что, несмотря на меры безопасности, никто не застрахован от подобных случаев, поздравили нас с успешно проведенной операцией по выявлению вражеского шпиона. А одна из них прислала даже телеграмму: «Поздравляем. Своего Фельфе мы еще не выявили».

Последовавшие вслед за случаем с Фельфе проверки подтвердили: введенная у нас плотная система безопасности не гарантирует на сто процентов от таких проколов. Поэтому меры эти не должны ослабляться ни при каких обстоятельствах.

ОТ КАРИБСКОГО КРИЗИСА ДО ОТСТАВКИ ХРУЩЕВА

В октябре 1962 года США были втянуты Кубой в опасный кризис.

То обстоятельство, что Вашингтон упустил свой шанс при неудавшейся высадке антикастровских эмигрантов в Заливе Свиней, теперь обернулось большими неприятностями для США. Советы укрепились на острове и решили воспользоваться представившейся им возможностью для строительства там ракетных баз. ЦРУ удалось своевременно раскрыть проводившиеся на Кубе работы. Во всяком случае, настолько своевременно, что американские ВМС и авиация смогли предотвратить доставку наступательных ракет морем.

Множество советских транспортных судов, замаскированных под безобидных «купцов», находилось в море с «летающей смертью» на борту, держа курс на Кубу, когда президент Кеннеди объявил об установлении блокады острова. Доставка ракет на Кубу была приостановлена. Советские суда повернули назад вместе со своим грузом, грозившим гибелью человечеству.

Многие, кто в эти октябрьские дни вновь обрел уверенность в том, что США готовы решительно защищать свободу, задавали себе вопрос, а не было бы предотвращено сооружение первых заграждений в Берлине 13 августа прошлого года, если бы западные державы заняли такую же твердую позицию.

Насколько серьезно оценивалось положение американской стороной, свидетельствуют, в частности, слова тогдашнего директора ЦРУ Джона Маккоуна, который заявил:

— Это — кризис, который мог развязать войну, возможно даже термоядерную.

Мало кому известно, что по каналам нашей службы также были добыты некоторые данные о строительных работах на Кубе, которые подтвердили довольно полную картину положения дел, полученную к тому времени в ЦРУ. Как бы

то ни было, наши сведения явились вкладом в успех ЦРУ, который я всегда признавал и оценивал как одно из крупнейших достижений разведки нашего времени.

...1963 год принес значительные изменения в расстановке правящих сил во многих странах. В Греции после ухода в отставку премьер-министра Караманлиса (11 июня) начались события, в результате которых страна до сих пор не может успокоиться, а ведь она, находясь на южном фланге НАТО, занимает стратегически важные позиции и является нашим надежным партнером. Однако греческая разведывательная служба, невзирая на все изменения в руководстве страны, насколько я мог судить, продолжала выполнять свои трудные задачи с полной самоотдачей и большим мастерством. Каждый, кому близка судьба Европы, может, как и я, только желать, чтобы эта страна древней культуры вновь стала оплотом мира во всем мире и обрела то значение, которое ей подобает, учитывая ее великое прошлое. Здравомыслящему человеку, какой бы точки зрения он ни придерживался в вопросе политического развития Греции, ясно одно: она превратилась бы в коммунистическое государство, если бы своевременно не были собраны силы, противостоящие агрессии с Востока.

В это же время (18 июня) политическую сцену оставил великий старец Израиля Давид Бен Гурион, занимавший пост премьер-министра. Его преемником стал Леви Эшкол. Историческая заслуга Бен Гуриона — примирение между израильским и немецким народом. Его встреча с федеральным канцлером доктором Аденауэром, которая состоялась несколькими годами ранее, сыграла решающее значение в этом процессе. Я всегда сожалел, что после краха германской империи в конце войны ставшая ее преемницей ФРГ оказалась втянутой в борьбу Израиля за свое существование как государства против арабских стран. Но этого, видимо, невозможно было избежать.

Если традиционную дружбу арабов с Германией я рассматривал как достаточный фактор, способствовавший под-

нению нашего государства из руин, то участие ФРГ в обеспечении выживания государства Израиль представлялось мне как политическая обязанность Германии. Руководители арабов и лидеры израильтян устанавливали связи с федеральным правительством, а нередко и со мной. В конце концов политическое и военное развитие событий на Ближнем Востоке, кульминацией которых явилась новая проба сил в июне 1967 года, поставило перед федеральным правительством, а вместе с тем и перед нашей службой вопрос о необходимости окончательно определить нашу позицию, что и было сделано.

* * *

В начале ноября 1963 года в далеком Южном Вьетнаме личный режим Дьема сменила военная хунта. Сам Дьем был убит. Последовали волнения военных и преобразование правительства. Они парализовали государственную власть и боеспособность армии, а вместе с тем дали толчок такому развитию событий, которое обусловило распространение вооруженных стычек по всему Вьетнаму и в конечном счете привело к вьетнамской войне.

Через пятьдесят лет после начала Первой мировой войны инцидент в Тонкинском заливе стал детонатором, взорвавшим пороховую бочку на Дальнем Востоке. Боевые действия во Вьетнаме развивались стремительно и уже вскоре потеряли характер гражданской войны. В начале 1965 года при определенных обстоятельствах они могли бы поставить мир на грань нового мирового вооруженного конфликта. Ибо прямо или косвенно в результате оказания мер поддержки и помощи вьетнамцам на юге разделенной страны бок о бок с ними стояли США, а на севере — Китайская Народная Республика и Советский Союз. А это было опасное противостояние. И хотя театр военных действий отстоял от нас очень далеко и было трудно вести постоянное наблюдение за этим регионом, мы все же должны были исполь-

зовать любые возможности, чтобы увязывать бои в Индокитае с важнейшими событиями, происходившими в мире, для правильной оценки международной ситуации. Известно, что события в разных регионах земного шара взаимосвязаны. Поэтому происходившее в Юго-Восточной Азии сказалось и на Европе.

В оценке обстановки нами постоянно подчеркивалось — и это я отстаивал непреклонно, — что только вмешательство США предотвратило потерю всего индокитайского региона для свободного мира. Остается открытым вопрос, позволили бы или нет Советы, располагавшие сильным влиянием в Северном Вьетнаме, начать там китайцам агрессию, которая могла бы привести к захвату ими всего Индокитая, включая Таиланд. Из многочисленных донесений и заслуживающей доверия информации было известно, что тогдашнее китайское руководство рассматривало захват прилегающих к южным границам Китая районов Индокитая и Бирмы лишь как первый этап своих экспансионистских планов. На втором этапе предполагалось овладеть «окраинными позициями», под которыми подразумевались Южная Корея и Тайвань.

Эти планы исходили из предпосылки, что после их осуществления стратегически важное островное государство Индонезия само по себе отойдет к коммунистическому Китаю. Более двух с половиной миллионов коммунистов Индонезии только и ждали, когда пробьет час «освобождения».

Тогда я одобрял американское вмешательство, так как считал: надо удержать Вьетнам во что бы то ни стало. Но мне не нравился способ ведения там войны, который избрал Вашингтон. Администрация США поначалу слишком часто оглядывалась на мнение мировой общественности по вьетнамскому вопросу, которое нередко было вовсе не бесспорным. В результате Вашингтон не смог решить исход войны в свою пользу, хотя численность американских войск во Вьетнаме превышала полмиллиона солдат и офицеров.

Событием, имевшим всемирно-историческое значение, было, без сомнения, убийство 22 ноября 1963 года в Техасе американского президента Джона Кеннеди. В эти дни я поддерживал особо тесные контакты со своими американскими партнерами не только для того, чтобы выразить им сочувствие нашей службы, но и, прежде всего, для принятия мер на случай возможных попыток Советов использовать в своих интересах это тяжелейшее потрясение на Западе. Но советское руководство в тот момент уже столкнулось с большими внутренними затруднениями, приведшими в следующем году к мировой сенсации.

Великая сенсация 1964 года произошла 14 октября. В этот день Хрущев, ничем не ограниченный властелин Советской страны, был отрешен от власти, причем при таких обстоятельствах, которые даже самые смелые специалисты-аналитики по кремлевским делам не считали возможными.

Несколько позже было точно установлено, что даже высшие советские руководители до самого последнего момента сомневались в успехе акции против Хрущева. Когда тот после нескольких драматических часов в Кремле тихо и незаметно исчез, как говорится, со сцены, партийные лидеры коммунистических государств были к этому не готовы и не знали, что делать, так же как и правительства западных стран. Тем не менее недостатка в обвинениях разведывательных служб, в том числе и ФРС, не было. У общественности натовских государств, в том числе и западногерманской, сложилось твердое убеждение, что их разведслужбы несвоевременно и неточно предсказали падение Хрущева.

На самом деле наша служба неоднократно докладывала правительству об усиливающихся разногласиях в высшем советском руководстве. Судя по этим донесениям — по основным моментам они полностью совпадали с информацией, полученной дружественными нам службами, — в те-

чение 1964 года в Кремле неоднократно по самым различным вопросам возникали крупные разногласия, которые в отдельных случаях были труднопреодолимы. Более молодые руководители высшего эшелона возлагали на Хрущева ответственность за срывы во внешнеполитической области. Речь шла об обострении «братской борьбы» с Китайской Народной Республикой, «бесславном уходе» с Кубы, провале непродуманных и опрометчивых акций в Африке и других дипломатических и разведывательных «проколах». На закрытых совещаниях партийной верхушки говорили, что провозглашенная Хрущевым политика «мирного сосуществования» потерпела крах, а его самого называли бесславным и неудачным инициатором ее проведения.

Во многих сообщениях в качестве возможного преемника Хрущева проходил представитель молодого поколения — не кто иной, как Александр Шелепин, которого Верховный суд ФРГ назвал вдохновителем и организатором убийств двух руководителей украинской эмиграции в Западной Германии. Но время Шелепина тогда еще не пришло. Старые и многоопытные руководители КПСС провалили избрание молодого члена Политбюро на пост Генерального секретаря, хотя многие втайне называли его уже «новым Сталиным». Они не захотели повиноваться «выскачке». Во главе Советского Союза встала «тройка» — Брежнев, Косыгин, Подгорный.

Даже самые известные «кремлелоги» не смогли предсказать, что будет принято именно такое решение. Забегая вперед, скажу, что длительное существование «тройки» было еще более неожиданным, чем избрание Брежнева, который лишь недавно стал «первым среди равных».

Во многих своих оценках я подчеркивал, что советская «тройка» со времени отстранения от власти Хрущева представляет собой в действительности упряжку, в которой основную нагрузку несет один из триумvirата. И именно с этим человеком Западу придется считаться. Я не ошибся: таким единоличным лидером стал Брежнев.

СОБЫТИЯ НА ДАЛЬНОМ И БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Когда Верховный Совет и Центральный Комитет КПСС выносили свой приговор Хрущеву, они уже знали, что вскоре предстоит взрыв первой китайской атомной бомбы. Но китайцы предоставили мировой общественности возможность заниматься в течение двух дней сенсацией — отстранением Хрущева, прежде чем взорвать 16 октября свой атомный заряд. Тем самым Китайская Народная Республика вошла в число ядерных держав. Но это событие не явилось неожиданностью для западных правительств.

В течение достаточно долгого времени натовские службы занимались китайской атомной бомбой, пытаясь определить ее характеристики. Поскольку информация поступала весьма скудно, потребовалась интенсивная работа аналитиков, чтобы точно и своевременно закончить предварительные расчеты. В свое время было установлено, что народному Китаю без помощи Советского Союза не удастся быстро присоединиться к двум великим ядерным державам. Этот прогноз подтвердился. КНР, как атомной державе второго ранга, остается лишь надеяться, что «великие», заключив договор о контроле за ядерным оружием, взаимно сократят свои ядерные арсеналы, в результате чего она несколько сократит свое отставание. Понятно, что Китай в таких условиях не подпишет договор об ограничении ядерного оружия.

Внимание федерального правительства и ФРС в начале 1965 года было обращено в сторону Москвы и Пекина. Но вскоре интересы крупных разведок вновь привлек к себе Ближний Восток. Федеративная Республика, которую ближневосточные события поначалу касались лишь косвенно, теперь, когда произошло ухудшение немецко-арабских отношений, была вынуждена активизировать деятельность своей разведки в этом регионе.

Поставки ФРГ оружия в Израиль — в их целесообразности в самой Западной Германии были разноречивые мнен-

ния — вызвали острую реакцию и даже угрозы со стороны арабских государств. Более того, начал проявляться опасный фанатизм, что объясняется складом ума арабов, населяющих этот регион. И хотя федеральное правительство прекратило в феврале 1965 года поставлять оружие Израилю, нежелательное развитие событий остановить было уже невозможно.

С 24 февраля по 2 марта в Каире находился Ульбрихт, подливший масла в огонь. Он был принят с высочайшими почестями и использовал любую возможность во время своего затянувшегося визита, чтобы противопоставить себя «империалистической Федеративной Республике,покровительствующей политике диктата Израиля». Однако проходивший с блеском визит, что объясняется в первую очередь традиционным арабским гостеприимством, принес Насеру немало разочарований. Наши агенты сообщали с берегов Нила, что хозяева обманулись в своих надеждах на ГДР, которая была не в состоянии удовлетворить все запросы арабов. Знаю, что это прозвучит несколько неожиданно, и все же добавлю: ряд проблем был обусловлен личностью самого Насера, его динамичным характером и упорством в достижении поставленной цели. Глава Египта всегда умел точно оценивать своих партнеров. Я еще вернусь к этому вопросу, когда буду рассматривать события 1967 года, в частности июньскую войну. По отношению к Ульбрихту, выступавшему чопорно, без улыбки, Насер держался еще более сдержанно и подчас педантичнее, чем во время контактов с многочисленными посланцами из ГДР, лебезившими и пресмыкавшимися перед ним.

Весною 1965 года верх взяла «реальная политика». Арабы уже не выражали, как прежде, свои искренние чувства по отношению к советской оккупационной зоне и были полны презрения и пренебрежения, хотя и скрывали их вежливыми улыбками. А федеральное правительство приняло решение установить дипломатические отношения с Израилем в мае, прояснив окончательно свою позицию.

ФРС не раз докладывала канцлеру, что дипломатическое признание Израиля де-юре повлечет за собой в качестве ответной меры немедленный разрыв отношений с ФРГ большинством арабских государств. В этом не было никакого сомнения, хотя некоторые боннские политики считали: есть, мол, определенные шансы противостоять такому нежелательному развитию событий. Однако все эти надежды, как мы и предсказывали, оказались напрасными.

Как только 13 мая были установлены дипломатические отношения с Израилем, свою окончательную форму приобрело важнейшее звено в политике, запланированной Аденауэром. Но одновременно ФРГ, к сожалению, потеряла традиционные связи и дружбу со странами арабского региона.

* * *

После ужесточения боевых действий во Вьетнаме прошло всего несколько месяцев, когда в Индонезии власти вскрыли, что зреет государственный переворот, который готовился коммунистами. В частности, ими были созданы специальные вооруженные группы для молниеносного захвата и ликвидации большинства старших офицеров, чтобы обезглавить армию, основную силу государства, и лишить ее руководства. Так коммунисты рассчитывали решить долготное противостояние с вооруженными силами в свою пользу. Для достижения этой цели заговорщики собирались использовать нерешительность президента Сукарно, который уже долгое время пытался избежать применения силы при выяснении спорных вопросов между армией и коммунистической партией и, балансируя, сохранить мир в стране.

В действительности дела обстояли еще хуже. Некоторые факты свидетельствовали, что Сукарно втайне делал благое дело для китайских коммунистов, стоявших за спиной индонезийских товарищей. Те пообещали президенту, что он, если путч удастся, возглавит Народную Республику Индонезию. На самом же деле Пекин собирался предложить

этот пост лидеру Индонезийской коммунистической партии Айдиту, а Сукарно убрать.

В ночь с 30 сентября на 1 октября 1965 года особые команды коммунистов в соответствии с планом жестоко расправились с группой высших офицеров. Однако широко задуманная попытка переворота не удалась, так как другие акции были сорваны. В результате пользовавшийся популярностью народа главнокомандующий вооруженных сил страны генерал Насутион и нынешний глава государства генерал Сухарто во главе оставшихся верными правительству войск подавили попытку государственного переворота.

Особо следует упомянуть, что среди убитых высших офицеров было двое истинных друзей Германии — командующий сухопутными войсками генерал Джани и бывший в течение ряда лет и высоко нами ценившийся военный атташе в Бонне бригадный генерал Панджаитан.

Наша служба, использовав отличные источники, проинформировала правительство не только своевременно, но и подробно о событиях тех дней в далекой Индонезии. Успех индонезийской армии, которая в последующем запретила коммунистическую партию, решительно и настойчиво преследовала ее членов, по моему мнению, оценивается до сих пор еще недостаточно высоко.

* * *

Последний год моего руководства службой ознаменовался еще одним успехом, отмеченным не только в стране, но и за рубежом, причем с редким единодушием и признательностью. В своем докладе я за несколько дней до начала боевых действий на Ближнем Востоке подчеркнул: в первых числах июня следует ожидать, что израильтяне нанесут превентивный удар по Египту. А это означало начало новой ближневосточной войны. Мы были настолько уверены в неизбежности такого развития событий, что поставили об этом в известность группу депутатов бундестага, находив-

шихся в то время в Пуллахе. Позже они откровенно признались, что посчитали нашу оценку развития событий и обстановки с неизбежным выводом о предстоящей войне чересчур «пессимистической»: мы, мол, изображаем положение дел в мрачном свете.

Этот прогноз ФРС — типичный образец конечного продукта деятельности разведслужбы, результат тесного взаимодействия подразделений по добыче разведывательной информации и ее обработке.

А о том, что этот прогноз, несмотря на всесторонний анализ, был все же рискованным, свидетельствует следующее обстоятельство: дружественные нам западные разведывательные службы в то время не располагали достаточной информацией о назревавшей схватке израильтян с арабами. Даже ЦРУ, имевшее отличные связи с израильской разведкой, было, по-видимому, убеждено, что США удастся предотвратить возникновение вооруженного конфликта.

Подготовку египтян к войне мы начали проследживать сразу же после визита Громыко в Каир в период с 29 марта по 2 апреля. Из поступавшей информации следовало, что он и не собирался приглушать воинственные голоса в арабском лагере. Наоборот, некоторые сведения указывали на то, что советский министр иностранных дел в своих беседах с Насером не стал открыто ссылаться на соотношение сил, которое приводилось в аналитических обзорах советской разведывательной службы. Речь там шла о том, что арабам не удастся противостоять качественному превосходству израильских вооруженных сил. Остается загадкой, почему Громыко не охладил воинственные намерения арабских лидеров, а, наоборот, даже побудил их усилить военные приготовления.

Израильская разведка «Моссад», которая за двадцать лет своего существования превратилась в одну из самых эффективных разведывательных служб мира, оказалась и на этот раз на высоте. С большой точностью она вскрыла военные приготовления в пограничных арабских странах и

представила своему военному руководству ценные сведения, которые позволили определить наиболее целесообразное использование израильских вооруженных сил. Израиль принял решение нанести своими отлично оснащенными и подготовленными военно-воздушными силами превентивный удар, чтобы упредить нападение арабов.

Точные данные, представленные разведкой, позволили израильскому верховному командованию неожиданно ударить со стороны моря по важнейшим египетским аэродромам и уже в первый же день (5 июня 1967 года) почти без всякого противодействия уничтожить на земле большое число стоявших в готовности самолетов. Последовавшие вслед за этим концентрированные танковые удары на главном направлении закрепили начальные успехи и предрешили судьбу арабских противников. Израильцы добились победы в ходе «молниеносной войны», длившейся всего шесть дней. Такого успеха можно было бы ожидать, с учетом военно-технического развития последних лет, только при применении атомного оружия.

После прекращения военных действий, достигнутого в результате вмешательства великих держав, Израиль удержал оккупированные им арабские территории, чтобы гарантировать подписание мирного договора. В то же время Советы взяли на себя обязательство не только восстановить потерпевшим арабским странам материальные потери, но и поставить им достаточное количество современного оружия. В результате Советский Союз укрепил свое влияние в Египте. В свете этих событий следует вспомнить о визите туда Громыко за несколько недель до начала войны. Видимо, советское дипломатическое ведомство и разведка Кремля недостаточно информировали египетское правительство о реальном положении дел и не предупредили арабов своевременно. Скорее всего, Москва рассчитывала, что, потерпев поражение, они будут вынуждены пойти на любую форму зависимости и Советский Союз во всех случаях окажется в выигрыше, как бы ни закончилась арабо-израильская война.

Несколько тысяч советских военных советников и технических специалистов были направлены в Египет. Гордые и националистически настроенные арабы приветствовали их на своей земле скорее как помощников, а не друзей. Между иностранными инструкторами, высокомерие которых вызывало лишь проклятия, и их учениками постоянно происходили трения и ссоры. Сам Насер и высшие египетские офицеры восприняли свое поражение как позор, а советскую опеку — как оскорбление собственного достоинства.

Мир на Ближнем Востоке полностью еще не обеспечен. Поэтому внимание мировой общественности в ближайший период будет приковано к этому кризисному району. ФРС с самого начала уделяла много времени и сил Ближнему Востоку. Так было при мне, и эта линия продолжается до настоящего времени.

ОСОБЕННОСТИ ЗАПАДНЫХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СЛУЖБ

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

«Узнать о будущем нельзя ни от богов, ни от демонов; нельзя этого сделать и копируя настоящее путем измерений и расчетов. О противнике же узнать можно с помощью человека.

Для этого используются пять категорий шпионов: шпионы из числа местных жителей; шпионы, находящиеся в стане противника; шпионы-маршрутники, засылаемые к противнику и возвращающиеся назад после выполнения задания; шпионы, идущие на смерть, и шпионы, приносящие жизнь.

Если будут задействованы все эти пять видов шпионов, никто не сможет узнать, каким путем получены сведения. И назовут это божественной тайной. И станет она самым ценным сокровищем властителя.

Правитель должен лично руководить работой шпионов. Возвращающиеся после выполнения задания шпионы дают ему возможность познать противника. Поэтому правитель должен быть с ними особенно щедр».

Это — цитата из трактата о военном искусстве Сунь-цзы. Жил он с 550-го до 479 года до Рождества Христова. Его трактат — самый древний теоретический труд по военному искусству, на 130 лет старше «Анабазиса» Ксенофена. То есть относится примерно к временам битвы под Фермопилами, исход которой был решен в пользу персов из-за предательства (кстати, предательство — негативная сторона шпионажа).

Труд Сунь-цзы прокомментирован не одним десятком военных авторитетов, высказывания которых наряду с положениями автора до сих пор могут быть руководством в том, что касается задач, структуры, организации и управления службы внешней разведки. Поэтому разведку по праву называют одним из старейших видов государственной деятельности.

Общим для всех старых рассказов о деятельности лазутчиков, разведчиков и шпионов, а также получении и сборе разведывательной информации является то, что эта деятельность рассматривается как нечто необходимое и само собой разумеющееся. Незаслуженную репутацию «сомнительного занятия» разведка приобрела в результате того, что ее без всякого на то основания стали тесно увязывать с предательством. Измена родине, в отличие от государственной измены, всегда рассматривалась как позорное деяние.

Мой личный опыт привел к пониманию того, что, с одной стороны, следует быть весьма осторожным с проклятиями, а с другой — нужно, по мере сил и возможностей, помочь устранить такие эпитеты, как «сомнительная» и «двуличная», которые столь часто связывают с разведывательной службой. Измена родине и шпионаж рассматриваются в каждой стране как преступления, заслуживающие сурового наказания. Мне приходилось сталкиваться, как я упомянул, со случаями предательства в собственных рядах. Я предпринимал все возможное, чтобы досконально разобраться в происшедшем и усилить меры безопасности. Конечно, я понимал, что полностью исключить измену в нашей службе, видимо, не удастся, но принять меры к ее предупреждению, помешать изменническим действиям нужно было обязательно.

Естественно, случаи предательства и шпионажа должны предотвращаться и строго наказываться, так как они нарушают безопасность любого государства.

С юридической точки зрения, лица, представшие перед судом как предатели, а также уличенные в шпионаже, не могут рассчитывать на милосердие судей. Они должны нести ответственность за свои деяния, независимо от того, поступали ли так из идейных соображений или же из-за корысти. Одна-

ко мой жизненный и профессиональный опыт приводит меня к выводу: следует весьма осторожно подходить к моральному осуждению таких случаев, даже в недавней истории. Ведь мотивы, побудившие людей к подобным действиям, играют решающую роль и абсолютно не зависят от юридической оценки. Деяние, совершенное из идейных убеждений, независимо от того, идет ли здесь речь об интересах противника или же нашего государства, не заслуживает, какими бы ни были его последствия, нравственного осуждения. А в таком случае не только Олег Пеньковский, но и другие лица, приговоренные коммунистическими режимами к строгим и даже высшей мере наказания, могут заслужить наше признание и симпатии.

С учетом этого следует оценивать и деятельность советских шпионов, например Клауса Фукса, Розенбергов, Зорге и других. Они сознавали, что совершают деяния, заслуживающие наказания, но тем не менее продолжали действовать, исходя, насколько я могу судить, из своих коммунистических убеждений. Лично я рассматриваю коммунизм как смертельную опасность и полностью отрицаю его основы. Тем не менее надо расценивать по-разному, подвергают ли люди свою жизнь опасности из идейных убеждений или же ради наживы и корыстолюбия. Первые — наиболее опасны; большинство работает длительное время, пока не попадает в поле зрения контрразведки. Однако нравственный критерий не должен оказывать влияния на юристов.

Я написал о своих размышлениях, чтобы способствовать устранению предвзятости в отношении разведывательной службы. Ведь сколько людей, желая выполнить свой долг перед народом и предотвратить агрессию тоталитарной коммунистической системы, рискуют своей безопасностью, здоровьем и даже жизнью в интересах Федеративной Республики.

* * *

Об истории разведки написано много. Поэтому я не буду вдаваться в подробности прошлого. Утверждают, что разведка в древности, в Средние века и в более поздние времена,

вплоть до современности, служила главным образом военным целям. Такая оценка, по моему мнению, неправильна, так как против нее говорит хотя бы тот факт, что, не считая Византии, после распада великой Римской империи в шестом веке после Рождества Христова, то есть в течение почти 900 лет, не было регулярных армий, против которых был смысл заниматься шпионажем. Исключение составляли разве что периоды напряженности отношений между странами, нечто вроде нынешней «холодной войны». Разведка, которая в те стародавние времена, о чем свидетельствуют дошедшие до нас документы и исторические хроники, служила в основном политическим целям. Не было, разумеется, еще четкой организации шпионажа, но управлялся он централизованно из канцелярий королей и князей, так, как это рекомендовал Сунь-цзы. Нам известно, что французский король Людовик XI (правил в 1461—1483 годах), нарушив положение о привилегиях родовитого дворянства, создал одним из первых на Европейском континенте постоянную, правда, небольшую армию (шотландские лучники) и многочисленную агентурную сеть в важнейших городах Европы. Агенты выполняли две задачи: собирали секретные сведения и вели среди населения разных стран, выражаясь современным языком, подрывную профранцузскую пропаганду. Таким образом, даже так называемый агент по психологическому воздействию или влиянию не является изобретением наших дней. Один такой лазутчик по кличке Дурной, родом из Гента, возвысился до тайного секретаря короля. В книге «Сатана» Роберта Ноймана, пользовавшейся большим успехом в двадцатых годах, описаны похождения этого агента (правда, автор сильно преувеличил его историческую роль).

Другие европейские монархи, особенно английские короли, поступали так же, как Людовик XI. А Фридрих Великий, король Пруссии, содержал в европейских королевских и княжеских дворах, наряду с официальными дипломатическими представителями, и секретных агентов, докладывавших ему о положении дел, независимо от аккредитованных посланников. Впрочем, в Средние века и в начале периода

современной истории нередко отмечались случаи тайного сбора разведывательной информации политического характера. Это относится прежде всего к итальянским городам-государствам Венеции и Генуе, создавшим тайные службы.

Секретные донесения дипломатических представителей и иных эмиссаров по своему содержанию, форме, а зачастую и технике исполнения (использование шифров и симпатических чернил) можно по праву рассматривать как продукцию первых секретных служб, из которых выросли современные разведки. Надо сказать, что у Великобритании, как и у упомянутых приморских городов-государств, тоже богатые традиции тайной добычи разведывательных сведений. Начало их прослеживается около 600 лет назад. Островное положение королевства ограничивало сообщение и транспорт, являвшиеся основными путями получения информации. По-видимому, это обстоятельство и побудило английскую корону обеспечить себе поступление дополнительных сведений с мест событий любыми возможными способами. В этих целях использовались прежде всего высокопоставленные лица, имевшие связи со знатью континентальных государств, что облегчало доступ к источникам информации.

Как и во многих других областях жизни английского общества, традиции в британской разведывательной службе остались неизменными до сих пор. Я полагаю, что именно по этой причине британская секретная служба не самая многочисленная в Европе. Зато она одна из наиболее работоспособных и эффективных. Сравниться с ней могут лишь разведывательные службы США и Израиля. Для британской разведки характерна минимальная прослойка бюрократии. Может быть, именно из-за этого Секрет интеллидженс сервис — Секретная разведывательная служба — пользуется большим доверием парламента и правительства. Ее проблемы рассматриваются с величайшим тактом, и общественности неизвестна даже фамилия ее шефа. Секретность соблюдается, естественно, и английской прессой — будь то газеты, рассчитанные на массового читателя, или серьезные издания, ориентированные как на лейбористов, так и на консер-

ваторов. В связи с этим необходимо упомянуть о так называемых бюллетенях Д, предназначенных для ориентации средств массовой информации: публикация каких материалов нежелательна правительству. На сей счет между правительством и изданиями заключено специальное соглашение. И пресса выполняет взятые на себя обязательства. Возможно ли такое у нас?..

* * *

Многие авторы посвятили свои труды истории немецкой разведки. Среди них полковник в отставке Николаи — начальник германской разведслужбы периода Первой мировой войны — и доктор Герт Буххайт. Становление других секретных служб европейских государств не сильно отличается от немецкой разведки, если не считать того, что она у себя дома была вынуждена бороться с недооценкой своей значимости и сталкиваться с фактами невнимания к себе. В этом отношении ее можно сравнивать с разведывательными службами США в период между обеими мировыми войнами.

Первая мировая война показала, что роль разведки по сравнению с недавним прошлым значительно возросла. В эпоху, когда война, охватив все сферы общественной жизни, поставила в качестве главной задачи полный разгром противника, военная цель, говоря словами Клаузевица, возвысилась до цели политической. Теперь было недостаточно вскрывать в первую очередь военные секреты, все больший интерес проявлялся к своевременному получению сведений о внешней политике противника, его экономическом потенциале, психо-политическом состоянии армии и населения, другими словами, воле к победе и других политических факторах.

Рассмотрим пример времен Первой мировой войны. Установлено, что верховное немецкое командование не получило сведений, насколько низко упало настроение во Франции после неудавшегося наступления французских войск в 1917 году. Точные данные о критическом положении в этой стране, возможно, побудили бы наше командование к насту-

пательным операциям на Западном фронте, вместо того чтобы активизировать действия на второстепенном театре военных действий в Италии и организовать переброску Лени-на из Швейцарии в Россию. В результате Франция получила столь необходимую передышку. С другой стороны, союзники были хорошо осведомлены о настроениях народа в Германии. Они правильно оценили крупнейшую забастовку рабочих заводов по производству боеприпасов и выступление военных моряков как свидетельство ослабления воли немецкого народа и его нежелания вести дальше войну, и отклонили наши мирные инициативы в 1917 году. Не имея союзники разведывательных сведений, дело могло бы выглядеть совсем иначе.

Во всяком случае, Первая мировая война показала со всей очевидностью, что в области разведки необходимо добиваться если не единого руководства всей деятельностью, то, по крайней мере, хорошо скоординированной работы во всех направлениях. В Великобритании такая практика существовала уже до войны. Во Франции координирующая функция была возложена на «второе бюро» генерального штаба. Германии же по Версальскому договору было запрещено создавать собственную разведывательную службу. Оставили лишь военную контрразведку — абвер. Берлин попытался выйти из положения, насколько это было возможно, путем создания высокоэффективного абвера, начальниками которого были последовательно Гемп, Патциг и Канарис.

Период между обеими мировыми войнами и особенно второй мировой вооруженный конфликт подтвердили эти выводы. Они были дополнены опытом, полученным союзниками в результате совместной деятельности и нами, немцами, в ходе контрразведывательных мероприятий против Советов. В итоге к сфере деятельности разведывательных служб стали относить диверсии и контрдиверсионные мероприятия, психологические акции и меры против них.

Разведка берет на себя большую ответственность, передавая правительству полученные ею данные. Особенно, если речь идет о таких объектах, как коммунистические государ-

ства. Наши аналитики должны обладать глубокими знаниями всех сторон жизни в советском блоке. Важную роль играют вопросы: насколько сильно влияет идеология на деятельность коммунистических правительств; в какой степени она используется лишь как «дымовая завеса»; как коммунистическая партия воздействует на внешнюю политику. Хочу подчеркнуть, что сотрудникам разведслужб нельзя подходить со своими, западными, мерками к действиям противника. Иначе они непременно придут к ложным выводам.

Само собой разумеется, правительство должно быть заблаговременно обстоятельно и возможно точнее проинформировано о том, с чем ему необходимо считаться и чего ожидать. Исключительно важно при этом указывать точное время, когда будет проводиться операция. Упреки, что служба, мол, вновь оказалась не на высоте, связаны в большинстве случаев с событиями, явившимися неожиданными для широкой общественности. Ведь, по сути дела, разведывательные сообщения и оценка политических и отчасти военных вопросов — это специальный прогноз, который может оправдаться, а иногда и нет. Более того, каждая политическая или военная акция подразделяется, как правило, на три части. Первая часть — принятие решения о проведении акции, вторая — ее подготовка и третья — выполнение. Разведывательная служба в большинстве случаев может распознать лишь вторую часть, то есть период подготовки, и по визуальным данным сделать выводы о ходе акции и окончании подготовительного периода, о чем и доложить.

Конечно, бывают и так называемые звездные часы, когда разведке крупно повезет и ей удастся выявить готовящуюся акцию еще в стадии решения или узнать дату ее начала. Например, Федеральная разведывательная служба была в состоянии своевременно доложить правительству о решении Хрущева сорвать в 1960 году встречу в верхах. Но подобные случаи поистине дар фортуны. И не они определяют ценность разведки. Главное в разведывательном деле — это достоверность, высокое качество информации и непрерывность ее поступления. Только это — гарантия того, что пра-

вительство, для которого работает разведслужба, будет в состоянии своевременно принять правильное решение.

Ценность разведывательного прогноза состоит не только в том, сбудется ли он на самом деле. Вполне возможно, что изложенные в донесении планы противника действительно имели место в период, когда были получены эти сведения. Однако затем от этих намерений отказались, хотя бы потому, что они получили огласку. Так, в конце октября 1940 года в руки бельгийцев попали документы о запланированном Гитлером на 12 ноября наступлении против западных держав. Фюрер был вынужден изменить свои планы. К сожалению, более часто происходит обратное: высшее руководство уделяет сведениям разведки недостаточно серьезное внимание, так как они не вписываются в ту картину положения дел, когда желаемое принимается за действительное. Кое-что из своего опыта, касающегося подобных случаев в период войны, я описал в первой главе — наступление русских в ноябре 1942 года с целью окружения сталинградской группировки наших войск и операция «Цитадель».

* * *

Деятельность секретной службы в представляющих для нее интерес государствах ныне охватывает следующие сферы:

- внешнюю политику,
- внутреннюю политику,
- настроения населения,
- военный потенциал,
- экономический потенциал (прежде всего военно-технический),
- уровень науки и техники.

К этому добавляются и другие задания и поручения, в зависимости от того интереса, который представляет та или иная держава. Разведывательные службы государств с коммунистическим режимом, например, располагают крупными структурами для активного воздействия на политическое сознание населения Запада. Они не имеют ничего об-

щего с имеющимися там партийными и государственными отделами «агитпропа» — они их просто дополняют. И нужно отметить: до сих пор эти структуры действовали довольно успешно во всех западных странах, включая Федеративную Республику. В круг задач разведывательных служб входят также контршпионаж и мероприятия по обеспечению собственной безопасности.

Организация разведслужб должна соответствовать поставленным перед ней задачам: добывать информацию, обрабатывать ее и оценивать. Этим задачам подчиняется все остальное, в том числе и управление, которое должно создать необходимые предпосылки, чтобы служба была свободна от бюрократических препон и действовала с максимальной эффективностью.

Разведка принципиально отличается от других государственных служб, в которых, например в министерстве финансов, министерстве внутренних дел и других, главенствующую роль играют управленческие и регулирующие функции. Следует иметь в виду: для разведывательных служб, как и для вооруженных сил, чрезмерная бюрократия неминуемо приведет к значительному снижению их эффективности и в конечном счете к полному параличу их деятельности. Не допустить такое — одна из главных задач руководителя службы.

Учитывая все это, западные разведывательные службы с санкции своих правительств несколько лет назад заменили управленческий персонал, работавший до того в других государственных структурах и не имевший разведывательного опыта, на специально подготовленных сотрудников.

Следующую проблему, что касается организации разведывательных служб, представляет собой соотношение между эффективностью и безопасностью. Разведывательная работа требует строгой секретности. Она ведется скрытно. Отсюда — необходимость отказа от принятой в других государственных структурах, на этот раз включая и вооруженные силы, так сказать, «прозрачности» их организации и деятельности. В качестве основного принципа можно сформу-

лизовать следующее: если любая другая организация имеет четкую структуру, которую можно найти в любом справочнике, и всем известно, чем занимается ее персонал, то построение разведывательной службы, равно как и обязанности ее сотрудников составляют государственную тайну. Следует иметь в виду: если разведывательная служба будет «прозрачной» для постороннего глаза, то противник очень скоро изыщет возможности для проникновения в нее.

Для работы за рубежом ни в коем случае нельзя использовать крупные подразделения. Как показывает опыт, целесообразно иметь большее количество небольших оперативных групп или резидентур, численностью не более десяти человек. Не говоря уже о том, что многочисленные разведывательные структуры недостаточно гибки, небольшие подвижные группы обеспечивают еще и большую безопасность: внимание и потенциал противника распыляются. К тому же их содержание обходится значительно дешевле. Кроме того, зарубежный аппарат разведывательной службы должен постоянно медленно, но планомерно подвергаться изменениям, в результате чего данные, полученные противником вчера, завтра окажутся для него бесполезными. Это, конечно, стоит денег, но на безопасности и маскировке экономить никогда не следует. По этим же причинам нужно избегать прямой связи Центра с разведывательными группами: они должны выходить на промежуточные, хорошо замаскированные подразделения.

Тщательно разработанная система безопасности должна охватывать все подразделения разведки. Только так можно быть уверенным в том, что провалов не будет, или, точнее, что они будут сведены до минимума.

СРАВНЕНИЕ РАЗВЕДСЛУЖБ СТРАН НАТО

Правительства наших союзников, прекрасно понимая важность затронутых вопросов, предоставили руководителям своих разведывательных служб полную свободу дейст-

вий в построении и структуре аппаратов, в способах и методах выполнения поставленных задач. В качестве примера можно привести, как это делается у американцев. Я не разглашаю никакой тайны, так как приводимые мною сведения опубликованы во многих газетах, журналах и книгах, а также в законодательных актах по этим вопросам.

История современной американской разведывательной службы начинается фактически со Второй мировой войны. До тех пор, не считая периода Первой мировой войны, она влачила жалкое существование и состояла из нескольких небольших структур — в армии (армейская разведка), на флоте (управление морской разведки) и при госдепартаменте (бюро разведки и исследований). Персонал их состоял из небольшого числа офицеров, чиновников и гражданских служащих. Во время Второй мировой войны с энергичной помощью британских союзников было создано Управление стратегических служб (УСС) во главе с генералом Уильямом Донованом (получившим прозвище Дикий Билл). К концу войны управление насчитывало около 12 тысяч человек и координировало деятельность других разведслужб США. Аллен Даллес возглавлял в Швейцарии европейское бюро УСС. Заслугой управления можно считать то, что оно своевременно распознало значение науки и техники для современной разведки и умело использовало их достижения в своей деятельности.

После войны УСС ликвидировали, но вскоре стала ясна необходимость координации деятельности различных спецслужб, включая ФБР, с тем чтобы не только избежать параллелизма и даже антагонизма в их работе, но и создать условия для сотрудничества. Это произошло в 1947 году, когда был принят «Закон о национальной безопасности», в котором предусматривалось создание Центрального разведывательного управления (ЦРУ), а также Совета национальной безопасности (СНБ), в котором председательствовал сам президент. Совет должен был консультировать главу США по всем вопросам внешней и внутренней безопасности. СНБ включал президента, вице-президента, государственного секретаря, министра обороны, директора управ-

ления чрезвычайной готовности. Директор Центрального разведывательного управления и председатель Комитета начальников штабов были его постоянными советниками. Кроме того, президент, с согласия сената, мог назначать других руководящих должностных лиц членами СНБ или привлекать их к работе совета на временной основе.

Что касается Центрального разведывательного управления, являющегося по сути дела службой внешней разведки США, то его директора назначает президент с согласия сената. Директором может быть либо кадровый офицер вооруженных сил, либо гражданское лицо. Оклад директора установлен этим же законом.

Директор ЦРУ, входящий в состав Совета национальной безопасности, уполномочен координировать работу всех организаций и служб, ведущих разведывательную работу или получающих какую-либо разведывательную информацию. В отличие от инструкций, которыми руководствуются все остальные государственные структуры, он сам принимает на работу и увольняет сотрудников, определяет организационную структуру управления и отделов и их штаты, устанавливает оклады (единственное ограничение: они не должны превышать его собственный). ЦРУ не касаются указы, распоряжения и инструкции высших властей, которые обязательны для гражданских учреждений. Оно имеет собственные контрольные органы.

Почему директор ЦРУ, впрочем как и руководители других крупных разведывательных служб, получил такую большую самостоятельность? Да потому, что руководить деятельностью разведывательной службы начальник может без помех только тогда, когда обладает свободой действий в кадровых и финансовых вопросах, а также в разработке ее организационной и управленческой структуры. А это значит, что ему должно быть предоставлено право решения кадровой политики, назначения на должности и использования денежных средств по собственному усмотрению, исходя из поставленных перед ним правительством задач. Это же касается проблем управления и организации разведки.

Положения «Закона о национальной безопасности» в отношении ЦРУ свидетельствуют о том, что американцы пришли к убеждению о необходимости предоставить службе внешней разведки столь большую свободу действий, чтобы обеспечить максимальную эффективность разведывательных усилий. В Белом доме рассчитывали не только догнать британскую секретную службу, являющуюся образцом для всего западного мира, но и превзойти ее.

* * *

Задача обеспечения безопасности внутри разведывательных служб, пожалуй, одна из самых ответственных и щекотливых. Разведывательная деятельность должна проводиться тайно. Это незыблемое правило. Как и то, что сотрудники разведки обязаны тщательно скрывать свою принадлежность к этому учреждению. Офицеры аппарата безопасности придерживаются этих правил еще более скрупулезно. Их работу можно заметить тогда, когда проваливается разведывательная операция. Успехи же службы безопасности, предотвратившей провалы и предательства для разведки в целом, как это ни звучит парадоксально, означают крупные недостатки в ее деятельности: значит, были слабые места, значит, персонал допустил нарушения действующих инструкций и приказов. Случай с Фельфе, на котором я еще остановлюсь, — отличный пример, иллюстрирующий, какую массу проблем приходится решать службе безопасности. Надо сказать, что ее отлаженная работа оказывает положительное влияние на эффективность деятельности всей разведслужбы и в особенности на подразделения, занимающиеся подбором и подготовкой кадров.

Службу безопасности можно назвать разведкой в разведке. Ее девиз — верность долгу и бескорыстие. От сотрудников, занимающихся вопросами безопасности, требуется самоотдача и вдохновение. Они должны не только справляться со своими обязанностями, но делать больше, чем это требуется формально.

Рассматривая проблематику современных разведывательных служб, я коснулся лишь некоторых основных вопросов. И надо сказать, далеко не всех. Но даже если то, о чем я рассказал читателю, не будет выполняться, служба, возможно, еще какое-то время продержится, работая вхолостую, как бюрократическая структура. Однако отдача от нее, даже если противнику и не удастся в нее внедриться, будет все меньше и меньше, оценка обстановки станет поверхностной из-за отсутствия объективной информации, и финансовые расходы не оправдаются. Вот какое убеждение у меня сложилось за 26 лет службы в разведке.

Во всем западном мире крупные службы внешней разведки представляют собой структуры, зависящие только от глав государств или премьер-министров и им подотчетные. Причем структуры эти, как правило, хорошо организованы и имеют тщательно подобранный и проверенный персонал. В США, Англии и Франции разведывательные органы непартийны. Они не подлежат реорганизации и обновлению при смене правительств, независимы от других государственных ведомств, самостоятельно решают вопросы своей безопасности. Но вольно или невольно их деятельность объективно оказывает влияние на расстановку политических сил в своих странах.

Все государства, обладающие опытом в области внешней разведки, в особенности Великобритания и США, знают, что смена руководства этих служб приводит, по крайней мере на время, к снижению их эффективности. И особенно в тех случаях, когда к руководству разведкой приходят люди, не имеющие достаточного опыта работы в этой специфической области. Дело в том, что большой стаж работы в других государственных ведомствах и организациях далеко не достаточен для того, чтобы занять здесь высокий пост. Внешняя разведка — это, в сущности, научно-исследовательский институт особого рода, где трудятся высококвалифицированные специалисты, в задачу которых входит получение — на основе сбора соответствующих фактов и данных — ясной и

четкой картины о политических и военных планах, экономическом потенциале и уровне научно-технического развития, будь то противника или партнера. Мне, например, известно, что один из западных премьер-министров при вступлении в должность в 1964 году, в качестве одного из первых своих шагов, провел целый день в штаб-квартире внешней разведки, чтобы получить представление о положении в мире на основе данных этой службы. Этот один из многих примеров свидетельствует об исключительном значении, которое придается правительствами внешней разведке.

Многие государства — Германия не входит в их число — используют свои разведывательные службы для дополнения результатов деятельности дипломатических ведомств. Во всем мире молчаливо признают: тайная деятельность разведывательных служб официально во внимание не принимается, поэтому, в случае необходимости, любая шпионская операция может отрицаться. Некоторые государства, пользуясь этим, зондируют щепетильные вопросы, которые впоследствии будут рассматриваться на дипломатическом уровне, предварительно с помощью своих разведывательных служб. Однако, чтобы сделать такой ход, нужно, чтобы разведывательная служба занимала достойное место в государстве, чтобы ее шеф обладал соответствующей свободой действий, а личный состав соответствовал самым высоким требованиям, особенно в качественном отношении.

Конечно, разведслужба может подчиняться премьер-министру или даже специально назначенному министру, не имеющему специальных знаний. Но в таком случае речь пойдет о подчинении лишь в политическом плане. Что же касается руководства разведкой во всех других сферах ее деятельности — оперативной, аналитической, организационной, финансовой, хозяйственной, — то все это должно быть исключительной прерогативой ее шефа.

Еще одним признаком уважения, с которым относятся к разведывательным службам во многих государствах, является их финансовое обеспечение. У наших союзников пре-

дусмотрено выделение средств на разведку в среднем в размере 4 — 5 процентов от расходов на оборону и вооружение, у американцев эта сумма значительно выше. Следует, однако, заметить, что качество разведывательных операций, их успешное выполнение зависит не только от размера выделенных денежных средств, но в первую очередь — от уровня подготовки и работоспособности персонала и руководства службой.

Полагаю, что не выдам тайны, если скажу: ассигнования, выделявшиеся Федеральной разведывательной службе в период моего руководства ею, находились в указанных выше пределах. И хотя я и сам в интересах налогоплательщиков всегда выступал за максимально возможную экономию средств и никогда не выдвигал завышенных требований, все же у тех, кто в конечном счете решал вопрос о финансировании службы, часто не хватало элементарных знаний о ней и понятий о характере ее деятельности.

СОТРУДНИКИ РАЗВЕДКИ

В этой книге много говорится о сотрудниках разведки. Мне хотелось показать, как, несмотря на трудную обстановку, они прилагали максимум усилий, чтобы добиться успеха.

Значение роли сотрудников разведки иллюстрируется следующим афоризмом: «Каждая разведывательная служба хороша настолько, насколько хороши ее сотрудники». В этих словах содержится не только верная констатация, но и требование. Поэтому я перефразировал высказанную мысль: «Эффективность разведывательной службы зависит от людей, которые в ней работают, от того, как они переносят тяготы службы и способны к самоотдаче».

Люди очень часто представляют себе сотрудников разведывательных служб как шпионов из приключенческих романов. Не избегли такой участи и мои сослуживцы. Удивительно лишь то, что подобного стереотипа придерживаются

не только любители шпионских фильмов и читатели остро сюжетных детективов, но и люди, которые в общем-то рассуждают здраво, однако не могут освободиться от подобных неверных представлений.

Конечно, нельзя недооценивать и не учитывать того влияния, которое оказывают на общественность такие киноленты и шпионские романы. Начиная с фильмов о Джеймсе Бонде и кончая лентой «Шпион, пришедший с холода», на зрителя как из рога изобилия извергаются кинотелепродукция и печатные издания, проповедующие страх и ужас, жестокость и насилие. Они вызывают острые ощущения и щекочут нервы, но этим и ограничиваются. Лишь отдельные фильмы и книги поднимаются выше этого примитивного уровня, однако их читает небольшой круг людей. Среди таких лент особого внимания заслуживает «Канарис» с О. Хассе в главной роли: его содержание, художественное воплощение и игра актеров убедительны и близки к истине.

Агент с чемоданом, в котором двойное дно, и бесшумным пистолетом — так изображают чаще всего удачливое «супершпиона» в выдуманных и часто просто фантастических историях, положенных в основу сценариев и литературных сюжетов. Плюс красивые шпионки, без них, конечно, дело не обходится. К тому же еще чернила для тайнописи, тайники, подслушивающие устройства и другие технические средства, которыми напичканы шпионские фильмы и литературные поделки. На самом деле всамделишные агенты ими, как правило, не пользуются, и в разведке они — лишь вспомогательные средства, не более того.

Отрицательную роль играют публикуемые лжемемуары и другая «разоблачительная литература», которые несведущие люди принимают за «документальное» подтверждение существования таких «супершпионов». Все это, как правило, стопроцентное вранье. В связи с этим мне вспоминается книга Гордона Лонсдейла (советского агента Конона Молодого), срочно выпущенная в свет КГБ, как только Советам стало известно о намерениях американцев опубликовать записки Пеньковского. Вряд ли нужно доказывать, что

подобные манипуляции преследуют совсем иные цели, а не поиск исторической правды.

В еще большей степени это касается книг и брошюр, изданных в коммунистических странах, в которых рассматривается деятельность западных разведывательных служб. Хочу подчеркнуть, что в наиболее концентрированном виде искажения и ложь характерны для продукции пропагандистских органов советской зоны оккупации, но по определенным причинам я не буду подробно на этом останавливаться. Я уже говорил о том, что такие пропагандистские книжонки в течение ряда лет преследовали цель путем систематического распространения инсинуаций о нашей службе вызвать недоверие к ней у общественности и воспрепятствовать ее переходу под юрисдикцию федерального правительства. Тем более непонятно, почему печатные органы ФРГ публикуют почти дословно целые пассажи из этих памфлетов, в том числе и в виде серии очерков в журналах с перепечаткой сфабрикованных снимков.

«Документальные» опусы «Серая рука», «Тайное становится явным» и «Кто есть кто в ЦРУ», публикуемые Юлиусом Мадером в Восточном Берлине, — типичные примеры тенденциозных изданий, лживость которых в большинстве случаев легко доказуема. Вряд ли есть необходимость останавливаться на них. И все же я рассмотрю один из случаев, не касающийся нашей службы, лишь потому, чтобы показать во всем объеме разнообразие фальшивок, видных, как говорится, невооруженным глазом даже неспециалисту. В брошюре «Кто есть кто в ЦРУ» приводится поименный список почти всего дипломатического персонала США с указанием, что все они будто бы сотрудники ЦРУ. При ближайшем рассмотрении становится ясным, что, за исключением нескольких всем известных руководителей главного американского разведывательного центра, офицеров ЦРУ в списках нет. Цель публикации очевидна: ошельмовать представителей дипломатической службы США в различных странах как «шпионов», чтобы дискредитировать государственный департамент и вашингтонскую администрацию в целом.

Когда мы говорим о сотрудниках разведывательной службы, то имеем в виду не только кадровых офицеров и служащих, как внутри страны, так и за рубежом, но и множество доверенных лиц и агентов из местных жителей, выполняющих разведывательные задачи в разных странах. Число информаторов и источников по различным вопросам столь велико, что попытка как-то объединить их по группам и направлениям не даст нужной картины. Да и само стремление свести всех в какую-то схему было бы ошибочным, поскольку мотивы их сотрудничества с нашей разведкой самые разнообразные. Для того чтобы эта категория сотрудников, больше всех рискующая собой, не оказалась, как говорится, в тени, я уже привел много примеров их деятельности. В большинство наших успехов они внесли свою лепту, и мы благодарны им. Добавлю лишь некоторые замечания.

Если в первые годы существования организации мы шли на сотрудничество только с доверенными лицами, проживавшими в странах противника и согласившимися сотрудничать с нами на идеологической основе, чтобы сделать свой вклад в дело борьбы с коммунизмом и тоталитарными режимами, то этот подход с течением времени изменился. Развитие событий и изменение обстановки в ГДР привели к сокращению числа лиц, готовых предоставить себя в распоряжение свободного Запада. Поскольку размах и объем задач нашей службы были увеличены, то к сотрудничеству стали привлекаться платные агенты-иностранцы. На мой взгляд, было правильно и то, что в работе доверенных лиц все большую роль стала играть материальная сторона. Все это, вместе взятое, привело к перестройке наших зарубежных связей.

Кроме доверенных лиц и агентов за рубежом, разведывательной службе необходимы связники и посредники внутри страны, предоставляющие себя в распоряжение службы добровольно, независимо от занимаемых ими постов. Я постоянно придерживался той точки зрения, что их чис-

ло никогда не будет слишком большим. При этом я учитывал пример англосаксов, но этого уровня в нашей стране достичь почти невозможно. В Англии, да и вообще в англосаксонских странах, считается само собой разумеющимся, что даже высокопоставленные лица предоставляют в распоряжение разведывательной службы попавшую к ним информацию, даже случайную, представляющую хотя бы самую малую ценность. Французы называют таких лиц «почетными корреспондентами», тогда как у нас их обозначают термином «особые связи». Тем самым деятельность таких добровольных помощников расценивается как почетное дело, заслуживающее всяческого признания.

Мое стремление опираться в работе на возможно более широкий круг таких лиц, представляющих различные спектры общественной жизни страны, строя наши связи лишь на доверии, порою расценивалось, сознательно или нет, как нанесение ущерба внутривластным интересам. О том, что для таких утверждений не было никаких оснований, не стоит даже и говорить. Любая разведывательная служба располагает особыми связями и обязательно должна их иметь, чтобы максимально использовать все возможности для получения секретной информации.

Когда представители печати заявляют, что разведка не должна быть чересчур секретной, что она должна свободно «просматриваться» общественностью и парламентом и что это якобы соответствует новым концепциям, то тут следует внести ясность. Я всегда старался привлечь на сторону организации возможно большее число друзей и сторонников, прежде всего из области журналистики, но разрешал им знакомиться с организационными вопросами и методами нашей работы лишь в определенных пределах, не переходя границ, за которыми «просвечивание» стало бы опасным. Секретная разведывательная служба не должна находиться в поле зрения общественности, за небольшим исключением. Я, например, в 1964 году предложил даже снять телевизионный фильм о нашей службе. Но так называемая «прозрачная» служба противоречит понятию секретности.

Термин «прозрачность» вызвал целую дискуссию, о нем много пишут и говорят. Считается, что прежние меры безопасности сейчас себя будто бы изжили и что необходимо полностью приравнять сотрудников разведслужбы к чиновникам, офицерам и служащим других федеральных и земельных ведомств. Каждому специалисту ясно, что требование «прозрачности» в отношении внешней разведки поставило бы под вопрос ее безопасность и эффективность работы, а поэтому оно неприемлемо. Британская Сикрет интеллидженс сервис лишь потому одна из самых эффективных разведок западного мира, что облечена доверием английского народа и что де-юре никто не имеет права знать о ее делах и совать в них свой нос, за исключением премьер-министра.

* * *

Рассказывая о становлении «Организации Гелена», я упоминал об обстоятельствах, в которых мы были вынуждены набирать штатный персонал. В то время, в особенности в первые послевоенные годы, было само собой разумеющимся, что будущего сотрудника непременно спрашивали о его общеобразовательной подготовке, знаниях и опыте работы, сведениях, которыми он располагал о коммунистических странах Восточной Европы. Но в особенности тщательно проверялась его пригодность к работе в разведке. Наряду с критериями безопасности и политической благонадежности эти вопросы позволяли сделать вывод о целесообразности принятия такого человека на службу. Политическая благонадежность устанавливалась в результате соответствующей проверки прошлой деятельности каждого. Результаты денацификации при этом учитывались лишь относительно, поскольку эта процедура проводилась поверхностно и не давала полного представления о людях. В качестве примера можно взять хотя бы довольно многочисленную группу бывших офицеров генерального штаба, ставших сотрудниками нашей организации, которые никогда не состояли в национал-социалистической партии и к которым предъявлялось обвинение по группам I

и II (сотрудники министерства обороны и ведущих управленческих структур вермахта). Некоторым из них пришлось довольно трудно, пока с ними не разобрались и они не получили штамп в удостоверении личности «ничем не отягощен» или «под действие закона не подпадает».

Чрезвычайно важное значение вопроса безопасности прежде всего при принятии на работу заставляет меня сделать еще несколько замечаний. При правильном проведении проверки можно еще до начала работы нового сотрудника выявить опасность, угрожающую ему самому, его семье и разведывательной службе. Если не удастся исключить или хотя бы свести эту опасность до минимума, от таких кандидатов приходится отказываться, даже если они обладают высокой квалификацией.

Одним из моих принципов, которого я твердо придерживался, был следующий: не принимать на работу людей, прибывших совсем недавно в Федеративную Республику из коммунистических стран. В пятидесятых и шестидесятых годах, еще до возведения Берлинской стены, эти мои указания касались в первую очередь беженцев и перебежчиков из советской оккупационной зоны, нынешней ГДР. Мы отказывали всем таким лицам, кто приходил к нам наниматься на работу, так как нельзя было исключить опасность того, что еще до переселения в ФРГ они могли быть завербованы разведкой противника. Нужно было также иметь в виду, что после некоторого периода проживания за Эльбой эти люди могли подвергнуться шантажу со стороны вражеской разведслужбы, которая, используя оставшихся в ГДР родственников и знакомых, привлекала бы их к сотрудничеству, а затем внедряла в нашу службу.

По этим же причинам мы не брали на работу, разве лишь за редким исключением, лиц из числа бывших военнопленных, возвратившихся в Федеративную Республику из Советского Союза или других восточноевропейских стран. И хотя в целом ряде случаев я лично пытался как-то смягчить их судьбу, мы постоянно получали подтверждения, что советская секретная служба незадолго до освобождения военнопленных часто пыталась угрозами и посулами склонить

их к разведывательной деятельности в свою пользу в Федеративной Республике. О силе характера и любви к родине немцев свидетельствует тот факт, что большинство офицеров, подвергавшихся такой обработке,отреагировали единственно правильным образом: они доложили об этом после своего возвращения соответствующим немецким органам.

Решение в отношении поступавших к нам на работу лиц из Федеративной Республики и западного зарубежья я во всех случаях без всякого исключения оставлял за собой.

Соображения безопасности побудили меня принимать на работу в «Организацию Гелена» только тех людей, которых рекомендовали наши сотрудники. Оглядываясь назад, я прихожу к выводу, что эта практика себя оправдала, хотя в то время у нас альтернативы и не было. В своих проверках мы опирались на определенный опыт. И как раз в тех условиях родственные отношения являлись своеобразной гарантией сплоченности организации. Однако такая ориентация, по сути дела вынужденная на ранней стадии нашего развития, вызывала с разных сторон критику в некой «семейственности». Охотно с ней соглашаюсь, тем более что критики были не осведомлены о тогдашнем положении наших дел. Однако кумовство и семейственность в истинном значении этих понятий у нас исключались хотя бы потому, что процесс проверки был одинаков для всех. Этого правила строго придерживались во всех подразделениях. Принятый на работу сотрудник должен был доказать свои способности и умение, от чего зависело его дальнейшее продвижение по службе.

Как только мне представлялась возможность, я пытался привлечь наиболее подходящих для разведывательной деятельности кандидатов из различных слоев общества, не делая никому скидок, для работы в нашей организации. Поначалу робкие подсказки и рекомендации, которые делали мне государственные и политические деятели, желая помочь нам в подборе кадров, превратились к концу моей деятельности на посту начальника службы в активную поддержку. Это явилось своеобразной реакцией на общественную критику, которая стала звучать слишком громко, мешая

нашей деятельности. От нас требовали, например, сделать гласным и открытым набор новых сотрудников. Но как критики представляли себе вербовочную кампанию — возможно, через биржу труда или объявления в газетах, — так до сих пор и осталось неизвестным. Короче говоря, это была неконструктивная критика. Просто наши недоброжелатели пытались лишний раз выставить службу в неблагоприятном свете. Я придерживаюсь мнения, что по опыту дружественных нам разведывательных служб нам необходимо иметь доверенных лиц в различных общественных учреждениях и прежде всего — университетах, которые давали бы систематически нам наводки на лиц, подходящих по своим данным к работе в разведке. И мы организовали такую систему.

* * *

Мне хотелось бы уделить большее внимание молодым сотрудникам службы, которые заняты в области сбора, обработки и оценки информации. Что от них ожидается, нельзя изложить просто в виде шаблонного наставления. Многогранность разведывательной работы, как в центральном аппарате, так и за рубежом, особенно это касается руководства агентурой и организации связи, требует разносторонности и от сотрудников. И хотя в интересах самих сотрудников и службы в целом следует стремиться к их взаимозаменяемости, все равно недостаток высококвалифицированных кадров будет постоянно ощущаться, а вакантные места останутся незаполненными.

Практически это означает то, что разведывательная служба никогда не будет в состоянии полностью раскрыть все без исключения намерения противника, тем более на длительный период времени. Наряду со специальными знаниями сотруднику, занимающемуся сбором информации, могут принести успех инициатива и размах, энергичное ведение дел и въедливость, творческий подход и умелые действия, а также импровизация и умение фантазировать. Секретная информация может не только расставить акценты на уже имеющейся

картине обстановки в стане противника, но и подтвердить, модифицировать, а в отдельных случаях, что, однако, случается редко, изменить в корне представление о ней.

Вопросы, которые обычно возникают при поступлении устных сведений о намерениях противной стороны, отходят на задний план, если удастся получить разведывательную информацию в виде документов или она добыта техническими средствами. В особенности это касается проблем большой политики, когда разведка докладывает о намерениях противника, которые зависят от многих, часто непредсказуемых факторов. Поэтому планы могут быть выполнены, а могут и остаться на бумаге. Тут первостепенное значение приобретают вопросы о достоверности информации и возможностях источника получать такие сведения. Сообщения политического характера могут представлять определенный интерес для военных и наоборот. Политические сведения могут подтверждаться и дополняться военной информацией, которая, в свою очередь, приобретает полную значимость за счет дополнительных данных из политической области. Здесь можно привести много примеров, но я ограничусь лишь одним. Незадолго до моего ухода в отставку возник вопрос: не приведет ли создавшееся в связи с развитием событий в Чехословакии политическое положение к выполнению советской военной угрозы? Мои сотрудники безоговорочно подтвердили такую возможность (в следующей главе я еще вернусь к этому вопросу).

Даже эти короткие замечания свидетельствуют о том, что задача разведывательной службы не ограничивается только добыванием секретной информации. Ее сотрудники должны обладать глубокими знаниями, чтобы быть в состоянии правильно классифицировать полученную информацию и соответственно оценить ее. А это значит, что в подразделение, занимающееся обработкой и оценкой информации, должна поступать регулярно и вся более или менее существенная открытая информация, идущая по различным каналам, чтобы оно могло использовать ее наряду с секретными сведениями для всестороннего анализа об-

становки. Я всегда придерживаюсь мнения, которое разделялось моими зарубежными коллегами — руководителями дружественных разведслужб, прежде всего американскими партнерами, что только систематическая и выполненная со знанием дела обработка как секретных, так и открытых материалов может стать основой регулярной и точной оценки обстановки.

Чтобы применить на практике концепцию получения информации во всех сферах разведывательной деятельности за рубежом и ее последующей обработки и оценки в рамках изложенной выше технологической схемы, нужны высококвалифицированные специалисты.

Пожалуй, нет ни одной области современных знаний, которые не требовались бы в разведке. Без научно подготовленных сотрудников, будь они из сферы гуманитарных или естественных наук, разведывательной службе ныне не обойтись. Но вместе с тем я постоянно требовал, чтобы такие сотрудники, несмотря на необходимость трезвого подхода и точности в деле систематической обработки поступающей информации, не сидели бы сиднем за письменным столом. Свою задачу они должны видеть в том, чтобы регулярно поддерживать живую связь с соответствующими подразделениями по сбору информации и оживленно обмениваться с ними мнениями и соображениями.

Лишь только тогда, когда обработчики информации будут считаться с ее сборщиками и не станут подгонять реальные данные под мнение высоких инстанций в Бонне, может быть обеспечено оптимальное взаимодействие между двумя основными частями разведывательной службы — подразделениями по сбору и обработке данных.

За представляемые наверх сведения наряду с руководящими сотрудниками в сфере добычи информации большую ответственность несут и их коллеги в сфере обработки и оценки данных. И если в сфере добычи главная забота — твердо знать, надежны ли источники и можно ли им доверять, то в сфере обработки и оценки во главу угла ставится

требование объективного подхода при анализе полученных материалов. К неписаным законам разведки относится положение о том, что ни один ее сотрудник, в том числе и сам начальник, не имеет права оказывать влияние на решение, принимаемое правительством. А это требует от них способности сдерживать себя и не навязывать политикам собственное мнение. Вместе с тем они должны обладать гражданским мужеством, чтобы не только просто доложить, но и отстоять ту информацию, которая неприятна правительству и не совсем вписывается в его представления. Каждый должен знать об этом, прежде чем сделать своей профессией разведывательное ремесло, которое увлекательно, захватывающе и романтично, но требует большой самоотверженности.

* * *

После моего ухода в отставку много говорилось и писалось о необходимости омоложения службы, в особенности ее руководящего состава. Но в таких подсказках со стороны общественности мы не нуждались: я постоянно старался предоставить молодым и перспективным сотрудникам возможность повышения по службе, исходя из вполне понятной ответственности за будущее развитие нашей организации. Однако должен сделать оговорку, касающуюся всех тех, кто по незнанию кричит о необходимости омоложения: в разведке никак не обойтись без зрелого опыта в этой области. Стремительного взлета, как это иногда можно видеть в политике, в разведке почти не бывает. Руководящие сотрудники, по каким бы причинам они ни занимали свои должности, не имеющие достаточного разведывательного опыта и обладающие лишь поверхностными знаниями, представляют собой большой риск для дела. И это ни в коем случае нельзя недооценивать. Конечно, в других профессиях, в том числе в военной, довольно быстро заменяют лиц, занимающих руководящие должности. Ведь в бундесвере такие физические нагрузки, что люди быстро изнашиваются и их нужно заменять более молодыми.

В службе внешней разведки подобный порядок устанавливать нельзя. Здесь целесообразно оставлять на работе сотрудников, достигших установленного возраста, но имеющих высокую квалификацию и большой опыт, что принесет несомненную пользу делу. В связи с этим я вспоминаю нескольких наших пожилых работников, занимающихся ведением дел на азиатском направлении нашей службы. Они знали свои страны не понаслышке, а вели там в свое время разведку и хорошо владели местными языками. Двое из них добились замечательных успехов, уже перешагнув порог своего семидесятилетия.

Подобно врачам, у которых большая практика обеспечивает успех в лечении больных, руководящие сотрудники разведки, проработавшие длительное время, приобретают такой опыт, от которого разведывательная служба просто не может отказаться. Особенно это проявляется в сфере получения и сбора информации, где речь в первую очередь идет о том, чтобы собственным примером привить подчиненным чувство уверенности в безопасности и побудить офицеров и агентов к активным действиям. Вопрос правильного руководства людьми в равной степени важен и для сферы обработки и оценки полученной информации, где тактично и терпеливо достигается поистине дружная совместная работа всех звеньев.

Приказами здесь можно добиться немногого. Применение чисто военных методов управления и руководства неприемлемо: опубликованный в печати случай, произошедший недавно в одной из западных разведывательных служб, дает повод предостеречь от этого. Дело в том, что в качестве руководителя упомянутой службы был назначен заслуженный армейский офицер, который вскоре все завалил, так как пытался действовать исключительно приказными методами. Поэтому указания и установки должны делаться так, чтобы привлекаемые к решению разведывательных задач сотрудники не только формально восприняли их, но и поняли смысл и цели заданий.

Полагаю, что в связи с этим есть необходимость остановиться на некоторых принципах руководства людьми, хотя они могут показаться само собой разумеющимися. Один из моих основных принципов, например, заключался в предоставлении руководящим сотрудникам достаточной свободы действий для выполнения поставленных мною задач, за что они платили лояльностью и высокими результатами.

* * *

Если я до сих пор говорил о сотрудниках, то это не значит, что придерживаюсь распространенного в обществе мнения о непригодности женщин к работе на ключевых позициях в разведке. Я решительно против такой постановки вопроса. К сожалению, представление общественности по данному вопросу сильно искажено в результате появления сенсационных книг и кинофильмов о «супершпионах» периода двух мировых войн — о Мата Хари, «Мадемуазель Докторе», «Кошке» и других. Несколько случаев, выявленных в шестидесятых годах, когда по заданию восточных разведывательных служб в министерствах Бонна действовали агенты-женщины, были подхвачены падкой на сенсации прессой. В результате «женская проблема» в разведке получила еще больший перекос.

Опираясь на личный долголетний опыт, могу с уверенностью сказать: многие женщины хорошо зарекомендовали себя на самых различных постах в разведке, как в центральном аппарате, так и за рубежом. Когда речь заходила о назначении женщин на должности в нашей службе, я всегда исходил в первую очередь из оценки их способностей и пригодности к разведывательной работе, а не из особенностей пола. С большой признательностью вспоминаю многих женщин — наших сотрудниц, которые соединяли острое чувство и глубокую эрудицию с постоянной готовностью к энергичным действиям.

Заключение

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЗАПАД — ВОСТОК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Как и любое действие, политика исходит из определенных предпосылок и основ, а также поставленных задач. К числу предпосылок можно отнести конституции — у нас, например, это Основной закон, — международное право, конвенции, хартию ООН, установленные нормы и тому подобное. К ним можно причислить также вероисповедание, мировоззрение, идеологии.

Поскольку лица, действующие на политической арене, исходят из тех же предпосылок и основ, тех же норм и прав, они все находятся в одинаковом положении. Политика поэтому представляется «деидеологизированной». Такое положение было характерно, на мой взгляд, для восемнадцатого века и с некоторыми ограничениями — я имею в виду Великую французскую революцию и ее влияние — и для девятнадцатого столетия.

После советской Октябрьской революции 1917 года такое равновесие было нарушено, и политики были вынуждены ориентироваться в своих действиях не только на возможную пользу, но и на нормы и ценности представляемого ими народа, учитывая действия противника и исходя из принятых у него норм и ценностей, которые зачастую противоречат собственным. Поэтому наши политики были вынуждены, как говорится, бросать на весы такие понятия, как свобода и демократия, чтобы оправдать свои действия и обосновать требования или же противопоставить их аргу-

ментации противной стороны. Таким образом, стало вполне очевидно, что ценности Запада и Востока в политических действиях стали разными, да и к тому же в значительной степени идеологизированными.

...В моей книге нет специального раздела, посвященного советской разведке. Хотя она и вмешивается в проведение отдельных актов и мероприятий внешнеполитического характера, задачи, стоящие перед ней, значительно важнее и ответственнее. Материала, связанного с единоборством с ней, у меня вполне достаточно, так что, возможно, такую книгу я еще напишу.

Коротко отмечу, что не менее сорока процентов персонала посольств, торговых миссий и других представительств коммунистических государств составляют сотрудники советского Комитета госбезопасности (КГБ) и секретных служб соответствующих государств. Не проходит почти ни одной недели, чтобы кто-либо из этого персонала с шумом или тихо, заметно или незаметно не покинул страну предназначения как нежелательная персона. В Федеративной Республике Германии в большинстве таких случаев, особенно в последние годы, без особой помпы отмечается, что еще один советский «дипломат» за доказанную шпионскую деятельность вынужден покинуть страну скромно и без прощальных церемоний. В ближайшем будущем вряд ли что изменится в этом плане, поскольку тут замешаны определенные высшие интересы.

Вспоминаю, что в период с января 1957 года до осени 1963 года в 36 странах мира было вскрыто более ста случаев ведения разведывательной работы с позиций дипломатических представительств СССР за рубежом. В ряде случаев за этими лицами продолжалось наблюдение без принятия каких-либо мер, в других около 160 сотрудников советских секретных служб были объявлены персонами нон грата и высланы из этих стран. Небольшая часть, почуяв, что, как говорится, запахло жареным, уехала своевременно на родину.

Еще в мое время, например, заместитель руководителя чехословацкой торговой миссии во Франкфурте-на-Майне

был хорошо нам известен как сотрудник чешской секретной службы. А на выставке 1967—1968 годов «Пятьдесят лет Советскому Союзу» в качестве заместителя руководителя выставки была задействована некто Басова — сотрудница КГБ.

Среди членов любой советской делегации, выезжающей в западную страну, находятся от двух до трех сотрудников разведывательных или контрразведывательных служб, которые должны, с одной стороны, «обслуживать» своих коллег (точнее говоря, присматривать за ними), а с другой — выполнять особые задания. Читателю будет, конечно, интересно узнать об этом, так как такая практика повседневна для этих служб.

Очень редко ту или иную страну вынуждены покидать — в большинстве случаев оставшись незаметными — так называемые агенты влияния и другие специалисты, действующие исходя из обстановки и своих возможностей. Среди них особого внимания заслуживают эксперты, засылаемые для проведения «дезинформации». Они, как правило, не затрагивают официальных каналов информации — прессы, радио и телевидения, агентств и публикаций (деятельность этих служб направляется и контролируется комиссиями по прессе, радио и телевидению, а также по культурным связям с границей. Общая координация работы информационных служб осуществляется отделом агитации и пропаганды секретариата ЦК).

Вопросами же дезинформации занимается специальный отдел КГБ, имеющий большое количество сотрудников и прекрасно оснащенный соответствующей аппаратурой и техникой. Он же осуществляет подготовку и руководство действиями агентов влияния, под которыми понимаются лица, обладающие возможностями по занимаемому ими положению распространять переданные им сведения и информацию, то есть служить своеобразными мультипликаторами. Эти лица часто не ведают, что участвуют в игре, ведущейся советским КГБ, и станут возмущенно отрицать приписываемую им деятельность.

Говоря о таких людях, надо иметь в виду, что во многих случаях их деятельность ненаказуема. Именно это обстоятельство и неосведомленность самих агентов не позволяют даже приблизительно назвать их число, не говоря уже о возможности их вычисления и обезвреживания. В Федеративной Республике Германии вплоть до последнего времени были установлены и выведены, как говорится, из игры единицы из числа таких агентов. Не только в нашей, но и в некоторых других западноевропейских странах имеются удобные возможности для их внедрения, поэтому считаю, что в действительности только у нас действуют сотни агентов влияния, не говоря уже о тысячах агентов шпионского толка.

* * *

Закончить свою книгу я хотел бы цитатой из «Правил политико-психологической подрывной деятельности», составленных Сунь-цзы (приведены во французской энциклопедии 1959 года издания, том IX):

«Высочайшее искусство заключается в том, чтобы сломить сопротивление противника, не ведя сражения на поле боя. Только там необходимо применение прямого метода войны, однако лишь непрямой метод может привести к действительной победе и закрепить ее.

Поэтому разрушайте все хорошее и ценное в стане врага. Втягивайте представителей правящих кругов в преступные мероприятия; подрывайте их позиции и престиж, предавайте их публичному позору в глазах соотечественников.

Используйте сотрудничество даже низких и мерзких людей. Мешайте любыми средствами деятельности правительства.

Распространяйте разлад и ссоры среди граждан вражеской страны. Восстанавливайте молодежь против стариков. Разрушайте всеми возможными средствами вооружение и оборудование, снабжение и порядок в вооруженных силах противника.

Обесценивайте старые традиции и богов. Не скупитесь с предложениями и подарками для покупки сведений и сообщников. Внедряйте повсюду тайных агентов. Не экономьте деньги и обещания, так как они приносят высокие дивиденды».

Если освободить эти формулировки от особенностей того времени, то можно видеть, что «правила» китайца, по моему мнению, сохраняя все его руководящие указания и принципы, применяются и сегодня во всех областях глобальной коммунистической активности и инфильтрации (проникновения) почти в неизменном виде и без ограничений.

Приложение

ЦЕЛИ ГЕРМАНИИ В ВОЙНЕ ПРОТИВ СССР

(из статьи Дитриха Айххольца «Об ответственности германских элит за агрессивную политику и преступления нацизма». Перевод с немецкого О. Вишлева)

Поскольку мы в основном будем говорить о военных целях в отношении СССР не столько Гитлера и его ближайшего окружения, сколько «старых» германских элит, представлявших, прежде всего, немецкую промышленность и банки, то дадим определение термину «старые» элиты. К «старым» элитам мы относим военное руководство, высшую бюрократию, в частности во внешнеполитическом ведомстве, а также лидеров германской экономики — «хозяйственные элиты». Использование прилагательного «старый» позволяет отделить эти круги от кадров нацистской партии (НСДАП), не имевших статуса элиты ни до 1933 г., ни впоследствии в ФРГ, а приобретших и сохранявших его лишь в период гитлеровского господства. Что касается термина «хозяйственные элиты», то здесь мы придерживаемся его традиционно-го понимания и относим к хозяйственным элитам «крупных промышленников, банкиров, высший менеджмент концернов и крупных предприятий; то есть обладателей властных позиций в экономике».

Анализируя цели Германии на Востоке Европы во Второй мировой войне, прежде всего, зададимся вопросом, насколько они отличались от целей, преследовавшихся ею в этом регионе в годы Первой мировой войны. Сравнение целей Германии, а значит, и ее элит, в двух мировых войнах позволяет нам с полным основанием говорить о том, что они обнаруживают большое сходство, в том числе в дета-

лях. Отметим также, что до Первой мировой войны и сразу после нее, то есть до появления Гитлера на политической сцене и независимо от него, германское общество было заражено экспансионистскими идеями. Лозунг о «жизненном пространстве» на Востоке и прочие геополитические планы, расовые и колонизаторские идеи, империалистические внешнеэкономические установки, а также возникшие после поражения Германии в Первой мировой войне и революций в России и Германии в 1917—1918 гг. реваншизм и антибольшевизм являлись составной частью этой идеологии.

Однако во Второй мировой войне цели, которые Германия ставила перед собой на Востоке, приобрели новое качество и иной масштаб. Об этом свидетельствуют ее планы аннексии, установления германского военного господства вплоть до границ Азии, программа колонизации и экономического ограбления захваченных территорий, долгосрочные империалистические экономические и военно-стратегические установки. Методы достижения этих целей также изменились, они стали откровенно преступными: уничтожение так называемого «еврейского большевизма» и всех форм советской государственности, политика истребления людей, приобретшая масштаб геноцида.

* * *

Одной из предпосылок Первой мировой войны явились фундаментальные изменения характера отношений между кайзеровской Германией и царской Россией, их отход от прежней политики более или менее благожелательного нейтралитета, определявшейся не в последнюю очередь тесными династическими связями Гогенцоллернов и Романовых. В годы Первой мировой войны Германия, уже давно вынашивавшая империалистические планы, в частности в отношении России, впервые заявила о них открыто. Уже в сентябре 1914 г. рейхсканцлер Т. фон Бетман-Гольвег подчеркнул, что «основной целью войны» является «обеспече-

ние безопасности Германской империи на Западе и Востоке на все времена». Его программа была нацелена на то, чтобы «по возможности оттеснить Россию от германской границы и подорвать ее господство над нерусскими вассальными народами». Эти цели были достигнуты в 1915 г., когда германские войска оккупировали всю русскую часть Польши, Литву и Курляндию. «Верхний Восток» — так кайзеровские генералы называли эти территории, находившиеся в прямом подчинении командующего германскими войсками на восточном фронте Э. фон Людендорфа.

Цели в Восточной Европе, которых рассчитывали достичь в ходе войны 1914—1918 гг. наиболее реакционные круги германского крупного капитала, землевладельцев и националистически настроенной интеллигенции, с самого начала имели варварский характер. В меморандуме Пангерманского союза, подготовленном в сентябре 1914 г. его председателем Г. Классом и одобренным ведущими представителями крупной промышленности, говорилось: «русского врага» необходимо ослабить путем сокращения численности его населения и предотвращения в дальнейшем самой возможности ее роста, «чтобы он никогда в будущем не был бы в состоянии аналогичным образом угрожать нам».

Западную границу России планировалось отодвинуть до Санкт-Петербурга и Днепра, а захваченную территорию, после изгнания оттуда по возможности всего населения (Класс полагал, что ее придется «очистить» приблизительно от семи миллионов человек), заселить немцами. Важными вехами в определении военных целей Германии стали меморандумы союзов промышленников, аграриев и среднего сословия от 10 марта и 20 мая 1915 г., «меморандум профессоров» от 15 июля того же года, а также более поздние заявления промышленников и банкиров. Все они проявляли огромный интерес к овладению экономическими ресурсами России, особенно Украины и Кавказа (марганцевая руда, железо, нефть). Именно в «меморандуме профессоров», подготовленном по инициативе Пангерманского сою-

за 1347 интеллектуалами при активном участии Э. Кирдорфа, А. Гугенберга, К. Дуйсберга, Г. Штреземана, в сжатом виде были изложены все те «национальные аргументы» («германский дух», «поток варварства с востока» и т.п.), которые позже были характерны для нацистских писаний, особенно для гиммлеровского «Генерального плана Восток».

Однако в 1914—1918 гг. германская армия, как справедливо отмечает историк из США Г.Л. Вайнберг, не походила на ту, которая при Гитлере в 1941 г. двинулась на Восток.

«Вряд ли можно оспаривать, — пишет Вайнберг, — что уже в годы Первой мировой войны в Германии имелись разного рода радикальные идеи относительно “переустройства земель” на Востоке, но это были, во-первых, пока что только идеи, а во-вторых, население, которого они касались, влияния этих идей на себе еще практически не ощущало. Во Второй мировой войне все было иначе».

Грабительский Брестский мирный договор, заключенный в марте 1918 г., по которому Россия лишилась Финляндии, Прибалтики, Польши, Украины и Кавказа, стал важным этапом в развитии германской экспансии в Восточной Европе. Эти территории оказались открытыми для контроля и проникновения со стороны Германии. Хотя воспользоваться плодами победы Германская империя не успела, однако поражение России и Брестский мир не были забыты в послевоенной Германии. Они остались в памяти представителей немецких политических, экономических и научных элит как доказательство слабости русского «колосса». Это воспоминание сплеталось с ненавистью, которую германские реакционные и консервативные силы питали к советской власти.

* * *

Сразу же после поражения в Первой мировой войне в Германии стали предприниматься попытки приспособиться к новым внешне- и внутривнутриполитическим условиям. Уже на рубеже 1918—1919 гг., то есть еще до подписания Версальского мирного договора, Р. Надольный, в то время ру-

ководитель русского отдела внешнеполитического ведомства, а позднее, в 1933—1934 гг., германский посол в Москве, говоря об «угрозе большевизма», ясно обрисовал ту альтернативу, перед которой оказалась Германия: или «объединиться с Антантой для совместного выступления против большевизма», или «договориться с большевиками и таким способом оказать давление на Антанту для достижения дешёвого мира». Наличие такой альтернативы долго определяло взгляд влиятельных кругов Германии на Россию и их «российскую политику».

Отметим, что представители германских элит после 1918 г. по-разному оценивали перспективы развития политических и экономических отношений между Германией и Советской Россией, затем СССР. Многие полагали, что советская власть в ближайшее время непременно рухнет. Считалось, что военная мощь России после революции и гражданской войны полностью подорвана. Тем не менее, о новой попытке с помощью военно-силовых методов достичь тех целей, которые Германия ставила перед собой в годы мировой войны, и устранить революционный режим в России пока еще говорить было преждевременно.

Можно выделить, хотя и с определенными оговорками, две фракции в среде германских элит, по-разному подходившие к развитию отношений между двумя государствами. Первая, прагматически мыслящая, фракция, к которой можно отнести часть политиков, военного руководства и крупных промышленников, рассчитывала путем переговоров с Советской Россией и достижения с нею соглашений добиться удовлетворения собственных текущих интересов и первоочередных государственных интересов Германии. Рапалльская политика, тайное сотрудничество рейхсвера с Красной Армией и завязывавшиеся германо-советские экономические связи — все это отвечало представлениям этой группы военных, промышленников и политиков Германии.

Другую фракцию отличали радикальный ревизионизм и воинственный антисоветизм. Ее представители группирова-

лись вокруг ряда военных (Э. Людендорф, М. Хоффман), публицистов (П. Рорбах и А. Рехберг), промышленников (Я. Шахт, Ф. Тиссен, А. Фёглер, К. Дуисберг, Г. Зольмссен, А. Гугенберг), а также все активнее — вокруг НСДАП, ее идеологов и приверженцев из среды промышленников и военных. Влияние этой партии и ее «фюрера» Гитлера неуклонно возрастало. В рядах НСДАП сторонники скорейшего восстановления военной мощи Германии сомкнулись с теми, кто делал ставку на совместный «крестовый поход» на Восток и колониальную завоевательную войну великих держав против СССР.

Эти две фракции не были полностью изолированы друг от друга. Между ними существовали многочисленные связи, а общими для них были антибольшевизм, антикоммунизм и надежды на пересмотр результатов войны. К тому же позиции их представителей не всегда отличались постоянством и последовательностью. Наличие противоречий можно констатировать в заявлениях и действиях, например, Штреземана. Шахта, Дуисберга, генералов рейхсвера, таких, как В. фон Фрич. Над изучением причин этой противоречивости исследователям еще предстоит потрудиться.

* * *

Цели Гитлера на востоке Европы отражены во множестве документов. Анализ этих документов позволяет заключить, что образ России сформировался у Гитлера под влиянием пропаганды времен Первой мировой войны, известных ему программных документов тех лет о военных целях Германии и «практических знаний» о России, почерпнутых им при общении с германскими военными и политиками. После революций в России и Германии к этому добавилась лютая ненависть к большевизму и революционному рабочему движению.

Эта ненависть, а также стремление к реваншу и новой германской экспансии на Восток роднили Гитлера со многими видными представителями «старых» германских элит. Но, в отличие от них, у нацистского фюрера была идеология ге-

ноцида, выросшая из всей совокупности реакционных, варварских идей, которые уже долгие годы, если не десятилетия имели хождение в империалистических кругах Германии и других стран. Без понимания этой идеологии невозможно объяснить бесчеловечность и варварство войны на уничтожение, которую вел германский фашизм на Востоке.

Уже в книге «Майн кампф», написанной в 1924—1925 гг., был ясно изложен основной принцип будущей «восточной политики» Гитлера — соединение «национальной» идеи, расовой теории и антисемитизма с тезисом о «жизненном пространстве». «Борьба против мирового еврейского большевизма», вытеснение и уничтожение «неполноценных» рас и народов в представлении Гитлера всегда были связаны с приобретением «жизненного пространства». О том, какой «идейной чепухой» оборачивалось такое соединение, свидетельствует его высказывание в ноябре 1939 г.: «Сегодня мы можем говорить о расовой борьбе. Сегодня мы боремся за нефтяные месторождения, за резину, земельные богатства и т.д.». Рассуждениями о «жизненном пространстве» перефразировались и маскировались социальные и экономические империалистические цели. На раннем этапе, в частности в «Майн кампф», тезис о приобретении «жизненного пространства» формулировался еще расплывчато и примитивно, как простой захват земель. Позднее, под влиянием экономического кризиса, политики вооружения, «четырёхлетнего плана» и т.д. он все отчетливее стал приобретать империалистическое экономическое и военно-стратегическое содержание. Это отнюдь не противоречило идеологическим и расовым аспектам гитлеровской политики. Поэтому нам представляются беспредметными споры о том, какой по характеру была война Германии против СССР — «расовой», «классовой» или «империалистической».

Постановка «расовых» целей в войне на Востоке (истребление населения на завоеванных территориях и заселение этих территорий немцами) давала возможность решить три задачи: во-первых, политически и идеологически обос-

новать саму необходимость этой войны, оправдать военные преступления и субъективно мотивировать германских офицеров и солдат; во-вторых, дать захватнической войне социально-империалистическое обоснование; в-третьих, обосновать политику «гарантирования» завоеванного.

Придание войне на востоке характера расовой войны на уничтожение являлось, вне всяких сомнений, делом рук Гитлера и узкого круга его приближенных. В этом кругу у Гитлера были как влиятельные и весьма изобретательные эксперты, так и услужливые исполнители. Одни генерировали идеи, другие осуществляли на практике начинания, которые он когда-то наметил в своей программе. Гитлеру оставалось лишь контролировать и направлять их работу. С помощью такого разделения труда ему удавалось преумножать рвение своих сторонников в идеологических и программных вопросах. Однако кучки единомышленников, даже во главе государства, было явно недостаточно для осуществления на практике такого серьезного предприятия, каким является война. Для этого требовалось «нацифицировать» германские элиты, привлечь на сторону режима те силы в сфере политики, экономики и в военных кругах, которые располагали реальными возможностями и способностью подготовить и, в конечном счете, вести войну.

* * *

Г. Гиммлер, начальник СС и германской полиции, «имперский комиссар по вопросам укрепления немецкой народности», и его заместитель Р. Гейдрих (до смерти в 1942 г.) являлись в годы войны непосредственными организаторами политики террора, принудительного переселения и геноцида на территории всей Восточной Европы в соответствии с «Генеральным планом Восток». Характерно, что в политике Гиммлера, особенно в «Генеральном плане Восток», откровенно расистская мотивация соединялась с чисто политической, а именно с заинтересованностью в «гарантировании» завоеванного огромного пространства на Востоке и

его богатств. «Гарантирование», являющееся в целом ключевым понятием империалистической экспансионистской и оккупационной политики, направлено на подавление сопротивления покоренных народов. На «восточном пространстве» Гиммлер и СС превратили «гарантирование» в иррациональную расистскую стратегию планомерного уничтожения населения оккупированных стран.

И. Геббельс, занимавший пост имперского министра народного просвещения и пропаганды, руководил гигантским пропагандистским аппаратом гитлеровского режима. Еще до войны, особенно с нюрнбергского съезда НСДАП 1935 г., нацистскую пропаганду отличали оголтелый антисемитизм и антикоммунизм (антибольшевизм). Такая пропаганда, тем не менее, получала положительный отклик в среде германских элит и все больше воздействовала на широкие слои населения. В силу своей антикоммунистической направленности она вызывала положительный резонанс также в определенных кругах за границей. С началом войны против СССР ее содержание стало еще более чудовищным. Распространяя ложь о Советском Союзе, представляя его население «недочеловеками», она отвлекала внимание от территориальных и экономических экспансионистских целей Германии, препятствовала осознанию широкими кругами общественности того факта, что в войне на Востоке речь идет, как выразился в 1942 г. сам Геббельс, о «зерне и хлебе», «о том, чтобы стол был полон на завтрак, обед и ужин, ... о сырье, резине, железе, рудах».

Как утверждает историк В. Ветте, Геббельс откровенно и цинично заявлял, что его антибольшевистская пропаганда преследует цель «заставить немецкого солдата убивать без колебаний, рассеять его сомнения относительно законности этой войны и развить у него чувство собственного превосходства». Одновременно, как о том свидетельствует распоряжение Геббельса от 20 февраля 1943 г., перед органами пропаганды ставилась задача доказывать, что Германия не преследует «эгоистических целей на Востоке», что война,

которую она ведет, является «священным крестовым походом XX в. против большевизма».

Рейхсмаршал Г. Геринг, «уполномоченный по четырех-летнему плану», выступая в роли хозяйственного диктатора фашистской Германии, открыто объявлял войну средством экономического обогащения и превращения Германии в «первую державу мира». «Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель акции», — говорилось в утвержденных им в июне 1941 г. «указаниях по руководству экономикой в подлежащих оккупации восточных областях», то есть на территории СССР. Геринг заявлял, что он без колебания готов пожертвовать жизнью десятков миллионов людей, если «из этой страны будет извлечено то, что необходимо для нас». Геринг был одним из тех, на ком лежала главная ответственность за политику ограбления оккупированных стран, за нищету и голод их населения, за целенаправленное и планомерное уничтожение людей.

К идеологам нацизма принадлежал выходец из Прибалтики А. Розенберг, занимавший с июля 1941 г. пост имперского министра по делам оккупированных восточных областей. С начала 20-х годов Розенберг сочинял подстрекательские пасквилы против Советской России. В борьбе против «еврейского большевизма», писал он еще в 1922 г., есть «только один выбор — быть уничтоженным или победить».

Несмотря на то, что Гитлер с уважением относился к «теоретик» Розенбергу, в годы войны «фюрер» последовательно отклонял предложения этого «специалиста по восточной Европе», о дифференцированном и «научном» подходе к народам, населяющим Советский Союз. Розенберг стремился противопоставлять народы СССР друг другу. Когда стало ясно, что быстрой победы в войне против СССР достичь не удастся, и на оккупированной советской территории начало нарастать движение Сопротивления, Розенберг постепенно прекратил разглагольствования о советских «недочеловеках» и в 1944 г. даже начал ратовать за «большой пропагандистский марш-маневр в борьбе за душу русских».

Переход власти в Германии в руки Гитлера изменил ситуацию в советско-германских отношениях. Она теперь в корне отличалась от той, что существовала в 20-е годы. В политике, экономике и военной сфере верх взяли те силы, которые, по сути дела, разделяли нацистскую идеологию, уже давно поддерживали нацистское движение и сыграли важную роль в обеспечении его политической победы.

Основные ориентиры внутренней и внешней политики Германии на ближайшее время были намечены Гитлером уже в первые дни его правления: сначала «полное искоренение марксизма» и «строительство вооруженных сил», затем «завоевание нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация». С этого момента под воздействием националистической пропаганды, политики милитаризации, внутри- и внешнеполитических успехов гитлеровского режима началась стремительная нацификация германских элит.

В отношении подготовки к войне и военных целей Германии между нацистским режимом и элитами существовал широкий консенсус. По крайней мере, по трем пунктам между ними не возникало принципиальных разногласий:

во-первых, возвращение того, что было потеряно Германией в результате Первой мировой войны, прежде всего территорий на Востоке и колониальных владений;

во-вторых, достижение военных целей, которые Германия ставила перед собой еще в Первой мировой войне, в том числе завоевание территорий в Восточной Европе;

в-третьих, ликвидация СССР.

Безусловно, когда мы говорим о консенсусе между Гитлером и элитами, это не означает, что сторонами было принято какое-то совместное решение. В правящих кругах существовали различные представления о внешнеполитических целях Германии, по-разному определялась очередность их

достижения, а шансы Германии на успех в отдельные моменты тоже оценивались по-разному.

Чем дальше продвигалось вооружение страны, тем острее вставал вопрос: для достижения каких целей должна быть использована военная мощь? В среде германских элит более или менее четко обозначились две группировки, придерживавшиеся различных взглядов на методы осуществления нового «рывка к мировому господству» (в том, что касалось экспансии в восточном направлении и «уничтожения большевизма» эти группировки были, тем не менее, едины). Одна группировка отклоняла возможность вооруженного конфликта с державами-победительницами в Первой мировой войне, полагая, что такой конфликт вновь приведет к войне на два фронта, в которой Германия с самого начала будет обречена на поражение. Она призывала западные державы к «мирным» территориальным и экономическим уступкам Германии и к объединению с нею для «борьбы против большевизма».

Другая группировка, стоявшая на великодержавно-шовинистических позициях, воодушевленная успехами гитлеровского режима, была готова на свой страх и риск развязать «большую войну».

Типичным представителем первого направления являлся Я. Шахт, занимавший до 1938 г. пост имперского министра экономики, президента Рейхсбанка (до 1939 г.) и обладавший большим авторитетом и влиянием в среде военных и промышленников и в странах Запада. На начальном этапе политики вооружения Шахт зарекомендовал себя незаменимым специалистом и активным приспешником нацистского режима. В 1945—1946 г. перед международным трибуналом, судившим главных военных преступников, Шахт разыграл роль безвинно преследуемого и был оправдан судом. Но на самом деле он был злостным поджигателем войны. Хотя Шахт решительно отклонял возможность военного выступления Германии против держав-победительниц в Первой мировой войне, экономическую силу которых он хорошо знал, однако всякий раз, выезжая на Запад, он заво-

дил откровенно провокационные речи о «разрушающем порядок и уничтожающем саму жизнь преступном мире большевизма» и подчеркивал, что его нельзя побороть «одними лишь экономическими средствами», поскольку он-де стал «к сожалению, также военной опасностью первостепенного значения». Шахт вновь и вновь требовал, чтобы Запад предоставил Гитлеру «свободу рук на Востоке». «Рано или поздно, — заявлял он в западноевропейской прессе, — мы с Польшей поделим Украину».

Агрессивная антибольшевистская пропаганда, которую вел Шахт, преследовала также тактические цели. С ее помощью он рассчитывал добиться согласия западных держав на вооружение Германии, а также побудить их к экономическим и политическим уступкам. Они должны были не только предоставить немцам «свободу рук на Востоке», но и вернуть им бывшие германские колонии. Немецкая военная машина, воссоздание которой являлось не в последнюю очередь и его делом, была, во всяком случае, в его представлении предназначена именно для того, чтобы рано или поздно начать крестовый поход против СССР.

* * *

Антисоветская пропаганда гитлеровцев приобрела особенно широкий размах после официального отказа Германии от выполнения условий Версальского мирного договора и достигла своего апогея на съездах НСДАП 1935 и 1936 гг. СССР был объявлен «врагом мира» и средоточием всего зла. «Всемирной миссией» Германии, провозглашалось на съездах, является борьба против большевизма. Такого рода заявления, сопровождавшие мероприятия по «восстановлению обороноспособности», свидетельствовали о том, что в господствующих кругах Германии война против Советского Союза все больше рассматривалась как само собой разумеющаяся цель политики форсированного вооружения.

Важной политической и военно-экономической вехой на пути к этой войне стала разработка «четырёхлетнего плана»

летом — осенью 1936 г. Геринг, назначенный «уполномоченным по четырехлетнему плану», привлек к работе над ним большую группу советников и экспертов, представлявших в основном крупную промышленность. Они быстро переработали существовавшие до этого, не связанные между собой проекты по налаживанию «самообеспечения» Германии в единый план и подчинили его «целям прямой подготовки мобилизации». Ставка была сделана на производство «лишь немногих важных с военной точки зрения видов продукции».

Группа, сплотившая вокруг Геринга, руководствовалась мыслью о неизбежности «решительного противоборства между большевизмом и национал-социализмом», как выразился Г. Рехлинг, один из крупнейших германских производителей угля и стали. В конце августа 1936 г. Гитлер в инспирированном экспертами Геринга памятном послании по поводу «четырёхлетнего плана» также говорил о такого рода «историческом столкновении» и прямо противопоставлял «четырёхлетний план» «исполинскому плану» Советского государства. Гитлеру вторил Геринг, заявивший на заседании кабинета министров в сентябре 1936 г., что «столкновение с Россией является неизбежным».

Стратегически «четырёхлетний план» был ориентирован на подготовку войны против СССР. Но он был направлен и против западных держав, поскольку одновременно имел целью создание в Германии такого военно-экономического потенциала, который позволил бы ей противостоять возможному вмешательству и экономической блокаде с их стороны. Он отражал решимость господствовавших кругов Германии подготовить и вести войну на Востоке с целью «расширения жизненного пространства и соответственно сырьевой и продовольственной базы» немецкого народа даже в том случае, если Германии не удастся нейтрализовать западные державы, особенно Великобританию, заручиться их согласием на предоставление ей свободы рук или заключить союз с ними. «Четырёхлетний план» исходил, таким образом, из признания возможности ведения Германи-

ей в случае необходимости также войны на два фронта. Его принятие представляло собой своего рода объявление экономической войны в условиях, когда самого военного конфликта еще не было, и еще больше увеличивало вероятность «большой войны».

Следующей важной вехой на пути к войне стало совещание в имперской канцелярии, состоявшееся 5 ноября 1937 г. Гитлер пригласил на него высшее военное руководство и имперского министра иностранных дел. На совещании он впервые назвал конкретные цели германской экспансии, достичь которых насильственным путем при наличии благоприятных внешнеполитических условий планировалось уже в ближайшее время. Переход к политике завоеваний, заявил Гитлер, обусловлен тем, что посредством автаркии невозможно обеспечить Германию достаточным количеством сырья и продовольствия. Согласно протоколу совещания, он ни разу не упомянул о «четырёхлетнем плане». Однако каждый присутствовавший понимал, что принятие этого плана отнюдь не означало отказа от удовлетворения «потребности в пространстве».

В «эпоху хозяйственных империй», заявил Гитлер, «захват большего жизненного пространства» является единственным спасением. Поэтому «добиться решения германского вопроса можно только путем насилия, что всегда сопряжено с риском». Крайний срок для этого, считал он, 1943—1945 гг. В то же время, речь Гитлера не оставляла никаких сомнений в том, что он не собирается ждать долго и намерен при удобном случае нанести молниеносные удары по Чехословакии и Австрии. Из этих стран, по его мнению, должны будут «эмигрировать» 3 млн. человек, что даст возможность прокормить 5 — 6 миллионов немцев. После этого, продолжал Гитлер, мы разделаемся с Польшей. СССР также был упомянут им в качестве противника, с которым в дальнейшем придется вступить в борьбу. До участников совещания еще раз настойчиво доводилась мысль о том, что единственной возможностью решить «германский вопрос»

на длительную перспективу является широкая экспансия в восточном направлении.

После совещания нацистское руководство с помощью своих сторонников в военном командовании, дипломатическом корпусе и промышленных кругах в течение нескольких месяцев добилось удаления с руководящих постов всех тех, кто казался ему недостаточно надежным, мог в решающий момент проявить колебания. В отставку были отправлены имперский военный министр В. фон Бломберг, главнокомандующий сухопутными силами В. фон Фрич, имперский министр экономики Я. Шахт, имперский министр иностранных дел К. фон Нейрат. Перестановки происходили на протяжении всего 1938 г. в органах хозяйственного руководства — в организации по «четырёхлетнему плану», в имперском министерстве экономики, в имперской группе «Промышленность».

* * *

Аннексия Австрии и Мюнхенский сговор способствовали подавлению остатков оппозиции военным планам Гитлера в среде германских элит. Большинство их представителей окончательно поверило в то, что Германия способна решить вопрос о «жизненном пространстве», добиться создания «макропространственного оборонного хозяйства» опирающегося также на ресурсы Восточной Европы, и вести «большую войну». Уже тогда захват Украины и кавказской нефти рассматривался ими в качестве необходимой предпосылки для нового германского рывка к мировому господству.

Об этом, в частности, можно было услышать в начале апреля 1938 г. от генерал-майора Г. Томаса, начальника управления военного хозяйства и вооружений вермахта (ОКВ), оценивавшего, впрочем, весьма скептически «способность Германии выстоять в случае новой мировой войны».

Выступая перед преподавателями и слушателями Военной академии, он ясно заявил, что поддерживает стра-

тегию молниеносных войн. Она-де является единственным выходом для Германии, поскольку дает возможность поставить на службу ее интересам ресурсы других стран. «Расширение сырьевой и продовольственной базы станет в будущей войне во многих случаях с самого начала той задачей, которую полководцу придется решать, дабы поднять военную и экономическую мощь нашего народа на такую высоту, которая необходима для того, чтобы победить его противников», — подчеркнул он. Пример Японии показал, «как сильный народ, опираясь на узкую сырьевую и продовольственную базу, с помощью военных операций планомерно создает сначала основу для своей военной экономики, а затем, после того как он обеспечит свои военно-экономические основы, делает шаг к осуществлению планов мирового господства, господства Японии в Азии». Перед Германией, полагал Томас, может встать такой же «решающий вопрос», и она должна будет посредством наступательных действий сухопутных сил «уже в начале войны... расширить свое пространство (оккупация более мелких государств — Дании и т.д.)». Показательной была, в частности, ссылка Томаса на опыт Первой мировой войны, который якобы учит, что завоевание Украины и прорыв к Северному Кавказу будут означать «полное изменение военно-экономического положения Центральных держав».

Интересные наблюдения сделал в конце 1938 г. в военных и дипломатических кругах в Берлине комиссар Лиги Наций в Данциге швейцарец К.И. Буркхардт. «Вроде бы мимоходом, но вновь и вновь говорили об Украине и даже о Баку (!), — сообщает он в воспоминаниях, — что с географической точки зрения мне представляется довольно дерзким. Польша в известной степени включалась в мечты такого рода, естественно, при условии, что Варшава платит, что поляки покоряются, что они становятся “благоразумными”, что они уподобляются чехам».

В 1938—1939 гг. высшие военные инстанции и крупный промышленный капитал, представленный в организации по

«четырёхлетнему плану», тесно сотрудничали между собой и согласовывали свои позиции. Для тех и других первостепенное значение имел вопрос о политическом и военном обеспечении Германии экономическими ресурсами, необходимыми для ведения войны. Важнейшим результатом этого сотрудничества стали два объемистых секретных меморандума: «Снабжение Германии нефтью в период войны», подготовленный управлением военного хозяйства и вооружений ОКБ в апреле 1939 г., и «Возможности макропространственного оборонного хозяйства под германским руководством», вышедший в июле-августе того же года из недр «имперского учреждения по развитию хозяйства» (РВА). Это учреждение, образованное 5 февраля 1938 г. на базе «ведомства по германскому сырью и материалам» организации по «четырёхлетнему плану» и ставшее одним из ключевых структурных подразделений этой организации, играло важную роль в подготовке также первого документа. РВА являлось (как это с самого начала и планировал его фактический руководитель, член правления, а с 1940 г. председатель наблюдательного совета концерна «ИГ Фарбениндустри» К. Краух) своего рода экономическим генеральным штабом при Геринге и Гитлере, занимавшимся вопросами сырья и вооружений и обладавшим широкими полномочиями.

* * *

Историк Р.-Д. Мюллер отмечал, что разрабатывавшиеся в ОКБ «экономические военные планы» согласовывались «с частным хозяйством» и в то же время «в значительной мере отвечали идейно-политическим установкам Гитлера». Это убедительно доказывает меморандум по нефтяному вопросу — документ военно-экономического планирования объемом свыше 60 страниц, в основу которого был положен «ряд разработок по нефтяной проблеме», подготовленных в «ИГ Фарбен» и РВА.

Авторы меморандума исходили из предположения, что в случае конфликта западные державы и СССР займут враж-

дебную позицию по отношению к Германии, что нейтралитет Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии и Польши также будет иметь недружественный характер, и что Германии следует ожидать блокады ее морских перевозок. «Поэтому наиважнейшей военной целью Германии, — подчеркивалось в меморандуме, — должно стать овладение расположенными неподалеку от нее и во многом недоступными для вражеского воздействия нефтяными месторождениями». В соответствии с такой посылкой формулировалась конкретная задача: «Овладение румынскими нефтяными промыслами и тем самым всем дунайским пространством в качестве предпосылки достаточного обеспечения Германии нефтью в затяжной войне».

В случае необходимости не исключалось применение в отношении Румынии «военных средств». То же самое — в отношении Эстонии (для овладения расположенными на ее территории месторождениями горючего сланца) и Польши (с целью захвата нефтяных месторождений в Галиции).

«Применение военных средств, — подчеркивалось в меморандуме, — является также единственной возможностью привлечь в случае необходимости нефтяные месторождения бывшей Восточной Галиции, входящей ныне в состав Польши, которые до сего времени не затрагивались германской экономической и внешней политикой. Наконец, это единственная возможность овладеть также самой большой нефтеносной областью Европы — Кавказом, что является наиглавнейшей и наивыгоднейшей целью».

Меморандум РВА от июля — августа 1939 г. содержал, наряду с подробными расчетами потребностей Германии в сырье, программу «полного гарантирования» «макроэкономического пространства» в целях подготовки к «большой войне», в которой, как выразился Краух, Германии и ее союзникам по Антикоминтерновскому пакту придется противостоять «почти всему остальному миру». Эта программа предусматривала:

— оттягивание «большой войны» против западных держав на более поздний срок (упомянутые расчеты предусматривали проведение мобилизации в 1942 г.);

— переход в руки Германии ресурсов Юго-Восточной Европы и «северного пространства» (Скандинавии и Прибалтики); «гарантирование с помощью вермахта», если это будет необходимо, румынской нефти;

— использование «благоприятной, еще не полностью освоенной сырьевой базы» Испании;

— по возможности распространение германского влияния на Турцию и Иран; на Востоке интенсификация торговли с СССР, но в случае войны захват Украины и кавказской нефти.

В соответствии с этой программой строилась германская политика в последние предвоенные месяцы и недели, яркими свидетельствами чего являлись решение Гитлера заключить экономические и политические соглашения с Советским Союзом и повышенная активность германских дипломатических и хозяйственных представителей, таких, как специальный посланник Геринга Г. Вольтат.

* * *

Остановимся более подробно на роли той группировки германского крупного капитала, лидером которой являлся Краух. Он и рекрутированные им из концерна «ИГ Фарбен» кадры находились на руководящих постах в организации по «четырёхлетнему плану». Эти люди непосредственно занимались подготовкой войны, вырабатывали рекомендации относительно методов ее ведения и военно-экономических целей Германии. Поэтому не может не вызывать возмущение тот скандальный оправдательный приговор американских судей на процессе 1947—1948 гг. по делу «ИГ Фарбен», когда по обвинению в военных преступлениях на скамье подсудимых оказались Краух и все руководство концерна. Несмотря на наличие исчерпывающего обвинительного материала, судьи сочли, что Краух и прочие обвиняемые не имели возможности самостоятельно принимать решения, поскольку-де находились в подчинении у «группы»

Гитлера, что не они, а эта «группа» сознательно планировала, подготавливала, а затем развязала войну. «Среднему немецкому бюргеру, будь то человек с высшим образованием, крестьянин или промышленник, вряд ли можно поставить в вину то, что он знал о планах властителей рейха ввергнуть Германию в агрессивную войну», — заключили судьи. Суд признал Крауха и большинство подсудимых невиновными также в организации ограбления оккупированных стран и эксплуатации их населения. При этом было указано на наличие «больших пробелов» в представленных суду документах по этим пунктам обвинения.

Краух и его люди были главными советниками Геринга при проведении политики форсированного вооружения под вывеской «четырёхлетнего плана». Доклад Крауха на генеральном совете организации по «четырёхлетнему плану» в апреле 1939 г., уже упоминавшийся меморандум РВА и другие секретные документы довоенного времени представляли собой детальные экономические и военно-стратегические разработки, служившие целям подготовки «большой войны». Они принимались во внимание Гитлером и Герингом.

Стиль работы ведомств, руководимых Краухом, особенно РВА, отличался от стиля работы всех прочих инстанций, даже тех, которые занимались вопросами вооружения. Ведомства во главе с Краухом демонстрировали поразительное рвение в подготовке для нацистского руководства и командования вермахта аналитических материалов о военно-экономическом потенциале Германии и способах его укрепления, в разработке вопросов военно-экономической стратегии, которая, как известно, в значительной мере определяет стратегию войны.

Ужасающе пресловутые меморандумы по вопросам использования отравляющих газов, подготовленные РВА в июле 1938 г. Они содержали настоятельную рекомендацию использовать в будущей войне отравляющие газы — оружие, как подчеркивали авторы меморандумов, способное обеспечить Германии успех и компенсировать определен-

ные слабости ее военного потенциала и недостатки в вооружении. Отравляющие газы, говорилось в меморандумах, это типично немецкое оружие, продукт немецкой изобретательности. Оно «может поставляться германским вооруженным силам практически в неограниченных объемах». Применение отравляющих газов станет доказательством полного технического превосходства немцев. Оно наиболее пригодно «при ведении боевых действий, когда ставится цель добиться решающего успеха», особенно «против армий, более слабых по духу, менее подготовленных в техническом отношении», и для «борьбы в тылу, в том числе против гражданского населения». Показательно, что рассуждения о «преимуществах» применения отравляющих газов появились как раз в тот момент, когда в Германии обсуждался вопрос о завоевательной войне против СССР.

* * *

В Австрии, присоединенной к Германии в марте 1938 г., и Чехии, оккупированной год спустя, концерн «ИГ Фарбен» сразу же набросился на добычу. В дальнейшем, под впечатлением военных побед Германии 1939—1940 гг., его руководство сочло, что настал момент, когда можно сделать решающий шаг на пути к главной цели. Ее сформулировал еще в 1931 г. основатель концерна К. Дуисберг — создание находящегося под германским влиянием «замкнутого экономического блока, простирающегося от Бордо до Одессы».

Руководство «ИГ Фарбен» начало в спешном порядке составлять «заявки» и «планы», которые предусматривали передачу под его контроль значительной части экономического потенциала Польши, стран Западной, Северной и Юго-Восточной Европы. Аппетиты концерна, его энергия и настойчивость в достижении намеченной цели не знали границ. С начала 1941 г., когда подготовка «восточного похода» вступила в завершающую фазу, именно Краух и его доверенные из «ИГ Фарбен» вместе с другими представителями гер-

манского крупного капитала занялись разработкой планов экономического ограбления СССР. К этому времени их «интересы» распространялись на «пространство» уже значительно восточнее Одессы.

Впервые открыто о целях войны против СССР Краух высказался еще в меморандуме РВА от июля — августа 1939 г. В случае войны, говорилось в нем, Германия должна иметь в своем распоряжении Украину с ее железной рудой, марганцем и нефтью. В резюме, которое в дальнейшем под влиянием советско-германских переговоров по экономическим вопросам и политических переговоров в спешном порядке было подправлено, первоначально значилось:

«Если поставки [прежде всего железной руды и цветных металлов. — Д.А.] с северного пространства [то есть из Скандинавии — Д.А.] полностью или частично прекратятся, то военно-экономическое положение коалиции [то есть Германии и семи ее европейских союзников — Д.А.] может быть сбалансировано лишь посредством использования Польши и Украины и... переноса акцента в военной стратегии на химическую войну, особенно с воздуха».

Несколькими страницами ниже следует еще одно недвусмысленное высказывание:

«Полное гарантирование возможно лишь с помощью сырья (дружественной нам) России».

Слова «дружественной нам», взятые в скобки, являлись, вне всяких сомнений, чисто конъюнктурной вставкой в уже подготовленный документ, сделанной с учетом поступившей информации об активации советско-германских переговоров. Они могли быть в любой момент из него изъяты.

* * *

Ведущие представители германских элит не были ошеломлены советско-германским договором о ненападении, который был заключен 23 августа 1939 г. Военное руководство, ведущие сотрудники внешнеполитического ведомства, про-

мышленники из окружения Геринга были посвящены в планы Гитлера относительно СССР. Все знали, что германо-советская «дружба» будет недолгой. То, что, подписав этот договор, Германия сохраняла за собой право совершить «нападение на Советский Союз позднее», было ясно и противникам Гитлера в Германии, о чем свидетельствуют дневниковые записи бывшего германского посла в Италии У. фон Хасселя.

Тема Украины, Кавказа и «борьбы против большевистской опасности» на целый год исчезла из публичных заявлений германских официальных лиц. Планы на этот счет на время спрятали в сейфы. Но уже 2 июня 1940 г., как только начал обозначаться успех Германии в войне против западных держав, Гитлер объявил своим генералам, что близится день, когда он сможет, наконец, приступить к решению своей «главной и непосредственной задачи — борьбе против большевизма».

Высказывание Гитлера еще не носило директивного характера, однако было воспринято военными как руководство к действию. Генеральный штаб сухопутных сил вермахта во главе с Ф. Гальдером рьяно взялся за разработку планов стратегического развертывания для войны против СССР. Опьяненные военными успехами, германские генералы, подобно Гитлеру, были склонны считать Советский Союз «колоссом на глиняных ногах». Слабый в военном и экономическом отношении, внутренне неустойчивый, СССР, полагали они, станет легкой добычей для «несокрушимого» вермахта.

25 июня 1940 г., на третий день после капитуляции Франции, Гальдер предложил создать из выводимых с Запада дивизий ударную группировку для использования на Востоке. На следующий день началась передислокация в восточные районы Германии и на территорию «генерал-губернаторства» 15 пехотных дивизий, находившихся в подчинении у командования 18-й армии. Вслед за ними на восток двинулась «особая группа Гудериана». В первых разработках германских генштабистов, подготовленных еще до отдания Гитлером соответствующего приказа, в качестве целей вермахта

значились Киев и Минск и допускалась возможность «марша на Москву».

31 июля 1940 г. на совещании с военным руководством в Бергхофе Гитлер приказал приступить к подготовке нападения на СССР и установил срок начала военной кампании — май 1941 г. Победоносный «восточный поход», считал Гитлер, решительным образом повлияет также на исход англо-германского противоборства. «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия», — подчеркнул он.

Гитлер поставил перед военными задачу: «одним стремительным ударом» разгромить «все государство целиком. Только захвата какой-то части территории недостаточно... Цель — уничтожение жизненной силы России». Кампанию на Востоке он приказал завершить в течение пяти месяцев, до наступления зимы. Предусматривалось нанесение по СССР ударов по нескольким направлениям: «1-й удар: Киев, выход на Днепр; ...Одесса, 2-й удар: через Прибалтийские государства на Москву; в дальнейшем двусторонний удар с севера и юга; позже — частная операция по овладению районом Баку». Гитлер ознакомил военных и со своими планами территориального раздела СССР: «Украина, Белоруссия, Прибалтика — нам. Финляндии — районы до Белого моря».

5 августа 1940 г. был представлен первый оперативный план военной кампании против СССР. Он предусматривал захват советской территории до условной линии Ростов — Горький — Архангельск. Планировалось, что для разгрома Красной Армии потребуется минимум девять, «в худшем случае» 17 недель. То есть война должна была завершиться самое позднее в сентябре 1941 г. В плане учитывалась возможность капитуляции советского правительства или его свержения. Если этого не произойдет, то тогда, считали стратеги из германских штабных инстанций, Красную Армию придется преследовать до Урала. 18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву № 21, называвшуюся «Операция Барбаросса».

Незадолго до этого, на очередном совещании с военным командованием, состоявшемся 5 декабря, он еще раз говорил о необходимости проведения «широких охватывающих операций» с целью «раздробить русскую армию на отдельные группы и задушить их в “мешках”».

* * *

На рубеже 1940—1941 гг. представители германских элит начали создавать специальные организации, которые должны были обеспечить реализацию империалистических экономических целей Германии на территории Советского Союза. Общее руководство политикой ограбления СССР было возложено на Геринга. Еще в ноябре 1940 г. он разъяснял генералам вермахта: «Срединную Европу можно прокормить только с помощью богатых украинских урожаев»; Германии «необходимо прорваться к Кавказу, чтобы овладеть кавказскими нефтяными районами, поскольку без них невозможно ведение широкомасштабной воздушной войны против Англии и Америки». Подготовкой к решению этих двух важных задач Геринг занялся в первую очередь.

21 января и 18 марта 1941 г. Геринг провел встречи с руководителями крупнейших германских концернов и банков. На них обсуждалось создание организации, которая приняла бы в свое владение и управление все нефтяные месторождения и нефтеперерабатывающие предприятия на захваченных Германией территориях, а также на территориях, которые предстояло завоевать в будущем, в первую очередь на Кавказе. Договоренности с крупным капиталом достичь удалось и 27 марта 1941 г. такая организация была создана. Она получила название акционерное общество «Континентальная нефть». Ее акционерами и членами наблюдательного совета стали представители крупнейших германских фирм, таких, как «ИГ Фарбен», «Дойче банк», «Дрездене банк», «Винтерсхалль АГ», «Дойче ойл АГ», «Пройссаг», «Брабаг» и подобные им. Правление акционерного общества

возглавили директор «ИГ Фарбен» Э.Р. Фишер и представитель Рейхсбанка и «Дойче банк» К. Блессинг. В наблюдательный совет общества вошли имперский министр хозяйства В. Функ (председатель), статс-секретарь министерства иностранных дел В. Кепплер, статс-секретарь организации по «четырёхлетнему плану» Э. Нойман, начальник управления военного хозяйства и вооружений ОКБ генерал Г. Томас, а также представители промышленности — К. Краух («ИГ Фарбен» и организация по «четырёхлетнему плану»), Г. Бютефиш («ИГ Фарбен»), А. Ростерг («Винтерсхалль АГ»), К. Ширнер («Дойче ойл АГ»), Г. Виссельман («Пройссаг») и представители банков — Г.И. Абс («Дойче банк»), К. Раше («Дрезденер банк»), А. Родевальд (Имперское кредитное общество), Г. Вельтцин (Берлинское торговое общество).

Первым шагом «Континентальной нефти» стало принятие ею в свое управление французской и бельгийской долей в румынских нефтяных предприятиях. Однако развитие и существование этого общества в целом зависело, как еще в январе 1941 г. выразился Г.И. Абс, «от дальнейшего хода войны». На заседании 27 марта 1941 г. Э.Р. Фишер высказался на этот счет еще яснее: «высшая цель» «Континентальной нефти» — это подчинение германскому влиянию района Персидского залива и «возможно, других стран», где сегодня доминируют «интересы “Ройал-Шелл”». Решающее значение для реализации этих планов будет иметь «исход войны». В апреле 1941 г. германские экономические издания опубликовали официальные сообщения о создании «Континентальной нефти» и при этом выболтали секреты, которые, правда, к тому времени таковыми уже не являлись. Они писали, что «расширение финансовой основы» общества необходимо в расчете на то время, «когда холдинг приступит к решению своих непосредственных задач... Предприятие преследует, совершенно очевидно, очень далеко идущие цели».

Сразу же после нападения Германии на СССР «Континентальной нефти» было поручено «проведение производственно-хозяйственных мероприятий в нефтяной сфере, т.е.

ей было передано исключительное право на добычу, переработку, транспортировку нефти и торговлю нефтепродуктами». Это абсолютное монопольное право предоставлялось обществу сроком на 99 лет; за это оно должно было отчислять германскому государству 7,5% получаемой прибыли.

Осуществлять эксплуатацию остальной части «гигантского пирога», как однажды назвал природные и экономические ресурсы СССР Гитлер, Геринг поручил военно-хозяйственной организации — Хозяйственному штабу «Ольденбург» (позднее он был переименован в Хозяйственный штаб «Восток») во главе с генералом Томасом. Последний, в свою очередь, настрого приказал своим подчиненным: для принятия в управление и использования в германских интересах «всех важных предприятий... целесообразно с самого начала подключить надежных людей из германских концернов, так как, только опираясь на их опыт, можно ... успешно справляться с работой (например, бурый уголь, руда, химия, нефть)».

В феврале 1941 г. через начальника штаба верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршала В. Кейтеля Томас передал Гитлеру и Герингу памятную записку, которая называлась «Военно-хозяйственные последствия операции на Востоке». Анализ данных о советской экономике Томас завершил настоятельной рекомендацией: «посредством быстрых и решительных действий» воспрепятствовать уничтожению запасов, разрушению транспортной сети, электростанций, парка сельскохозяйственных машин и прежде всего кавказских нефтяных промыслов. «Области южнее устья Волги и Дона, включая Кавказ, должны быть также вовлечены в операцию. Кавказская область, дающая горючее, крайне необходима для эксплуатации оккупированных областей», — подчеркивал он. Хозяйственный штаб «Восток», организационная структура которого была полностью сформирована к концу апреля 1941 г., представлял собой гигантский аппарат, опиравшийся на несколько дюжин хозяйственных инспекций, хозяйственных команд, филиа-

лов и других специальных учреждений. Его штат насчитывал 6845 сотрудников.

Иначе планировалось решать вопросы, связанные с использованием продовольственных ресурсов СССР. Геринг дал строгое указание доставить в Германию все захваченное на советской территории продовольствие, которое не будет потреблено вермахтом.

В день нападения на Советский Союз командные инстанции уже имели на руках пресловутую «Зеленую папку», утвержденную Герингом, которая содержала подробные «указания по руководству экономикой в подлежащих оккупации восточных областях».

* * *

Первые быстрые успехи вермахта побудили нацистское руководство уточнить и расширить программу завоеваний. На встрече со своими приближенными 16 июля 1941 г. Гитлер заявил, что германское военное господство должно распространяться вплоть до Урала. «Безопасность рейха будет обеспечена только тогда, когда западнее Урала не останется ни одной чужой воинской части; охрану этого пространства... Германия берет на себя», — подчеркнул он. Позднее Геринг и Гиммлер частенько фантазировали на тему военных баз на Урале, откуда в случае необходимости могли бы предприниматься карательные экспедиции и рейды военной авиации против остатков российского государства в Азии.

Гитлер планировал, что в состав Германской империи будут включены «вся Балтия», «старо-австрийская Галиция», Крым с обширным прилегающим к нему районом, «Волжская колония», а также «район Баку» в качестве немецкой «военной колонии». Кольский полуостров с его месторождениями никеля и фосфоритов и незамерзающим Мурманским портом тоже должен был «перейти к Германии». Румынии могли быть переданы Бессарабия и часть Украины с Одессой. Финляндии Гитлер был готов уступить восточную

Карелию и район Ленинграда, на которые она претендовала. На это он соглашался с легким сердцем — Ленинград так или иначе, еще до передачи финнам, он намеревался «сровнять с землей», а саму Финляндию в перспективе присоединить к Германии в качестве союзного государства.

К середине июля 1941 г. были уже назначены комиссары «имперских комиссариатов» «Остланд», «Москва», «Украина», «Кавказ», которые планировалось создать на оккупированной территории СССР. Открытым оставался лишь вопрос о том, каким должен быть, в конечном счете, статус Украины. Розенберг настаивал на создании «свободного» украинского государства, находящегося под надзором Германии, однако Гитлер два месяца спустя перечеркнул такого рода планы, заявив о «протекторате Германии над Украиной сроком на 25 лет».

Рост территориальных аппетитов Германии ярко иллюстрируют ее военные планы, которые день ото дня становились все более масштабными:

первый план (июнь — июль 1940 г.): цели — Киев и Минск, «возможность» «марша на Москву»;

второй план (5 августа 1940 г.): захват территории до линии Ростов — Горький — Архангельск;

третий план (директива №21 от 18 декабря 1940 г.): «создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Астрахань»;

четвертый план (указания Гитлера от 16 июля 1941 г.): установление германского военного господства вплоть до Баку — устья Волги — Урала.

Размеры «жизненного пространства», которое планировалось завоевать, в течение года увеличились, таким образом, приблизительно в два раза.

Конкретной экономической целью германского крупного капитала на Востоке являлся захват сырья для промышленности, прежде всего кавказской нефти, марганца и железной руды, а также продовольствия и продуктов сельского хозяйства. Германская перерабатывающая про-

мышленность рассчитывала, что Восток, после ликвидации какой бы то ни было конкуренции со стороны местного производства, станет гигантским рынком сбыта для ее продукции. Те же расчеты были и у германских горно-металлургических концернов, планировавших полностью демонтировать новейшие советские заводы. Планы промышленников, отраженные в ряде секретных документов, шли в русле политики уничтожения, проводившейся СС в соответствии с «Генеральным планом Восток» и Герингом. Они не возражали и против намерения Гитлера и командования вермахта стереть с лица земли крупнейшие советские города — Москву, Ленинград, Киев, Сталинград, объявленные «рассадниками большевизма».

* * *

К претворению в жизнь своих планов на территории СССР представители германских хозяйственных элит приступили с лихорадочной активностью и огромной настойчивостью. Хозяйственные штабы частей вермахта были полны специалистов из промышленности. Вслед за передовыми частями двигались специальные подразделения (технические бригады, занимавшиеся вопросами нефти, горнопромышленные и прочие технические батальоны), ядро которых также составляли промышленные специалисты, облаченные в форму «зондерфюреров».

Разбой, которым они занимались, направлялся из Берлина руководством новообразованных концернов, состоявшим из высокопоставленных представителей различных ведомств, вермахта и ведущих промышленников. Наряду с «Континентальной нефтью», о которой мы уже говорили, существовало множество других организаций. Российскими и украинскими горными предприятиями, предприятиями химической и текстильной промышленности, оптовой торговли завладели так называемые «восточные общества» — крупные государственно-монополистические образования,

которые под вывеской «опекунского управления» этими предприятиями осуществляли их передачу «на попечение» или «в аренду» ведущим немецким фирмам, в частности концернам Флика, Круппа, «ИГ Фарбен», «Герман Геринг».

Установление «нового порядка» на Востоке происходило иначе, чем в других оккупированных странах Европы. Военная обстановка здесь оставалась нестабильной, ситуация в тылу в значительной мере осложнялась действиями партизан. Командные инстанции вермахта, имперские комиссары, берлинские министерства — все претендовало на то, чтобы распоряжаться производственными мощностями и рабочей силой на оккупированной территории.

О какой-то планомерной приватизации советской государственной и колхозной собственности думать не приходилось. В этих условиях интерес германских промышленников к вложению средств в новые предприятия на Востоке и к направлению туда рабочей силы был ограниченным. Пытаясь найти выход из положения, германские власти даже развернули в странах Западной и Северной Европы, особенно в Дании и Голландии, кампанию по вербовке предпринимателей, рабочих и служащих «для работы на Востоке».

Крупнейшие германские концерны, прежде всего горно-металлургические, электротехнические и «ИГ Фарбен», были, однако, довольны теми условиями, на которых они получили в свое распоряжение советские предприятия. Договоры о «попечении» и «аренде» были выгодны для них, поскольку все риски на время их действия брало на себя государство. Их занимал единственный вопрос: сможет ли «арендующее общество приобрести арендуемый завод, когда произойдет окончательное оформление политических, государственно-правовых и экономических отношений на оккупированной русской территории и Германская империя соберется продать заводы».

Окружение Геринга, очевидно, выступало против продажи советских предприятий в частную собственность германским фирмам. Однако летом 1942 г. Гитлер под влиянием министра вооружений А. Шпеера принял решение в поль-

зу концернов: «Фюрер... вновь напоминает, что он не желает на Востоке никаких организаций-монополистов, что должна быть включена частная инициатива».

На территории Советского Союза во время оккупации необузданная алчность германских хозяйственных элит проявилась в особенно яркой форме. Имперский министр финансов граф Л. Шверин фон Крозигк был вынужден лично обратиться к высшему руководству с жалобой на полный хаос, царивший в захваченных областях и делавший невозможными государственный контроль, «упорядоченное» взимание налогов и перечисление доходов в государственную кассу. Его филиппика от 4 сентября 1942 г. (так называемое «письмо о гиенах») достойна того, чтобы ее процитировать. Министр отмечал:

«В последнее время всякого рода организации, общества и тому подобные образования вырастают как грибы после дождя... Комиссары по особым вопросам, особые уполномоченные, опекуны, хозяйственные организации, созданные по образцу существующих в Германии, дополняют эту картину... Мы сами уже не знаем, кто является властью, а кто нет, кто принадлежит к властной структуре, к обществу, имеющему полномочия, сходные с полномочиями властной структуры, а кто к большой группе гиен, рыщущих по полям сражений в поисках добычи... На предприятия назначаются высокооплачиваемые опекуны, тогда как всю работу в действительности... выполняют низкооплачиваемые представители местного населения. Служащие из частных фирм и общественных организаций устремляются на Восток, где им назначаются оклады, вызывающие удивление и возмущение фронтовиков».

На оккупированной советской территории германские хозяйственные элиты в значительно большей степени, чем в других захваченных Германией европейских странах, тесно сотрудничали с вермахтом, СС, полицией. Установление здесь «нового порядка» происходило под знаком террора, массовых убийств и использования принудительного труда миллионов людей.

Большую роль в освоении «восточных земель» играл «Дойче банк». Его председатель Г.Й. Абс пришел в «Дойче банк» в 1937 г. и 1 января 1938 г. стал членом его правления. В его лице банк приобрел очень ценного сотрудника. Абс восстановил международные связи «Дойче банк» и затем в течение семи лет руководил его экспансией в Европе и за ее пределами. Он сыграл ключевую роль в подчинении «Дойче банк» в 1938 г. Австрийского кредитного института — Венского банковского союза, а через некоторое время Чешского банковского союза. Установление контроля над этими крупнейшими финансовыми учреждениями Австрии и Чехии со стороны «Дойче банк» знаменовало начало нового этапа его экспансии в Юго-Восточной Европе. Этот регион был важен для «Дойче банк» не только сам по себе. Юго-Восточная Европа рассматривалась им также в качестве моста в Турцию и на Ближний Восток, то есть в те районы, где банк до Первой мировой войны действовал не один десяток лет и располагал определенным влиянием. Активность «Дойче банк» на этом направлении приобрела качественно новое содержание в условиях балканского и африканского походов вермахта, боевых действий в Восточном Средиземноморье и войны против СССР.

В результате близкого знакомства Абса с Шахтом, Функом и многими представителями нацистской верхушки у «Дойче банк» установились очень тесные отношения с Рейхсбанком, имперским министерством экономики, внешнеполитическим ведомством и организацией по «четырёх-летнему плану». Это позволило «Дойче банк» активно пользоваться плодами завоевательной политики гитлеровского режима и рассматривать всю Европу в качестве сферы своей экспансии.

Как и подавляющее большинство германских политиков, военных и крупных капиталистов, Абс был исполнен

ненависти к коммунизму и «большевизму». Нападение Германии на СССР он встретил с нескрываемой радостью и в избытке чувств даже поздравил своего финского коллегу, банкира Р. фон Фиандта, с первыми успехами Германии и Финляндии в борьбе на Востоке «против величайшего врага всякой свободы и человечности». Такие же поздравления он направил и главе румынского государства И. Антонеску.

Руководство «Дойче банк» считало, что на Кавказе, Ближнем и Среднем Востоке перед нефтяной отраслью германской экономики по окончании войны откроются самые широкие перспективы. Это сулило банку немалые дивиденды. Не меньше руководство «Дойче банк» окрыляли и перспективы, которые оно связывало с захватом, ограблением и эксплуатацией советской текстильной промышленности и ее сырьевой базы. После нападения Германии на СССР «Дойче банк» приложил немало усилий для создания соответствующего «восточного общества», в котором должны были доминировать германские частные фирмы, а сам банк играть ведущую роль. 4 августа 1941 г. такое общество было основано. Оно получило название «Восточное общество по волокну».

17 июля 1941 г. Абс по поручению правления «Дойче банк» выступил перед ведущими представителями хозяйственной элиты и различных ведомств рейха с большим докладом, который назывался «Европа и США с экономической точки зрения». Абс изложил взгляд банка на стратегию дальнейшей борьбы Германии за мировое господство («за будущее переустройство отношений между европейским и североамериканским пространствами»). В заключение Абс ознакомил собравшихся с представлением «Дойче банк» о «новом мировом порядке», который должен был установиться после победы Германии в войне. Этот «порядок» выглядел следующим образом: «после войны Германия будет господствовать в Европе»; Европа «после войны не будет зависеть от США»; «Дальний Восток и Южная Америка будут открыты для германского экспорта»; «юго-восточные области [то есть

Ближний и Средний Восток. — Д.А.] и восточноевропейские области будут относиться к германской сфере».

В дальнейшем (в конце 1941—1942 гг.) «Дойче банк», подобно концерну «ИГ Фарбен», сконцентрировал свое внимание на том, что связано с нефтью.

* * *

Разгром СССР, считало нацистское руководство, позволит не только решить «главную проблему в Европе», как выразился Гитлер на совещании с военными 4 ноября 1940 г., но и окажет решающее влияние на исход мировой войны, обеспечит победу в ней Германии. Захват территории, хозяйственного потенциала и природных ресурсов СССР рассматривался им как промежуточный этап в борьбе Германии за мировое господство, за достижение конечных целей ее военной и экономической экспансии. Эти цели были далеко идущими и распространялись не только на Европу, но и на другие континенты. Свидетельство тому — гитлеровская директива № 32 от 11 июня 1941 г. «Приготовления к периоду после “Барбароссы”». В ней говорилось: после разгрома Советской армии «новоприобретенное восточное пространство... будет организовано, гарантировано и при полном содействии вермахта начнется его хозяйственная эксплуатация». За этим последует «продолжение борьбы против британских позиций в Средиземном море и Передней Азии, для чего предусматривается концентрическое наступление из Ливии через Египет, из Болгарии через Турцию и при определенных условиях из Закавказья через Иран».

Заметна связь этого плана с уже цитировавшимся высказыванием Фишера о том, что «высшей целью» «Континентальной нефти» является вытеснение «Ройал-Шелл» из района Персидского залива. В январе 1942 г., когда вермахт стал приближаться к Кавказу, но был остановлен под Ростовом, Краух счел своим долгом напомнить Герингу о том, что хотя захват кавказской нефти и является ближайшей зада-

чей, однако овладение нефтяными промыслами Киркука в Ираке представляется самой важной и выгодной с экономической точки зрения целью. Там нефть выходит на поверхность сама, «под давлением сопутствующего газа» и ее не нужно, как на Кавказе, качать с помощью насосов, подчеркивал Краух. Из каждой скважины в Ираке можно получить нефти в десятки, если не в сотни раз больше, чем на Кавказе. «В случае же разрушения скважин в Передней Азии их можно будет полностью восстановить значительно быстрее, чем на Кавказе, с меньшей затратой сил и материала».

Летом 1942 г., во время немецкого наступления в Северной Африке и новой попытки вермахта прорваться к Кавказу, на сцену выступил «Дойче банк». Он еще с лета 1940 г., в ожидании заключения мирного договора с Англией, активно разрабатывал планы, связанные с ближневосточной нефтью, и готовил соответствующие рекомендации (восстановление германских прав на Ближнем Востоке; компенсация потерь, понесенных Германией в результате утраты этих прав, после Первой мировой войны и т.д.). 4 июля 1942 г. Абс сообщил в министерство иностранных дел о том, что «Дойче банк» проявляет в настоящий момент большой интерес к Египту и Ближнему Востоку. Он заявил: «В случае если в Египте и других районах Ближнего Востока будет желательна деятельность германских банков, мы, учитывая наше положение, рассчитываем на то, что привлекать будут в первую очередь нас. На Ближнем Востоке основанием для этого, наряду с нашей многолетней деятельностью в Турции и т.д., являются нефтяные интересы».

Представители германского крупного капитала рассчитывали, таким образом, приступить к претворению в жизнь своей давней мечты — к созданию собственной нефтяной империи, подобной тем, которыми обладали их британские и североамериканские конкуренты. Добиться этого «Дойче банк», а затем концерн «ИГ Фарбен» и другие германские предприятия пытались еще со времен строительства железной дороги Берлин — Багдад и Первой мировой войны.

Проблема захвата источников нефти на территории СССР и на Ближнем Востоке в 1941—1942 гг. занимала все германские элиты. Наряду с Герингом, организацией по «четырёхлетнему плану», «Континентальной нефтью» и группировавшимися вокруг нее концернами и банками, подготовка к броску на Ближний Восток интенсивно велась германским военным командованием, министерством иностранных дел и спецслужбами.

23 мая 1941 г. на основании директивы Гитлера № 30 был создан «особый штаб Ф» во главе с генералом авиации Г. Фелми, который должен был стать «центральным представительством по всем вопросам арабского мира, входящим в компетенцию вермахта». Он подчинялся непосредственно начальнику штаба верховного главнокомандования германскими вооруженными силами. «Особому штабу Ф» были приданы специальный батальон, имевший «тропическое обмундирование и иракские знаки различия», авиагруппа, инструкторы, «военные эксперты и агенты». Он располагал опорными пунктами на территории Ирака, Ирана, Сирии и Турции. Штабу вменялись в обязанность тесное сотрудничество с германской военной разведкой и снабжение всех «враждебных Англии сил» на Ближнем Востоке оружием, руководящим персоналом и специалистами по саботажу, которые должны были «поддержать будущие германские операции путем своевременного нанесения удара».

* * *

Министерство иностранных дел также активно включилось в подготовку акции на Ближнем Востоке. Через посланника Ф. Гроббу, эксперта по Ближнему Востоку, оно координировало свою деятельность с «особым штабом Ф». В начале 1942 г. Гробба в записке на имя Риббентропа, которая называлась «Продвижение Германии через Кавказ в арабское пространство», сообщал следующее:

«Цель нашего продвижения в арабское пространство — это Суэцкий канал и Персидский залив, а заодно оккупация

Ирака, Сирии и Палестины... Необходимо подготовиться к взятию [под германский контроль. — Д.А.] нефтяных сооружений в различных областях арабского мира и Ирана (Киркук, Ханекин, Абадан, Кувейт, Бахрейн, трубопроводов, ведущих в Триполи и Хайфу, и нефтеперерабатывающих заводов в этих местах)».

Гробба предлагал начать «подготовку к заключению соглашения о переходе [к Германии. — Д.А.] концессии Иракской нефтяной компании» и решить «при участии торгово-политического отдела [министерства иностранных дел. — Д.А.], а также внутригерманских инстанций вопрос о статусе советников». Он сообщил, что обсудил с имперским министерством финансов и Рейхсбанком вопрос о «приведении в движение финансов и экономики» на Ближнем Востоке, после того как он будет оккупирован Германией, и подчеркнул, что «необходимый материал, в частности буровое оборудование, подготавливается».

Главное имперское управление безопасности (РСХА) своими методами также содействовало достижению целей Германии на Ближнем Востоке. Оно собирало необходимую информацию, в частности в зарубежной прессе, и картографический материал. С ним, очевидно, сотрудничал «Исследовательский центр Ближний Восток» в Тюбингене под руководством офицера СС В. Лорха. РСХА передавало полученные им сведения одному из директоров «Континентальной нефти» Г. Шлихту. С 1943 г. на РСХА, по всей видимости, была возложена задача по изучению технических деталей добычи, транспортировки и переработки нефти на Ближнем Востоке. Сведения такого рода требовались для проведения диверсий на британских нефтедобывающих предприятиях, для разрушения нефтеперекачивающих станций и нефтеперерабатывающих заводов.

Наступление вермахта в южных районах СССР летом 1942 г. было прямо связано с планами захвата нефтяных ресурсов. Германское руководство рассчитывало, с одной стороны, удовлетворить потребности вермахта в горячем путем захвата кавказских нефтяных промыслов, а с другой —

надеялось через Кавказ прорваться к «большой нефти» Ближнего Востока. Еще в апреле 1942 г. Гитлер и ОКБ постановили, что главный удар должен быть нанесен вермахтом на южном участке. Цель — «уничтожить врага на подступах к Дону, чтобы затем овладеть нефтяными районами кавказского пространства и перейти Кавказ». Кейтель признавался в кругу своих ближайших сотрудников: «Ясно, что операции 1942 г. должны обеспечить нам доступ к нефти. Если этого не произойдет, то в следующем году мы не сможем проводить никаких операций». Гитлер высказывался еще определеннее: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, то мне придется прекратить эту войну».

Успехи вермахта на начальном этапе наступления вселили в нацистское руководство и хозяйственные круги оптимизм относительно возможности достижения их целей на Кавказе и Ближнем Востоке. Участники «совещания по нефти», созванного Герингом 10 июля 1942 г., прежде всего руководители «Континентальной нефти», пребывали в состоянии полной эйфории и полагали, что вопрос о захвате иракских нефтяных месторождений практически уже решен.

Впоследствии, когда германские войска под ударами Красной Армии были вынуждены уйти с Северного Кавказа, в Берлине никак не хотели расставаться с мечтой о кавказской и ближневосточной нефти. В пропагандистских документах еще в конце января 1943 г. можно было встретить такие заявления: «Освоение расположенных на Кавказе и в Каспийском море русских нефтяных районов предстоит в ближайшее время... Наша отважная армия создаст предпосылки для того, чтобы наша доля в мировых источниках сырья, в том числе в запасах нефти на земле была бы обеспечена».

* * *

Следует отметить, что германская военная каста, не упускавшая случая поговорить о солдатских добродетелях и делах чести, не только попустительствовала совершению чудовищных преступлений в войне на Востоке, но и сама со-

вершала их — то в роли ведущей, то в роли вспомогательной силы.

О том, что деятельность командования вермахта была преступной, свидетельствуют приказы и инструкции ОКБ по ведению «расовой войны» против СССР и Красной Армии. Они доказывают факт тесного, «товарищеского» сотрудничества военной касты с СС при проведении репрессий мирного населения. Об этом, в частности, свидетельствуют «Руководящие указания по специальным вопросам в дополнение к директиве №21» от 13 марта 1941 г., «Положение о действиях полиции безопасности и СД в составе сухопутных сил» от 28 апреля 1941 г. и другие документы.

Еще одним доказательством преступного характера действий германского военного командования является приостановка им деятельности военных судов на период операции «Барбаросса», то есть освобождение от юридической ответственности германских офицеров и солдат в случае совершения ими преступных действий (казней, сожжений селений и прочих «коллективных мер насилия») в отношении населения СССР, если оно «окажет хоть какое-то сопротивление германским вооруженным силам» (распоряжения Гитлера «О военной подсудности в районе "Барбаросса" и об особых мероприятиях войск» от 13 мая 1941 г. и «Руководящие указания о поведении войск в России» от 19 мая 1941 г.).

В начале мая 1941 г., еще до издания этих директив, командование сухопутными силами Германии в одном из подготовленных им проектов аналогичных распоряжений обосновывало необходимость отказа от соблюдения каких бы то ни было норм и правил ведения войны на территории СССР тем, что здесь войскам якобы будет противостоять «особенно опасный и разрушающий всякий порядок элемент из гражданского населения, являющийся носителем еврейско-большевистского мировоззрения».

«Не вызывает сомнения, — подчеркивалось в документе, — что он будет применять свое оружие разложения против ведущего боевые действия и умиротворяющего страну вермахта коварно, исподтишка, везде, где только сможет».

В пресловутом «приказе о комиссарах», основывавшемся на директиве «О военной подсудности в районе “Барбаросса” и об особых мероприятиях войск», верховное главнокомандование вермахта давало указание войскам не признавать политических комиссаров Красной Армии солдатами и «принципиально уничтожать их на месте с помощью оружия... в том числе тогда, когда они лишь подозреваются в саботаже, сопротивлении или подстрекательстве к этому».

Отметим, что названные выше документы, как и многие другие, на которых мы специально не останавливаемся, в частности касающиеся обращения с советскими военнопленными, были разработаны и утверждены германским военным командованием еще до начала войны, то есть до того, как вермахт вступил в боевое соприкосновение с Красной Армией. Преступные цели ставились изначально, и для их достижения изначально планировалось использование преступных средств. Можно ли после этого заявлять, что германская военная элита не несет ответственности за подготовку и осуществление преступлений, что она была «вовлечена» в преступные действия «психопатом» Гитлером?! Гитлеровская «программа», как справедливо отмечает исследователь из Фрейбурга Ю. Ферстер, уже давно являлась для германских элит «интегрирующим фактором». Попытка претворения в жизнь этой программы вообще оказалась возможной только потому, что основные ее компоненты (лозунг о необходимости «расширения германского господства в направлении на Восток», крайне враждебное отношение к большевизму и евреям, культ силы, признание допустимости использования любых средств в «борьбе за существование» и т.д.) задолго до войны стали составной частью их идеологии.

* * *

Преступления иного характера совершили представители германской хозяйственной элиты. С руководством вермахта их объединяло то, что они были исполнены ненависти

к коммунизму и большевизму и не желали мириться с фактом существования СССР. В подготовке военного столкновения с советским государством и формулировании программы завоеваний на Востоке непосредственно участвовала, как было показано выше, четко очерченная, исключительно мощная группировка, являвшаяся своего рода промышленным ядром организации по «четырёхлетнему плану», в частности РВА, а также концерны и банки, участвовавшие в создании акционерного общества «Континентальная нефть». Однако американские судьи на процессе по делу «ИГ Фарбен» в полном противоречии с Законом № 10 Союзного контрольного совета, опираясь на сомнительные аргументы, отвергли обвинения в адрес этой группировки об ее участии в заговоре и преступлениях против мира.

После нападения на Советский Союз германская хозяйственная элита приступила к прямому ограблению советской экономики. Интересы элиты концентрировались в первую очередь на отраслях, связанных с производством сырья, нефтедобычей, а также на горнодобывающей и металлообрабатывающей промышленности, электропромышленности, химическом производстве, предприятиях точной механики и оптики, текстильной промышленности, табководстве и оптовой торговле. На нюрнбергских судебных процессах над германскими промышленниками (исключение составлял лишь процесс по делу Круппа) американские судьи вопреки неопровержимым доказательствам поставили под сомнение причастность подсудимых к преступлениям, совершенным на территории СССР, и оправдали их. Но факт остается фактом: уже с лета 1941 г. сотни уполномоченных германских концернов в составе военно-хозяйственных штабов и «восточных обществ» работали на местах, в частности в Никополе и Кривом Роге, на Нижнем Днепре и в Донбассе. Они возобновляли работу шахт, предприятий и крупных производственных объединений, осуществляли управление ими. На местное население был распространен режим террора и безжалостной эксплуатации. Дейст-

вия представителей германских концернов обеспечивались и «гарантировались» войсковыми частями и специальными подразделениями.

Германские концерны вступали в разного рода «общества опеки», рассчитывая, что это даст им в будущем возможность получить «опекаемые предприятия» в собственность. Американские судьи на процессе по делу Флика, однако, нашли «аргумент», с помощью которого они оправдали германские концерны. Военная добыча на территории СССР, заявили они, являлась не частной, а советской государственной собственностью, поэтому оккупационные власти могли распоряжаться ею в своих интересах. «Мы считаем несущественным намерение Флика, — говорилось в их приговоре, — приобрести, в конечном счете, собственность. Желание чего-либо является грехом согласно Десяти Заповедям, но не является нарушением гаагских конвенций и военным преступлением». Оценивая многочисленные случаи полного демонтажа советских предприятий и вывоза в Германию их оборудования, американские судьи постановили, что данные действия не могут считаться «грабежом в обычном смысле этого слова».

Представители концернов и банков руководили деятельностью акционерного общества «Континентальная нефть». Именно они установили на нефтяных месторождениях Северного Кавказа особый режим, который охранялся частями вермахта и специальными подразделениями. Однако американские судьи на процессе по делу «ИГ Фарбен» записали в приговоре, что у них «не сложилось впечатления, что ИГ [Фарбен] когда-нибудь и сколько-нибудь серьезно руководил деятельностью акционерного общества “Континентальная нефть” или влиял на нее».

Немецкие захватчики считали само собой разумеющимся, что население оккупированных стран не только во время войны, но и после нее — в Европе, находящейся под властью Германии, — будет находиться в их распоряжении в качестве рабочей силы. Первые высказывания представите-

лей германской хозяйственной элиты о том, что регулирование трудовых отношений в Европе должно быть передано находящемуся под германским контролем «центральному учреждению» и «ведущим германским промышленным группам и их союзникам», прозвучали еще до войны.

В 1939—1940 гг., планируя восстановить германскую колониальную империю, ведущие представители германского министерства иностранных дел, «Дойче банк», фирм, ведших в прошлом колониальную торговлю, и пароходных компаний, занимавшихся морскими перевозками, рассчитывали возродить в германских колониях порядки, которые позволили бы немецким «господам» властвовать над «рабами-туземцами».

Превращение десятков миллионов людей, прежде всего славян, в илотов «расы господ» являлось одной из главных целей, преследовавшихся Германией в войне на Востоке. «Генеральный план Восток», в котором эта цель была изложена с предельной ясностью, полностью отвечал коренным интересам германского крупного капитала. Он предусматривал деиндустриализацию «восточного пространства» (там планировалось сохранить лишь предприятия сырьевой промышленности и промышленности основных материалов), обеспечение германских фирм предельно дешевой рабочей силой, предоставление им огромного рынка для сбыта продукции, а также отчасти для экспорта капитала.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

Часть 1 ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКИ В ПЕРИОД ВОЙНЫ С СССР

Начало войны. Причины стратегических неудач Германии в 1941 г.	9
«Иностранные армии Востока»	18
Адмирал Канарис. Мартин Борман — русский агент	26
Трагедия под Сталинградом	38
Битва под Курском. Операция «Цитадель»	47
Генерал Власов и власовское движение	52

Часть 2 ПОСЛЕ РАЗГРОМА ГЕРМАНИИ. НЕМЕЦКАЯ РАЗВЕДКА И США

«Немыслимое»	62
Совместный проект с Вашингтоном	75
Создание «организации Гелена»	86
Под крылом ЦРУ	91
Смерть Сталина и события в Восточной Германии	101
Восточные спецслужбы против «организации Гелена»	106
«Организация Гелена» на службе ФРГ	119

Часть 3
НЕМЕЦКАЯ РАЗВЕДКА ПРОТИВ ЭКСПАНСИИ СССР

Расширение задач организации	127
События в Венгрии и другие советские акции	130
Убийство Степана Бандеры и Льва Ребета	140
Советский шпион Фельве	142
От Карибского кризиса до отставки Хрущева	145
События на Дальнем и Ближнем Востоке	151

Часть 4
ОСОБЕННОСТИ ЗАПАДНЫХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СЛУЖБ

Разведывательная служба. Общие положения	158
Сравнение разведслужб стран НАТО	168
Сотрудники разведки	174
Заключение. Противостояние Запад — Восток продолжается	188
Приложение	193

Рейнхард Гелен

ОТДЕЛ «ВОСТОК»

Тайные операции западных спецслужб против СССР

*Редактор О.В. Селин, художник Б.Б. Пртопопов,
верстка А.А. Кувиинников, корректор Н.Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм–Издат»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Сдано в набор 07.08.11. Подписано в печать 17.09.11.
Формат 84х108/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л.7,5. Тираж 4000 экз. Заказ